

КЕН ФОЛЛЕТТ

*Предыстория самого популярного
исторического романа нашего времени —
«Столты земли»!*

Вечер и утро

Кингсбридж

Кен Фоллетт
Вечер и утро

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Вечер и утро / К. Фоллетт — «Издательство АСТ»,
2020 — (Кингсбридж)

ISBN 978-5-17-137452-5

997 год от Рождества Христова. Темные века на континенте подходят к концу, однако в Британии на кону стоит само существование английской нации... С Запада нападают воинственные кельты Уэльса. Север снова и снова заливают кровью набеги беспощадных скандинавских викингов. Прав тот, кто силен. Меч и копье стали единственным законом. Каждый выживает как умеет. Таковы времена, в которые довелось жить героям – ищущему свое место под солнцем молодому кораблестроителю-саксу, чья семья была изгнана из дома викингами, знатной норманнской красавице, вместе с мужем готовящейся вступить в смертельно опасную схватку за богатство и власть, и образованному монаху, одержимому идеей превратить свою скромную обитель в один из главных очагов знаний и культуры в Европе. Это их история – масштабная и захватывающая, жестокая и завораживающая.

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-137452-5

© Фоллетт К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая. Свадьба. 997 год н. э.	6
1	6
2	19
3	28
4	45
5	66
6	78
7	85
8	95
9	112
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Кен Фоллетт

Вечер и утро

© Ken Follett, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Памяти Э. Э.

Когда Римская империя пришла в упадок, Британия погрузилась во тьму безвременья. Римские виллы ветшали и рушились, а местные жители принялись строить деревянные дома в одну комнату и без дымоходов. Технология изготовления глиняной утвари, столь важная для хранения пищи, по большей части забылась, да и грамотных почти не осталось.

Этот период называют порой темными веками, и растянулся он на мучительно медленные пятьсот лет.

А затем все наконец начало меняться...

Часть первая. Свадьба. 997 год н. э.

1

Четверг, 17 июня 997 г.

Не так-то просто не спать всю ночь, даже если это важнейшая ночь в твоей жизни – Эдгар познал эту истину на собственном опыте.

Он расстелил накидку поверх тростника на полу и улегся, не снимая длинной шерстяной рубахи до колен; кроме нее, иной одежды у него не было, а рубаху эту он летом носил днем и ночью. Зимой Эдгар для тепла кутался в накидку и ложился поближе к огню. Но сейчас-то было тепло, до середины лета оставалась всего неделя.

Эдгар никогда не путался в днях, не то что большинство – им приходилось спрашивать священников, которые вели счет времени. Эрман, старший брат Эдгара, однажды спросил: «Откуда ты знаешь, что наступила Пасха?» Эдгар ответил: «Потому что нынче первое воскресенье после первого полнолуния после двадцать первого дня марта, вот откуда». Задираться было ошибкой, недаром Эрман крепко двинул ему кулаком в живот за эту дерзость. Все случилось много лет назад, когда Эдгар был маленьким. Теперь он вырос. Через три дня после летнего солнцестояния ему исполнится восемнадцать. Братья давно перестали его колотить.

Юноша покачал головой. Мысли путались, клонило в сон. Он лег по-другому, чтобы было неудобно, оперся на кулак, чтобы не заснуть.

Знать бы еще, как долго предстоит ждать.

Эдгар покрутил головой, оглядывая помещение в свете очага. Его дом мало чем отличался от прочих домов городка Кум: стены из дубовой древесины, соломенная крыша и земляной пол, частично покрытый тростником, который нарвали на берегах близлежащей реки. Окна отсутствовали. Посреди помещения был выложен камнями очаг. Над тлевшими угольями стояла железная тренога, на которую вешали утварь для готовки, и ее ножки отбрасывали причудливые тени на изнанку крыши. В стенах торчали, куда ни посмотри, деревянные колышки – для одежды, для кухонной утвари и для плотницких инструментов, с помощью которых мастерили лодки.

Эдгар не ведал, сколько времени прошло, он же мог задремать, сам того не заметив. Но точно уже глубокая ночь. Вечером было слышно, как городок устраивается на ночлег: пара бражников распевала непристойную песенку, в соседнем доме ссорились муж и жена, бросая друг другу упреки, неподалеку хлопали двери, лаяла собака и где-то рыдала женщина. А сейчас царил тишина, и единственным звуком была навевавшая дремоту колыбельная речных волн. Юноша повернул голову к двери, проверяя, нет ли по краям предательских полос света, но не увидел ничего, кроме темноты. Значит, либо луна закатилась и близится утро, либо небо затянули облака. Впрочем, ему-то какая разница...

Остальные члены семьи улеглись вдоль стен, там меньше чадило. Отец и мать лежали спиной к спине. Иногда они просыпались посреди ночи и обнимались, перешептывались и двигались заодно, а потом откатывались друг от друга, тяжело дыша; но сейчас родители крепко спали, папаша громко храпел. Двадцатилетний Эрман, старший из сыновей, прикорнул поблизости от Эдгара, а средний, Эдбальд, забился в уголок. Эдгар слышал их ровное, спокойное дыхание.

Наконец прозвонил церковный колокол.

На дальней окраине городка располагался монастырь. Монахи знали способ измерять время ночью: они делали большие свечи с насечками и по этим насечкам, когда свечи сгорали,

определяли, который час. За час до рассвета звонил колокол, созывая монастырскую братию к заутрене.

На всякий случай Эдгар еще полежал в неподвижности. Колокол вполне мог разбудить маму, которая вообще спала очень чутко. Юноша выждал, сколько смог, чтобы матушка снова погрузилась в глубокий сон. А потом ловко поднялся.

Бесшумно подобрал накидку, взял башмаки и пояс, на котором висел кинжал в ножнах. Босиком пересек помещение, глядя в оба, чтобы не наткнуться на мебель – стол, два табурета и скамью. Дверь открылась беззвучно: накануне вечером Эдгар щедро смазал деревянные петли овечьим жиром.

Пробудись вдруг кто-то из членов семьи и оклики его, он бы сказал, что идет на улицу помочиться, а про себя молился бы, чтобы никто не заметил башмаков у него в руках.

Эдбальд что-то пробормотал, и Эдгар замер. Неужто брат проснулся? Или просто разговаривает во сне? Поди разбери... Ладно, Эдбальд не станет поднимать шум, он всегда норовит увильнуть от домашних склок, прямо как папаша. Даже если не спит, ничего выяснять он не будет.

Эдгар выскользнул наружу и осторожно закрыл за собой дверь.

Луна и вправду зашла, но на ясном небе сверкали звезды, серебря песок у реки. Между домом Эдгара и отметкой прилива стояла мастерская. Папаша строгал лодки, и все трое сыновей трудились под его началом. Он знал толк в ремесле, но вот дела вел никудышно, а потому всеми денежными вопросами ведала матушка, особенно когда требовалось понять, сколько просить с заказчика за такую трудоемкую и непростую работу, как строительство лодки. Если заказчик пытался торговаться и сбивал цену, папаша, дай ему волю, наверняка бы поддался, однако матушка зорко следила за тем, чтобы такого не случилось.

Эдгар надел башмаки, нацепил на себя пояс с кинжалом и огляделся. Во дворе мастерской угадывалось одно-единственное суденышко, малая гребная лодка, способная ходить против течения. Рядом громоздился внушительный штабель драгоценной древесины – стволы поделены на половинки и четвертинки, из которых будут выстругивать части новых лодок. Приблизительно каждый месяц все семейство отправлялось в лес и валило зрелый дуб. Папаша с Эдгаром начинали первыми, попеременно махали топорами на длинных рукоятях, подрубая ствол под нужным углом. Затем они садились отдыхать, а за дело брались Эрман и Эдбальд. Когда дерево падало, ветви обрубали и сплавляли ствол по реке до Кума. Разумеется, приходилось платить, ведь лес принадлежал тану¹ Уигельму, которому большинство жителей Кума уплачивало подать, а тан брал по двенадцать серебряных пенни за каждое дерево.

Помимо штабеля древесины, во дворе находились бочка со смолой и точильный камень, подле которого валялся на земле моток веревки. Все это добро сторожил посаженный на цепь мастиф Грендель, черный пес с сизой мордой, уже слишком старый, чтобы по-настоящему напугать воров, но все еще способный поднять тревогу. Грендель лежал тихо, опустив голову на передние лапы, и равнодушно смотрел на Эдгара. Юноша присел и погладил пса по голове.

– Прощай, старина, – пробормотал он, и Грендель, не вставая, завилял хвостом.

На краю двора притаилось готовое судно, которое Эдгар считал своей собственностью. Он сам построил эту лодку, стараясь придать ей подобие ладьи викингов. Нет, самих викингов он никогда не видел – те на его памяти набегов на Кум не совершали, – но два года назад на берег выбросило обломки, почерневшие от огня, с наполовину расколотой носовой фигурой, в которой можно было опознать драконью голову. Видно, ладья не пережила битву. Эдгара

---

¹ Тан (также тэн) – дворянский титул в англосаксонской Англии. Танами именовались владельцы, получавшие земли от короны и обязанные при необходимости нести военную службу и уплачивать подати в королевскую казну. Помимо короля, наделять своих соратников землями и тем самым превращать в танов имели право также эрлы (англосаксонские графы). Титул и полномочия тана считались наследственными, но наследование предусматривало королевское одобрение. – *Здесь и далее примеч. пер.*

потрясла обезображенная красота корабля – манящие глаз обводы, узкий и длинный нос, тонкие, но прочные стенки. А больше всего юношу поразила увесистый киль вдоль днища; после некоторых размышлений юноша понял, что эта штукавина придает кораблю устойчивость и позволяет викингам ходить по морям. Свою лодку он тоже наделил килем, на ней имелись два весла и мачта для небольшого квадратного паруса.

Эдгар твердо знал, что у него есть дар к ремеслу. Братьев он уже обошел, а скоро, пожалуй, и папашу обставит. Некое чутье словно подсказывало ему, как соединять отдельные части, чтобы получалось надежное целое. Несколько лет назад он подслушал, как папаша говорит матушке: «Эрман учится медленно, Эдбальд куда шустрее, но Эдгар, по-моему, схватывает суть раньше, чем я хоть слово скажу». Так оно и было на самом деле. Некоторым людям от рождения дано особое умение: они берут в руки дудку или барбит² и, пусть ни разу прежде на них не играли, начинают вдруг извлекать мелодию. А Эдгар сызмальства разбирался в строительстве лодок и домов. Бывало, он говорил: «Эта лодка будет крениться на правый борт» или «Эта крыша протечет» – и неизменно оказывался прав.

Юноша отвязал лодку и толкнул ее по песку к воде. Шорох дерева был заглушен плеском набегавших на берег волн.

Внезапно донеслось девичье хихиканье, и Эдгар резко обернулся. При свете звезд он разглядел неподалеку обнаженную девицу, распростертую на песке, и голого мужчину сверху. Наверное, кто-то из знакомых, но лиц не рассмотреть. Эдгар поспешно отвел взгляд, не желая смущать любовников, которых застал врасплох. Девушка совсем молоденькая, а мужчина, возможно, из женатых. Да, церковь не одобряла прелюбодеяние, но люди далеко не всегда соблюдали правила.

Эдгар отвернулся и спустил лодку на воду. Он оглянулся на дом, ощутил укол сожаления. Доведется ли ему увидеться с родными снова? Это единственный дом, который он помнил, хотя сам, как ему рассказывали, родился в другом месте, в Эксетере, где папаша трудился в подмастерьях; потом, когда Эдгар был еще младенцем, семейство перебралось в Кум, и папаша открыл собственную мастерскую гребных лодок. Из раннего детства Эдгар не помнил ровным счетом ничего, так что здешний дом был для него единственным – и сейчас он покидал его навсегда.

Ему посчастливилось найти работу в другом месте. Вообще с заказами на лодки стало туго после того, как возобновились набеги викингов на юг Англии – Эдгару тогда исполнилось девять. Морские разбойники наводили такой страх, что торговля и рыбная ловля пришли в упадок, лодки нынче покупали лишь отчаянные смельчаки.

В гавани, если не подводило зрение, стояло всего три корабля: две рыбацкие лодки ловцов сельди и франкское торговое судно. Впрочем, на берегу виднелись очертания корабликов поменьше, речных и прибрежных. Одну лодку, вон ту, Эдгар точно помогал строгать местному рыбаку. Но все равно это ерунда, а вот раньше в порту непременно было с дюжину кораблей или даже больше.

С юго-запада, как чаще всего здесь и происходило, налетел порыв свежего ветра. Поднять, что ли, парус? Тот был маленьким, ибо паруса стоили дорого: на изготовление полномерного паруса для морского судна одной швее требовалось четыре года. Нет, для короткого перехода по заливу разворачивать парус бессмысленно. Эдгар взялся за весла, благо сил ему было не занимать, с его-то телосложением, плотным, как у кузнеца. Отец и братья тоже выделялись среди местных своими мышцами. Еще бы – дни напролет, шесть дней в неделю, они махали топорами, налегали на тесла и крутили буравы, придавая нужные очертания дубовым доскам, из которых строились лодки. Тяжелая работа делала мужчин по-настоящему сильными.

---

² Барбит – щипковый струнный инструмент, разновидность лиры.

Эдгар приободрился. Итак, он сбежал. Его ждала встреча с женщиной, которую он полюбил. Звезды ярко сверкали, песок словно светился, а росчерки пены от весел на воде напоминали девичьи волосы, ниспадающие на плечи.

Ее звали Сунгифу, обычно это имя сокращали до Сунни, и она была подлинным совершенством во всех отношениях.

Вдоль берега тянулась полоса строений, в основном рыбацких сараев, мастерских и торговых складов: вон кузница жестянщика, который снабжал корабелов поделками, что не боялись ржавчины; вон длинная постройка, в которой плели канаты; вон громадная печь смоляра, в которой обжигали сосновые стволы и добывали липучую смолу для обмазки корабельных швов. С воды городок Кум выглядел большим, в нем проживало несколько сотен человек, и большинство из них добывало средства к существованию, прямо или косвенно, за счет моря.

Эдгар бросил взгляд вперед, на дальний берег. В темноте он, конечно, не разглядел бы Сунни, даже выйди та ему навстречу – а она вряд ли придет заранее, ведь встретиться договорились на рассвете. Но юноше было приятно смотреть туда, где вскоре должна появиться его возлюбленная.

Сунни исполнился двадцать один год, она была старше Эдгара больше чем на три года. Все случилось в тот самый день, когда он сидел на берегу и рассматривал обломки ладьи викингов. Да, они сталкивались и раньше – Эдгар знал в лицо всех жителей своего крохотного городка, – но до того он как-то к ней не приглядывался и ничего не знал о ее семье. «Тебя что, тоже на берег выбросило? – спросила она. – Ты сидел тут и не двигался, я приняла тебя за корягу». Он сразу понял, что эта женщина обладает богатым воображением, раз ей пришло в голову такое сравнение. Эдгар стал объяснять, чем его привлекли обломки, чувствуя, что она поймет. Они проговорили целый час, и юноша влюбился.

Потом она призналась, что замужем, но было уже поздно.

Ее мужу, Кинерику, было тридцать лет. Ее выдали замуж в четырнадцать. Кинерик владел небольшим стадом дойных коров, и Сунни умело управляла молочным хозяйством. С ее деловой хваткой она приносила мужу много денег. Детей у них не было.

Эдгар быстро догадался, что Сунни ненавидит Кинерика. Каждый вечер после дойки тот ходил в таверну под названием «Моряки» и напивался до поросычьего визга. Пока ее муж предавался этому занятию, Сунни сбегала в лес и встречалась с Эдгаром.

Правда, отныне прятаться больше не придется. Сегодня они сбегут – вместе, точнее, уплывут вдвоем. Эдгару предложили работу и дом в рыбацкой деревне в пятидесяти милях по побережью от Кума. Ему повезло отыскать корабеля, который нуждался в рабочих руках. У Эдгара не было денег – никогда не было, матушка повторяла, что ему деньги ни к чему, – однако все свои инструменты он сложил заблаговременно в ящик на лодке. Скоро начнется новая жизнь.

Едва народ сообразит, что они с Сунни сбежали, Кинерик будет вправе жениться снова. Жена, сбежавшая с другим мужчиной, тем самым объявляла о разводе, церковь, конечно, такого не одобряла, но обычай есть обычай. По словам Сунни, через несколько недель Кинерик наверняка отправится в сельскую местность и разыщет там какую-нибудь нищую семью с миловидной четырнадцатилетней дочерью. Эдгар порой задавался вопросом, зачем этому мужчине вообще жена: Сунни говорила, что плотские радости его интересовали мало. «Ему нравится, когда кто-то есть рядом, – пояснила она. – Но беда в том, что я повзрослела достаточно, чтобы начать его презирать».

Кинерик не станет их преследовать, даже если узнает, куда они перебрались, – а этого можно не опасаться, по крайней мере в ближайшее время. «Если мы ошибаемся, если он все-таки бросится нас искать, я выбью из него всю дурь», – заявил однажды Эдгар. По выражению лица Сунни было понятно, что она сочла эти слова глупым хвастовством. Разделяя ее чувства, он тогда поторопился добавить: «Но вряд ли до этого дойдет».

Эдгар добрался до дальнего берега, выволок лодку на песок и привязал к валуну.

Он слышал пение молящихся монахов. Монастырь был совсем близко, а в нескольких сотнях ярдов за ним стоял дом Кинерика и Сунни.

Присев на песок, юноша смотрел на темное море и ночное небо и думал о возлюбленной. Сможет ли она ускользнуть из дома так же легко, как удалось ему? Что, если Кинерик проснется и помешает ей уйти? Может начаться драка, ее могут изрядно поколотить. Внезапно возникло искушение все изменить – прямо сейчас вскочить, побежать к ней домой и забрать Сунни силой.

Он сумел подавить это желание. В одиночку она управится лучше. Кинерик наверняка забылся пьяным сном, а Сунни ловкая, как кошка. Она сказала, что ляжет спать, надев на шею свое единственное украшение, серебряную подвеску с затейливой резьбой на кожаном ремешке. В сумку на поясе она собиралась положить иглу с нитками, полезную вещь в пути, а на голову повязать расшитую холщовую ленту, которую обыкновенно носила по особым случаям. Как и Эдгар, она способна выбраться из дома всего за несколько мгновений.

Скоро она будет здесь – глаза блестят от волнения, гибкое тело прижимается к нему... Они обнимутся, обхватят друг друга крепко-крепко, сольются в страстном поцелуе; затем она сядет в лодку, а он толкнет суденышко в воду, и они поплывут к свободе. Отдалившись от берега, он снова ее поцелует, это уж точно. Сколько они вытерпят, прежде чем заняться любовью? Сунни ведь неймется ничуть не меньше, чем ему самому. Пожалуй, надо выйти на веслах за мыс, там бросить в воду камень на веревке, служивший якорем, а дальше они улягутся прямо на дно лодки; конечно, будет немного неудобно, но кому какое дело? Лодка станет мягко качаться на волнах, и они ощутят голой кожей тепло восходящего солнца.

Или же будет разумнее поставить парус и отойти подальше от города, а уже потом рискнуть остановиться. К наступлению дня хотелось бы очутиться совсем далеко. Разумеется, будет непросто устоять перед соблазном, если Сунни окажется так близко, если она, глядя на него, счастливо улыбнется. Но куда важнее обеспечить их совместное будущее.

Они решили по прибытии в свой новый дом сказать, что уже женаты. До сих пор им не довелось ни разу спать в одной постели. Но с этого дня они каждый вечер будут вместе ужинать, ночи станут проводить в объятиях, а утром будут понимающе улыбаться друг другу.

Эдгар заметил проблеск света на горизонте. Рассвет вот-вот наступит. Значит, Сунни может появиться в любой миг.

Мысли о расставании с семьей все же навевали грусть. Эдгар ничуть не сомневался, что прекрасно проживет без своих братьев, которые до сих пор относились к нему как к глупому несмышленишу и пытались делать вид, будто они умнее, потому что старше. Но он будет скучать по папаше, который с детства рассказывал ему много полезных вещей: «Как бы хорошо ты ни приладил две доски вместе, их стык всегда будет самым слабым местом». А уж расставание с матушкой и вовсе вызвало слезы на глазах. Она была сильной женщиной. Когда что-то шло не так, она не тратила время на сетования и оплакивание своей судьбы – нет, она решительно бралась за дело, чтобы все исправить. Три года назад папаша подхватил лихорадку и чуть не умер, а матушка взяла на себя управление мастерской: указывала трем сыновьям, что и как делать, собирала долги и следила за тем, чтобы покупатели не вздумали отменять заказы; так продолжалось, пока папаша не выздоровел. Она была вожаком, причем не только в семье. Папаша входил в совет двенадцати старейшин Кума, но именно матушка Эдгара повела за собой горожан, когда тан Уигельм вдруг решил повисить подати.

Пожалуй, все эти мысли побудили бы остаться, но счастливое будущее с Сунни перевешивало.

Неожиданно Эдгар различил в тусклом утреннем свете что-то странное на воде. Он с детства отличался остротой зрения и привык выглядывать корабли на расстоянии, никогда не путал их очертания с гребнями высоких волн или нависающими над морем облаками. Но

теперь все казалось каким-то смутным. Он напряг слух, стараясь уловить отдаленные звуки, однако расслышал лишь неумолчный плеск прибоя.

Минуло несколько ударов сердца, и ему почудилось, будто он видит голову чудовища. По спине пробежал холодок. В призрачном свете над водой словно проступили заостренные уши, здоровенные челюсти и длинная шея.

Мгновение спустя он понял, что видит не просто чудовище, а нечто худшее: это ладья викингов с головой дракона на длинном изогнутом носу.

В поле зрения появился второй корабль, потом показались третий и четвертый. Они шли под парусами, подгоняемые усиливающимся юго-западным ветром, споро разрезая волны.

Эдгар вскочил на ноги. Викинги – значит разбойники, насильники и убийцы. Они нападали на побережья и совершали походы вверх против течения рек. Они сжигали города, хватали все, что могли унести, и убивали всех, кроме молодых мужчин и женщин, которых брали в плен и продавали в рабство.

Юноша немного помедлил.

Теперь он видел десять кораблей. Выходит, на борту не менее пятисот викингов.

Может, это все-таки не викинги? Другие корабли перенимали у северян их новшества, старались воспроизвести их самостоятельно, как поступал сам Эдгар. Но он ощущал разницу: в настоящих северных ладьях присутствовала какая-то скрытая угроза, которую не удавалось повторить никому из подражателей.

В любом случае, кто еще мог подкрадываться к берегу на рассвете в таком количестве? Сомневаться не приходилось.

На Кум надвигались силы преисподней.

Надо предупредить Сунни. Если он успеет добраться до нее вовремя, у них еще останется возможность улизнуть.

Эдгар виновато поежился. Все так, его первая мысль была о Сунни, а не о семье. Но родных тоже нужно предупредить. Правда, до них далеко, до Сунни гораздо ближе. Начнем с нее.

Юноша опрометью бросился по берегу, поглядывая под ноги, чтобы не споткнуться в утренних сумерках. Какое-то время спустя остановился и посмотрел на море. Господи, до чего же резвы эти викингские ладьи! На палубах зажглись факелы, ладьи стремительно приближались, одни преодолевали полосу прибоя, а другие уже вылетали на песок. Высадка началась!

Но почему до сих пор не слышно ни звука? Эдгар по-прежнему различал голоса монахов, поглощенных молитвами и не ведающих о грозящей им участи. Они также должны знать... Но ведь он не сможет предупредить всех.

Или сможет? Взглянув на монастырскую колокольню, которая возвышалась на фоне светлеющего неба, Эдгар сообразил, что есть способ предупредить сразу всех – и Сунни, и родных, и монахов, и остальной город.

Он ринулся в сторону монастыря. Из темноты проступила невысокая ограда, и он перепрыгнул через нее, не замедляя шага. Споткнулся, но устоял на ногах и побежал дальше.

У дверей церкви Эдгар оглянулся. Монастырь располагался на небольшом холме, с вершины которого были видны город целиком и залив. Сотни викингов бодро шлепали по отмели на берег и направлялись к городу. Вот загорелась высушенная летним солнцем солома на одной крыше, вот запылала вторая, за ней еще и еще. Юноша знал наперечет все дома в городе и их владельцев, но в тусклом утреннем свете было не понять, какие именно дома горят. Быть может, он опоздал и полыхает его собственный дом?

Он распахнул двери. Неф церкви купался в неверном свете свечей. Голоса монахов утратили слитность – один за другим они умолкали, наблюдая, как Эдгар бежит по проходу. Юноша заметил болтающуюся над полом веревку, схватил ее и резко дернул. К его ужасу, колокол не откликнулся.

Один из монахов отделился от остальных и зашагал к нему. Бритую макушку окружали светлые пряди, по которым Эдгар узнал приора Ульфрика.

– Уйди отсюда, глупый мальчишка! – возмущенно велел настоятель.

Эдгар не стал вдаваться в объяснения.

– Нужно ударить в колокол! – выпалил он в отчаянии. – Почему он не звонит?

Служба прервалась, теперь уже все монахи смотрели на него. Подошел второй из братии, кухонный работник Мервинн, более молодой и не такой напыщенный, как Ульфрик.

– Что стряслось, Эдгар? – спросил он.

– Викинги здесь! – Эдгар вновь схватился за веревку. Раньше он ни разу не пробовал ударить в церковный колокол, и вес махины неприятно его удивил.

– О нет! – простонал Ульфрик. Выражение лица приора сменилось с недовольного на перепуганное. – Боже Всемогущий, спаси и помилуй нас!

– Ты уверен, Эдгар? – уточнил Мервинн.

– Я видел их с берега!

Мервинн подбежал к двери и выглянул наружу. Когда он обернулся, стало видно, что от лица отхлынула кровь.

– Мальчик прав, – проговорил он.

– Бегите! – завопил Ульфрик. – Немедленно!

– Стойте! – возразил Мервинн. – Эдгар, продолжай дергать за веревку. Чтобы колокол зазвонил, понадобится несколько рывков. Давай, у тебя получится. Братья, они скоро будут здесь. Позаботьтесь об имуществе, берите реликварии с останками святых, затем драгоценные украшения и книги. И бегите в лес.

Эдгар буквально повис на веревке, поджимая ноги, и мгновение спустя над монастырем раскатился звон огромного колокола.

Ульфрик схватил серебряный крест и бросился прочь, остальные монахи вели себя по-разному: одни спокойно собирали церковные драгоценности, другие метались из угла в угол и заламывали руки.

Колокол пришел в движение, звон гремел снова и снова, а Эдгар отчаянно дергал за веревку, вкладывая в каждый рывок вес своего тела. Он хотел, чтобы горожане сразу догадались – это не просто какая-то прихоть сонных монахов, а тревожный набат, сулящий беду всему городу.

Вскоре ему подумалось, что сделано, пожалуй, достаточно. Он бросил веревку и выбежал из церкви.

В ноздри ударил едкий запах горячей соломы: свежий юго-западный ветер жадно раздувал пламя, перетекавшее с крыши на крышу. Утро постепенно вступало в свои права, и было видно, как люди выбегают из домов с младенцами на руках, как волокут за собой детей и тащат все, что было им дорого, – инструменты, домашнюю птицу, кожаные мешки с монетами. Самые резвые уже мчались по полю в сторону леса. Быть может, подумалось Эдгару, кто-то спасется благодаря колоколу.

Сам он устремился в обратную сторону, оббегая друзей и соседей, прямым к дому Сунни. На его глазах местный пекарь, рано встававший к печи, выскочил на улицу с мешком муки за спиной. В таверне «Моряки» по-прежнему было тихо, застрявших в ней на ночь пьянчуг не разбудил даже набат. Золотых дел мастер Уин успел взобраться на лошадь и привязать к седлу сундучок с добром; животное в панике встало на дыбы, и Уин вцепился в гриву, чтобы не свалиться. Тралл³ по имени Грифф нес на руках старуху, свою хозяйку. Эдгар внимательно вглядывался в каждое лицо, чтобы ненароком не пропустить Сунни, но она не показывалась.

А затем он столкнулся с викингами.

---

³ Тралл (также трэлл) – в англосаксонской Англии раб или зависимый человек.

Впереди всей шайки шагали с десятков крупных мужчин и две женщины устрашающего вида, все в кожаных куртках, с копьями и топорами. Шлемы они надеть не удосужились, и Эдгар, у которого страх встал комом в горле, сообразил, что викинги не посчитали нужным по-настоящему защищаться от немощных горожан. Кое-кто успел обзавестись добычей: меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью, явно предназначенный для церемоний, а не для битвы; мешок с деньгами; меховые накидки; дорогое седло со стремянами из позолоченной бронзы... Один разбойник вел в поводу белого коня, принадлежавшего, насколько помнил юноша, владельцу рыбацкой лодки, а другой забросил на плечо девичье тело. По счастью, это оказалась не Сунни.

Эдгар сначала попятился, но викингов все прибывало, а бежать было нельзя, потому что ему требовалось отыскать Сунни.

Несколько отважных горожан решили сопротивляться. Они стояли спиной к Эдгару, так что он не мог сказать, кто это. Кто вооружился топором, кто кинжалом, один мужчина взял в руки лук со стрелами. Но все было бесполезно. Эдгар застыл на мгновение на месте, словно окаменевший, наблюдая, как острые лезвия вспарывают человеческую плоть, слушая, как стонут и воют раненые, подобно животным, впитывая ноздрями запах гибнущего города. До сих пор ему доводилось видеть воочию разве что драки между поссорившимися мальчишками или пьяными мужчинами. Потому все для него было в новинку – и пролитая кровь, и выпущенные кишки, и предсмертные вопли. Ужас лишил его сил и обездвижил.

Конечно, торговцы и рыбаки Кума не могли всерьез сопротивляться викингам, для которых насилие было главным ремеслом. Местных мгновенно уничтожили, и викинги двинулись дальше, все более многочисленной толпой.

Эдгар наконец будто отмер и шмыгнул за дом. Нужно как-то оторваться от викингов и все же разыскать Сунни.

Нападавшие двигались по главной улице, преследуя убегающих горожан, а вот между домами и за дома они пока не совались. При каждом доме имелось около полуакра земли, большинство горожан держали огороды и выращивали плодовые деревья, а самые богатые ставили курятники и свинарники. Перебегая со двора во двор, Эдгар рванулся к жилищу Сунни.

Они с мужем проживали в доме, который ничем не отличался от остальных, вот только к ее дому была пристроена маслодельня – сарайчик, обмазанный кобом, смесью из глины, гравия и соломы, под крышей из тонкой каменной черепицы, нарочно, чтобы внутри всегда было прохладно. Маслодельня стояла на краю небольшого поля, где паслись коровы.

Эдгар распахнул дверь и вбежал в дом.

На полу распростерся Кинерик, невысокий и плотный черноволосый мужчина. Тростник под телом пропитался кровью, сам Кинерик лежал совершенно неподвижно. Зияющая рана между шеей и плечом перестала кровоточить, и было件нятно, что он мертв.

Белый с рыжими подпалинами пес Сунни по кличке Бриндл забился в угол и тяжело дышал, дрожа всем телом, как и все собаки, когда они напуганы.

Но где же Сунни?

У дальней стены виднелась распахнутая настежь дверь, ведущая в маслодельню. Эдгар кинулся туда – и услышал крик Сунни.

Он ворвался внутрь и чуть не уткнулся в спину высокого светловолосого викинга. В маслодельне явно разгорелась схватка: на каменному полу растеклась молочная лужа, длинный желоб, куда клали еду коровам, был опрокинут и отброшен в сторону.

Спустя мгновение Эдгар осознал, что с викингом дерется не кто иной, как Сунни. Ее загорелое лицо перекосилось от ярости, разинутый рот обнажал белые зубы, темные волосы рассыпались по плечам. Викинг держал в одной руке топор, но не спешил замахиваться. Другой рукой он пытался повалить Сунни на земляной пол, а она отбивалась большим кухонным

ножом. Очевидно, разбойник возжелал пленить ее, а не убить, потому что крепкая молодая женщина считалась ценной добычей.

Эдгара никто не замечал.

Прежде чем Эдгар успел пошевелиться, Сунни рассекла викингу лицо взмахом ножа, и северянин заревел от боли, когда из раны на щеке хлынула кровь. В ярости он бросил топор, схватил женщину за плечи и швырнул на пол. Она повалилась ничком, и Эдгар содрогнулся, услышав стук, с каким ее голова ударилась о каменную ступеньку у порога. Судя по всему, женщина лишилась чувств. Викинг присел на одно колено, пошарил под курткой и вытащил кожаный шнур, намереваясь, должно быть, связать добычу.

При этом он слегка повернул голову – и краем глаза заметил Эдгара.

На его лице промелькнула тревога, он потянулся за брошенным оружием, но опоздал. Эдгар схватил топор за мгновение до того, как викинг сумел его достать. Это оружие сильно походило на те топоры, какими Эдгару доводилось валить деревья в лесу. Юноша стиснул древко и мимоходом подивился тому, что рукоять и насадка прекрасно сбалансированы. Он шагнул назад, держась вне досягаемости викинга. Тот начал вставать.

Эдгар повел топором перед собой.

Завел за спину, вскинул над головой и наконец опустил вниз, быстро, сильно и четко, одним отточенным движением. Острое лезвие вонзилось в голову разбойнику, прорезало волосы, кожу и череп и глубоко рассекло мозг.

К ужасу Эдгара, викинг не упал замертво, какой-то миг казалось, что северянин отчаянно пытается удержаться на ногах. Но затем жизнь покинула тело, словно кто-то резко затушил свечу, и викинг рухнул наземь, безвольно раскинув конечности.

Эдгар выронил топор и опустился на колени рядом с Сунни. Ее глаза были открыты, но смотрели в никуда. Он позвал ее по имени, попросил поговорить с ним... Взял ее за руку, попробовал растормошить, поцеловал в губы – и понял, что не ощущает ее дыхания. Положил руку ей на сердце, прямо под мягкой округлостью груди, которую так обожал. Из всех сил он старался уловить сердцебиение – и зарыдал, когда осознал, что ничего не чувствует. Сунни умерла, ее сердце больше не билось.

Он долго смотрел на нее, будто не веря собственным глазам, затем с беспредельной нежностью прикоснулся к ее векам кончиками пальцев – так нежно, словно опасался причинить ей боль.

Потом медленно подался вперед, его голова опустилась ей на грудь, а его слезы намочили коричневую шерсть ее домотканого платья.

Мгновение спустя его охватил безумный гнев на человека, отнявшего жизнь Сунни. Он вскочил, снова схватил топор и принялся кромсать мертвого викинга, норовя раздробить лоб, выколоть глаза и рассечь подбородок.

Приступ длился недолго, и Эдгар ужаснулся полной безнадежности того, что он только что творил. Какой прок в мести мертвецу? Тут он различил с улицы возгласы на языке, похожем на тот, на котором говорили в Куме, но все-таки на чужом. Эти звуки заставили его вспомнить об опасности положения, в котором он находился. Быть может, он тоже погибнет.

«Все равно, умру я или нет», – подумалось ему, но это настроение тут же исчезло без следа. Повстречай он другого викинга, его собственная голова может расколоться, в точности так, как голова человека у его ног. Охваченный горем, он все-таки испытывал страх при мысли о том, что его зарубят насмерть.

Но что остается делать? Не годится, если его найдут на маслодельне, где валяется тело убитого им викинга; а если выйти наружу, его обязательно схватят и прикончат. Юноша растерянно огляделся, прикидывая, где можно спрятаться. Взгляд упал на перевернутый желоб для кормежки коров. Эта грубая деревянная конструкция выглядела достаточно большой для того, чтобы укрыться под нею.

Он лег на пол и потянул желоб на себя. Потом спохватился, приподнял желоб и подтянул к себе топор.

Сквозь щели между досками желоба пробивался слабый свет. Эдгар замер и стал напряженно вслушиваться. Дерево несколько приглушало звук, но до слуха доносились истошные вопли. Было страшно вот так лежать и ждать, что какому-то викингу взбредет в голову проявить любопытство и заглянуть под желоб. Если так случится, решил Эдгар, он попытается ударить топором, но будет непросто, ибо он лежит, а противник будет стоять.

Послышался собачий скулеж, должно быть, Бриндл подобрался к перевернутому желобу. Эдгар шикнул на пса, но его голос, похоже, только приободрил того, и Бриндл заскулил громче.

Эдгар выругался, приподнял край кормушки, протянул руку и подтащил пса. Бриндл прилег рядом и замолчал.

Юноша ждал, прислушиваясь к суматохе резни и разрушения.

Бриндл начал слизывать мозги викинга с лезвия топора.

* * *

Эдгар не мог сказать, как долго он пролежал под кормушкой. Когда потеплело, он подумал, что солнце уже поднялось высоко. В конце концов шум снаружи стих, но как узнать, что викинги уже убрались? Всякий раз, гадая, выглянуть наружу или нет, юноша решал не рисковать жизнью. А затем вспоминал Сунни и начинал плакать.

Бриндл дремал у него под боком, но время от времени собака скулила и вздрагивала. Интересно, подумалось Эдгару, снятся ли собакам дурные сны.

Самому ему доводилось попадать в такие сны: он то тонул вместе с кораблем, то оказывался под падающим дубом, то спасался от лесного пожара. Просыпаясь после таких снов, он испытывал сильное облегчение, глаза были на мокром месте. Неужто и нападение викингов может быть всего-навсего дурным сном, от которого он рано или поздно проснется – и выяснит, что Сунни по-прежнему жива? Однако проснуться не получалось.

Наконец он услышал голоса, говорившие на привычном англосаксонском. Но все еще медлил и вслушивался. Голоса звучали встревоженно, а не испуганно, в них ощущалось горе, а не страх за свою жизнь. Это определенно должно означать, что викинги ушли, сказал себе Эдгар.

Сколько его друзей разбойники увели, чтобы продать в рабство? Сколько трупов его соседей оставили за собой? Жива ли его семья?

Бриндл хрипло зарычал и попытался встать. Под желобом псу было не повернуться, однако он явно чувствовал, что вылезать безопасно.

Эдгар приподнял желоб. Бриндл немедленно выбрался наружу. Эдгар последовал за ним, сжимая в руке топор викинга, и опустил желоб обратно на пол. Он распрямил ноющие конечности и повесил топор на пояс.

Потом осторожно выглянул на улицу.

Город погиб.

На мгновение юноша застыл в полном смятении. Как такое вообще возможно? Впрочем, о чем тут говорить?.. Почти все дома сгорели дотла. Некоторые до сих пор тлели. Кое-где остались стоять каменные сооружения, и потребовалось время, чтобы их опознать. В монастыре было два каменных здания: церковь и двухэтажный дом с трапезной на первом этаже и dormitorio наверху. Но в самом Куме тоже имелось две каменные церкви. Затем Эдгар отыскал взглядом остатки дома Уина – золотых дел мастер при помощи каменной кладки защищал свое имущество от воров.

Коровы Кинерика выжили и теперь сгрудились посреди огороженного пастбища; вообще домашний скот считался ценной добычей, но, рассудил Эдгар, викинги решили, по-видимому,

что животные займут слишком много места на бортах кораблей, – подобно всем налетчикам, эти разбойники предпочитали деньги и небольшие дорогостоящие предметы вроде украшений.

Горожане ошеломленно бродили среди развалин, почти не разговаривали между собой, разве что горестно восклицали и бранились.

На якоре в гавани виднелись все те же три судна, а ладьи викингов исчезли.

Юноша заставил себя повернуться к трупам на полу маслобойни. Викинг едва мог сойти за человеческое существо, и Эдгару как-то не верилось, что это он такое с ним учинил. Кто бы мог подумать...

Сунни словно продолжала мирно спать. Никаких зримых следов удара о каменный порог. Глаза были полуоткрыты, и Эдгар их закрыл. Он опустился на колени, снова попробовал нащупать сердцебиение, понимая, что надеяться глупо. Ее тело успело остыть.

Что он должен сделать? Возможно, он сумеет помочь ее душе попасть в рай. Монастырь цел, значит, надо отнести ее к монахам.

Он обнял Сунни. Поднять тело оказалось труднее, чем он ожидал. При жизни она была стройной, а Эдгар не жаловался на отсутствие сил, но неподатливое тело так и норовило выскользнуть, а потому, когда он вставал, пришлось прижать ее к груди куда крепче, чем ему бы хотелось. Это грубое объятие и осознание того, что она не чувствует боли, лишний раз напомнило о ее смерти и заставило разрыдаться.

Он прошел через дом, мимо тела Кинерика, и вышел на улицу.

Бриндл трусил за ним.

Похоже, дело к полудню, хотя сказать наверняка было трудно из-за пепла в воздухе и дыма от тлеющих углей; над развалинами витал отвратительный запах горелой человеческой плоти. Выжившие озадаченно оглядывались, будто отказываясь признавать случившееся. Люди возвращались из леса, некоторые гнали перед собой скот.

Эдгар двинулся к монастырю. Тело Сунни оттягивало руки, но он наслаждался этой болью, обретая в ней утешение. Но вот ее глаза то и дело приоткрывались, отчего он испытывал непреходящую досаду. Ему хотелось, чтобы Сунни выглядела спящей.

Никто не обращал на него внимания, всем хватало своих забот и хлопот. Он добрался до церкви и вошел внутрь.

Как выяснилось, податься сюда пришло на ум не только ему. Вдоль нефа лежали многочисленные тела, а рядом стояли или сидели на коленях живые. Приор Ульффрик шагнул навстречу Эдгару – во взоре настоятеля плескалось безумие – и строго спросил:

– Жива или мертва?

– Это Сунгифу, и она мертва, – ответил Эдгар.

– Мертвых кладут с восточной стороны, – сообщил Ульффрик, слишком озабоченный, чтобы щадить чьи-либо чувства. – В неф сносят раненых.

– Пожалуйста, помолитесь за ее душу.

– Мы отпоем всех погибших.

– Я поднял тревогу, – возразил Эдгар. – Быть может, спас тебе жизнь. Пожалуйста, помолись за нее.

Ульффрик промолчал и удалился.

Эдгар увидел, что брат Мервинн перевязывает ногу раненому мужчине, а тот скулит от боли. Когда Мервинн наконец встал, юноша попросил его:

– Будь добр, помолись за душу Сунни, хорошо?

– Да, конечно, – отозвался Мервинн и осенил крестным знаменем чело Сунни.

– Спасибо.

– Положи ее у восточной стены.

Эдгар прошел по нефу мимо алтаря. В дальнем конце церкви лежали аккуратными рядами два или три десятка тел, на которые взирали скорбящие родственники. Юноша осто-

рожно уложил Сунни к остальным, распрямил ее ноги и скрестил руки на груди, а затем поправил ей волосы. Ему захотелось стать священником и самому помолиться о ее душе.

Он долго стоял на коленях, глядя в ее неподвижное лицо, изо всех сил пытаясь осознать, что никогда больше она не посмотрит на него с милой улыбкой.

Но постепенно верх взяли заботы о живых. Живы ли его родители? Уцелели ли братья или их увезли в рабство? Всего несколько часов назад он собирался покинуть свою семью навсегда. Однако теперь без них не обойтись, иначе он останется один на всем белом свете.

Он пробыл подле Сунни еще немного и покинул церковь; Бриндл по-прежнему тащился за ним.

Снаружи Эдгар задумался, как поступить, и решил пойти к себе домой. Дом, конечно, спалили налетчики, но, возможно, он отыщет семью или какую-то подсказку по поводу того, где могут быть родичи.

Самый быстрый путь вел по берегу. Направляясь к морю, Эдгар гадал, уцелела ли его лодчонка. Он привязал ее в отдалении от ближайших домов, так что, если повезло, она ждет хозяина в целости и сохранности.

По пути к морю он столкнулся с матерью, которая возвращалась в город из леса. Заприметив родное – суровое, жесткое – лицо и узнав целеустремленную походку, Эдгар испытал такое облегчение, что едва устоял на ногах. Матушка держала в руках бронзовый котелок – наверное, единственное, что успела забрать из дома. Взгляд ее был полон грусти, но плотно сжатые губы говорили, что сдаваться она не намерена.

Когда она увидела Эдгара, то грусть в глазах мгновенно исчезла. Матушка обняла его, прильнула лицом к его груди и всхлипнула:

– Мой мальчик, мой Эдди! Ты жив, хвала небесам!

Он обнял ее в ответ и зажмурился, чтобы не разреветься. До этого мига он сам не понимал, как сильно за нее волновался.

За спиной у матушки стояли Эрман, смуглый, как она, но скорее озлобленный, чем решительный, и Эдбальд, светлокожий и веснушчатый; а вот отца не было.

– Где отец? – спросил юноша.

– Он велел нам бежать, – ответил Эрман. – А сам остался в мастерской.

Очень хотелось упрекнуть братьев за то, что они бросили отца, но сейчас было не до взаимных обвинений; вдобавок и сам Эдгар прятался от викингов.

Матушка разжала руки.

– Мы возвращаемся домой, – сказала она. – Если есть куда возвращаться.

Они двинулись к берегу. Матушка шагала быстро, нетерпеливо, словно торопилась узнать правду, какой бы горькой та ни была.

– А ты быстро удрал, братишка, – проворчал Эрман. – Почему ты нас не разбудил?

– Я всех разбудил, – возразил Эдгар. – Это я ударил в монастырский колокол.

– Ну да, рассказывай.

Это было вполне в духе Эрмана – затеять ссору в такое время. Эдгар отвернулся и промолчал. Ему было плевать на брата и его слова.

На берегу выяснилось, что лодка Эдгара пропала. Наверняка ее забрали викинги, уж они-то разбираются в добротных кораблях. К тому же лодку увести проще, чем корову, – привязал к корме одной из ладей и тащи за собой.

Неприятная потеря, но Эдгар ничуть не огорчился. Подумаешь, какая ерунда, по сравнению со смертью Сунни.

Шагая по берегу, они наткнулись на тела женщины и юноши возраста Эдгара. Явно мать и сын. Быть может, викинги ее убили, когда она пыталась помешать им забрать ее сына в рабство.

В нескольких ярдах лежал еще один труп. Эдгар заглядывал в лицо каждому телу, узнавал друзей и соседей, но отца среди них не было, и он начал надеяться, что папаша, возможно, все-таки выжил.

От дома остался только очаг, над которым возвышалась железная тренога.

Поодаль от развалин лежал отец. Матушка испустила душераздирающий крик и упала на колени. Эдгар присел рядом с ней и обвил рукой подрагивающие плечи.

Отцу отсекли правую руку по самое плечо – должно быть, топором, – и он, похоже, истек кровью. А ведь совсем недавно это была рука сильного и умелого мужчины. На глаза Эдгара навернулись слезы, горечь утраты в груди мешалась с гневом.

Он услышал слова Эдбальда:

– На двор посмотрите.

Эдгар встал и вытер глаза. Сначала он не понял, что именно видит, пришлось снова протереть глаза.

Двор сгорел. Лодка на помосте и запас древесины превратились в груды золы заодно с бочонком смолы и веревкой. Уцелел только точильный камень, на котором еще вчера острили инструменты. Среди пепла Эдгар разглядел обугленные кости, слишком мелкие для человеческих, видно, бедный старый Грендель сгорел прямо на цепи.

На этом дворе хранилось все семейное богатство.

Эдгар понял, что потеряли они не только двор, но и все средства к существованию. Даже если найдется кто-то, согласный заказать лодку у трех подмастерьев, строить ее нет дерева, нет инструментов для работы по дереву и нет денег на покупку всего, что им могло бы понадобиться.

Матушка, верно, припасла в кошеле несколько серебряных пенни, но лишних денег в семье никогда не водилось, а доходы папаша вечно тратил на покупку древесины. Он любил повторять, что хорошее дерево лучше серебра, потому что его труднее украсть.

– У нас ничего не осталось, и работать нам нечем, – проговорил Эдгар. – Что, разрази меня гром, мы будем делать?

2

Суббота, 19 июня 997 г.

Епископ Уинстен Ширингский натянул поводья на вершине холма и посмотрел вниз, на городок Кум. От самого городка, собственно, мало что осталось, лучи летнего солнца падали на серую пустыню.

– Даже хуже, чем я ожидал, – сказал Уинстен. Единственным признаком того, что жизнь все-таки продолжается, были несколько неповрежденных кораблей и лодок в гавани.

Приблизился брат епископа, Уигельм.

– Всех викингов до единого надо сварить заживо!

Уигельм был таном, принадлежал к богатым землевладельцам. На пять лет моложе тридцатилетнего Уинстена, он до сих пор частенько впадал в ярость по любому поводу.

На сей раз Уинстен согласился.

– На медленном огне, – прибавил он.

Их разговор услышал старший из единокровных братьев. По обычаю, имена в семье давали схожие, так что старший, сорокалетний, носил имя Уилвульф, но откликался на Уилфа. Он был элдорменом⁴ Ширинга, то есть правителем той части западной Англии, где находился Кум.

– Должно быть, вы раньше не видели города после набега викингов. Да, вот так это выглядит.

Они направили коней к разрушенному городу, за спинами держались немногочисленные вооруженные воины. Уинстен знал, что со стороны они смотрятся внушительно – трое высоких и крепких мужчин в дорогой одежде, верхом на отличных конях. Уилвульф надел синюю рубаху до колен и кожаные башмаки; Уигельм выбрал красное, а сам Уинстен облачился в простую черную накидку до щиколоток, как подобало священнослужителю, однако пошитую из отменной ткани. На шее у него висел большой серебряный крест на кожаном ремешке. Все трое братьев щеголяли пышными светлыми усами, но бород не носили, как было заведено у богатых англоv⁵. Густые светлые кудри ниспадали на плечи Уилвулфу и Уигельму, Уинстен брил макушку, по обыкновению всех священнослужителей. Словом, братья казались людьми зажиточными и важными, какими и были на самом деле.

Безутешные горожане бродили среди развалин, копались в мусоре и складывали жалкие кучки уцелевшего имущества – обезображенные огнем предметы металлической кухонной утвари, почерневшие от пламени костяные гребни, треснувшие горшки и испорченные инструменты. Рядом куры клевали землю, а свиньи с хрюканьем рылись в пепелище в поисках чего-либо съедобного. Пахло пожарищем, и Уинстен вдруг понял, что старается задерживать дыхание.

Чем ближе подъезжали братья, тем больше горожан поворачивались к ним, тем больше лиц светились надеждой. Многие были знакомы с братьями, а те, кто никогда не видел их раньше, по облику догадывались, что приехали люди могущественные. Кто-то громко поздравовался, кто-то захлопал в ладоши. Горожане бросали свои скорбные дела и следовали за братьями. Судя по выражению лиц, жители Кума твердо верили, что эта величаяя троица все исправит.

---

⁴ В англосаксонской Англии титул знатного человека, власть которого в конкретной местности не зависела от одобрения короны. Элдормены собирали ополчения и предпринимали военные походы, вершили суд и взымали подати. Позднее этот титул был вытеснен титулом «эрл» (граф).

⁵ Здесь и далее под «англами» и «англичанами» имеются в виду англосаксы – преобладающее население острова Англия в тот исторический период, о котором идет речь. На остров они прибыли с континента (завоевание длилось почти два столетия) и оттеснили на север и запад местные племена кельтов-бриттов.

Братья остановили коней на открытом участке между церковью и монастырем. Мальчишки, отталкивая друг друга, кинулись принимать поводья, когда они спешили. Навстречу шагнул приор Ульфрик, седые волосы которого почернели от грязи и копоты.

– Милорды, город отчаянно нуждается в вашей помощи! Люди...

– Помолчи! – перебил Уинстен, и его звучный голос раскатился над печальным гомоном толпы. Братья ничуть не удивились, поскольку Уинстен заранее предупредил их о своем намерении.

Горожане послушно умолкли.

Уинстен снял крест с шеи и высоко воздел над головой, затем повернулся и медленно, как положено на службе, двинулся к церкви.

Братья не отставали, а следом потянулись все остальные.

Епископ вошел в церковь и все тем же неспешным шагом направился вдоль прохода, искоса поглядывая на ряды раненых на полу, но не поворачивая головы. Те, кто был в состоянии, кланялись или преклоняли колени при виде воздетого креста. У дальней стены виднелись неподвижные тела погибших.

Подойдя к алтарю, епископ простерся ниц, замер недвижимо, припав лицом к земляному полу; его правая рука, с зажатым в пальцах крестом, словно указывала на алтарь.

Он пролежал так довольно долго, а местные молча наблюдали. Наконец Уинстен поднялся на колени, раскинул руки в мольбе и горестно спросил:

– Господи, чем мы Тебя прогневили?

Из-за спины донесся звук, напоминавший общий вздох.

– В чем мы согрешили? – продолжал епископ. – За что Ты нас караешь? Взываем о прощении, о Всевышний!

Это была наполовину молитва, наполовину проповедь. Уинстену требовалось внушить жителям Кума, что беда, которая обрушилась на их дом, случилась по воле Божьей. Набег викингов следовало воспринимать как наказание за грех.

Впрочем, одними только упреками и увещаниями делу не поможешь, предстояло погрузиться в повседневные хлопоты, поэтому Уинстен не стал затягивать с напутствием.

– Сейчас, приступая к восстановлению нашего города, – изрек он в заключение, – мы должны удвоить свои усилия, показать себя смиренными и богобоязненными христианами во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

– Аминь, – откликнулась толпа.

Епископ выпрямился, повернулся так, чтобы все увидели его залитое слезами лицо, и повесил крест обратно на шею.

– А теперь, пред ликом Божиим, я призываю моего брата, элдормена Уилвульфа, совершить правый суд.

Бок о бок Уинстен и Уилвульф прошли по нефу к дверям, за ними шагали Уигельм и Ульфрик. Горожане следовали за ними.

Снаружи Уилвульф огляделся.

– Я буду вершить суд прямо тут.

– Очень хорошо, милорд. – Ульфрик щелкнул пальцами и велел ближайшему монаху: – Принеси кресло. – После чего снова повернулся к Уилвульфу: – Чернила и пергамент понадобятся, элдормен?

Уилвульф умел читать, но письмом не овладел. Уинстен, как и большинство высокопоставленных священнослужителей, был сполна обучен грамоте, а вот Уигельм оставался неграмотным.

– Думаю, мы вряд ли будем что-то записывать, – сказал Уилвульф.

Внимание Уинстена отвлекла высокая женщина лет тридцати в драном красном платье, привлекательная, несмотря на пятно пепла на щеке. Говорила она очень тихо, но он разбирал каждое слово, проникнутое отчаянием.

– Помоги мне, милорд епископ, молю тебя! – произнесла она.

Уинстен отмахнулся:

– Не приставай ко мне, глупая сука.

Он знал эту женщину – Мегенсвит, если коротко, то Мэгс. Она жила в большом доме с десятком или дюжиной других женщин – одни были рабынями, другие добровольно возлежали с мужчинами за деньги.

– Уж ты точно не первая из тех, кому я сострадаю в Куме, – добавил он, не глядя на нее, негромко, но решительно.

– Но викинги забрали всех моих девушек и похитили мои деньги!

Значит, теперь все стали рабынями, подумалось Уинстену.

– Обсудим позже, – проворчал он, а затем возвысил голос, покосившись на людей поблизости: – Прочь с глаз моих, мерзкая блудница!

Мэгс немедленно отступила.

Два монаха приволокли большое дубовое кресло и поставили его посреди открытого пространства. Уилвульф сел в кресло, Уигельм стоял слева от него, а Уинстен расположился справа.

Пока горожане собирались вокруг, братья вполголоса переговаривались между собой. Все трое привыкли получать доход от Кума. Этот городок был вторым по значимости поселением во владениях Уилвульфа, уступал только Ширингу. Каждый дом платил подать Уигельму, который делился доходами с Уилвульфом. Также с горожан взимали десятину в пользу церкви, а та отчисляла долю епископу Уинстену. Еще Уилвульф брал подати с вывоза и ввоза товаров через местный порт, а Уинстен исправно получал средства от монастыря; Уигельм же обложил поборами рубку леса. Но два дня назад весь этот поток богатств прервался.

Уинстен мрачно предрек:

– Похоже, тут еще долго никто ничего не заплатит.

Придется ужаться в расходах. А ведь епархия и без того не слишком прибыльная. Вот будь он, подумалось Уинстену, архиепископом Кентерберийским, беспокоиться было бы не о чем – все богатства церкви на юге Англии были бы в его распоряжении. А у епископа Ширинга возможности крайне скромные. Надо прикинуть, от чего предстоит отказаться. Брр! Он ненавидел отказываться от удовольствий.

Уигельм пренебрежительно махнул рукой:

– У всех горожан припрятаны денежки. Пригрозишь вспороть брюхо – тут же сами выложат.

Уилвульф покачал головой:

– Не глупи, брат. – Этот совет он повторял Уигельму неоднократно. – Большинство горожан потеряли все, что у них было. Ни еды, ни средств, чтобы ее купить, ни способов заработать... По зиме они начнут собирать желуди на суп. Те, кому посчастливилось выжить, ослабеют от голода. Дети станут умирать от болезней, старики будут падать без сил и ломать себе кости, а молодые и крепкие попросту сбегут отсюда.

Уигельм досадливо насунился:

– Так что нам делать?

– Мы поступим мудро, если умерим наши притязания.

– Что, вот прямо так взять и отменить подати?

– Глупец! Мертвые податей не платят. Если эта кучка выживших снова займется рыбной ловлей, ремеслом и торговлей, быть может, следующей весной они и смогут нас содержать.

Уинстен согласно кивнул. Уигельм явно был против, но спорить не стал: в конце концов, Уилвульф был старшим – по возрасту и по положению.

Когда все было готово, Уилвульф произнес:

– Что ж, приор Ульфрик, поведай нам, как все было.

Начался суд элдормена.

Ульфрик сказал:

– Викинги явились два дня назад, на рассвете, когда все спали.

Уигельм процедил:

– Почему вы не отбились от них? Струсили?

Уилвульф вскинул руку, призывая к тишине.

– Все по порядку. – Он повернулся к Ульфрику: – Приор, впервые на моей памяти викинги напали на Кум. Тебе известно, откуда приплыла эта шайка?

– Нет, милорд. Надо спрашивать людей – может, кто из рыбаков заметил их ладьи в море?

Подавал голос дородный мужчина с седой бородой:

– Мы никого не видели, господин.

Уигельм, который лучше своих братьев знал горожан, пояснил:

– Это Маккус. Ему принадлежит самая большая лодка в городе.

Маккус продолжал:

– Как по-нашему, разбойники осели по ту сторону пролива, в Нормандии. Говорят, будто они там копят силы, потом приплывают к нам, грабят и продают добычу норманнам, да проклянет Господь их бессмертные души.

– Звучит правдоподобно, – признал Уилвульф, – но толку от этих сведений немного. В Нормандии длинная береговая линия. Какой там ближайший порт, Шербур?

– Вроде бы да, – отозвался Маккус. – Мне рассказывали, что он расположен на мысу, который выдается далеко в пролив. Сам я там не бывал.

– Я тоже, – сказал Уилвульф. – Вообще из местных кто-нибудь туда плавал?

– Разве что в прежние времена, – честно ответил Маккус. – Нынче нам боязно в эту даль соваться. Кругом же викинги, с ними никто не желает связываться.

Уигельм не терпел подобных разговоров.

– Мы должны собрать флот и отправиться в Шербур, – процедил он. – Спалим там все дотла, как они спалили Кум!

В толпе вокруг раздались одобрительные возгласы – молодежь поддержала тана.

– Кому взбретет в голову напасть на норманнов, тот ничего о них не знает, – рассудительно проговорил Уилвульф. – Они ведь потомки викингов. Пускай сегодня они слегка при-смирели, но жестокость у них в крови. Кстати, кто-нибудь может ответить, почему на нас нападают именно викинги, а не норманны?

Хмурый Уигельм промолчал.

– Эх, хотел бы я знать больше о Шербуре, – мечтательно протянул элдормен.

Некий молодой человек из толпы вдруг сказал:

– Я был там один раз, милорд.

Уинстен с любопытством посмотрел на него.

– Ты кто такой?

– Эдгар, сын корабела, милорд епископ.

Уинстен внимательно оглядел парня. Среднего роста, но мускулистый, как и положено корабелам. Волосы светлые с рыжеватым отливом, борода узким клинышком. Говорил он вежливо, но без страха, как будто ничуть не смущаясь высокого положения тех, к кому обращался.

– Как тебе случилось оказаться в Шербуре? – уточнил епископ.

– С отцом приплыл. Мы доставляли туда лодку, которую построили здесь. Это было пять лет назад. Наверное, сейчас там все по-другому.

– Уже хоть что-то, – благосклонно заметил Уилвульф. – Ну, юноша, что ты помнишь?

– Помню просторную гавань, в которой можно разместить множество кораблей и лодок. Правил городом граф Хьюберт, или, на местный лад, Юбер, – наверное, до сих пор правит, он еще не старик был.

– Понятно.

– Также помню дочь графа, Рагну. Рыжие волосы...

– Удалой малец, сразу глаз положил. – Уилвульф хмыкнул.

В толпе засмеялись.

Покрасневший Эдгар повысил голос, перекрывая смех:

– Я видел там каменную башню.

– Вот! Что я тебе говорил? – Уилвульф повернулся к Уигельму. – Будет самоубийством нападать на город с каменными укреплениями.

– Пожалуй, я кое-что придумал, – задумчиво произнес тан.

– Так поделись.

– А не подружиться ли нам с этим графом Хьюбертом? Его можно убедить, что христиане, будь они норманны или англы, должны сообща сражаться против кровожадных викингов, которые поклоняются Одину.

Епископ Уинстен знал, что викинги, осевшие на севере и востоке Англии, частенько принимали христианскую веру, но их собратья-мореплаватели по-прежнему цеплялись за старых языческих богов.

– Неплохая мысль, Уилф. Ты умеешь быть убедительным, когда тебе этого хочется, – сказал Уинстен с ухмылкой. Он не льстил: Уилвульф и вправду обладал неким суровым обаянием.

– Не знаю, не знаю, – проворчал Уилвульф.

– Да ладно тебе, братец! – Уинстен заговорил тише, чтобы не подслушали любопытные горожане. – Что, о короле Этельреде вспомнил? Мол, с чужестранцами дела вести – это королевская привилегия?

– Вот именно.

– Предоставь это мне. Я все улажу.

– Как ни крути, надо что-то делать, не то треклятые викинги окончательно разорят мои владения, – посетовал Уилвульф. – Ну, какие еще разумные предложения будут?

Толпа негромко загомонил, но вперед никто не лез. Для горожан, как чувствовал Уинстен, все слова о дружбе с норманнами были пустыми обещаниями. Помощь-то Куму требовалась здесь и сейчас, люди рассчитывали, что трое братьев не бросят их в беде. Знатным полагось защищать простолюдинов, тем самым подтверждая свое право на богатство и власть, но вышло так, что братья не сумели обеспечить безопасность Кума. Теперь от них ждали, что они не допустят такого впредь.

Очевидно, Уилвульф подумал о том же.

– Ладно, поговорим о насущном. Приор Ульфрик, чем людей кормят?

– Едой из монастырских запасов, которые не были разграблены, – ответил Ульфрик. – Викинги побрезговали рыбой с бобами, им лишь бы золота да серебра утащить.

– А где люди спят?

– В церкви, вместе с ранеными.

– А мертвых куда кладете?

– У восточной стены церкви.

– Уилф, позволь спросить? – вмешался Уинстен.

Элдормен кивнул.

– Спасибо. – Епископ повысил голос, чтобы все его слышали: – Жители Кума! Сегодня на закате я отслужу поминальную службу за всех погибших. Даю вам позволение выкопать братскую могилу. В такую теплую погоду трупы, не приведи Господь, способны перезаражать живых, так что все мертвые тела нужно похоронить до конца завтрашнего дня.

– Разумеется, милорд епископ, – тут же подхватил Ульффрик.

Уилвульф оглядел толпу горожан и нахмурился.

– Навскидку здесь собралось около тысячи человек. То есть выжила половина городского населения. Это много. Как им удалось спастись от викингов?

– Милорд, один юноша, который встал рано поутру, заметил приближение врага и побежал в монастырь, чтобы нас предупредить. – Ульффрик чуть замялся. – Мы забили в колокол...

– Повезло, – коротко оценил Уилвульф. – Что за юноша?

– Эдгар, тот самый, что рассказывал о Шербуре. Младший из трех сыновей местного корабеля.

Везде успел, усмехнулся про себя Уинстен.

– Ты хорошо потрудился, Эдгар, – одобрил элдормен.

– Благодарю, милорд.

– Чем ты намерен заняться?

Эдгар держался стойко, однако епископ Уинстен видел, что юноше страшно, будущее его пугает.

– Не могу сказать, милорд. Мой отец был убит, наш дом сгорел вместе со всеми инструментами и запасом древесины.

Уигельм не утерпел.

– Некогда обсуждать каждую семью по отдельности. Надо решить, что будет со всем городом.

Уилвульф согласно кивнул.

– Люди должны восстановить свои дома до наступления зимы. Уигельм, ты откажешься от податей, которые должны быть выплачены в мидсоммер⁶. – Обычно подати вносили четыре раза в год, в так называемые четверные дни⁷ – на день святого Иоанна, в двадцать четвертый день июня, на Михайлов день двадцать девятого сентября⁸, на Рождество двадцать пятого декабря и на Благовещение двадцать пятого марта.

Уинстен покосился на Уигельма. Тан выглядел недовольным, но возражать не отважился. Впрочем, злиться глупо, у горожан все равно нет средств на уплату податей, так что Уилвульф, по сути, ничем брата не обделил.

Какая-то женщина из толпы выкрикнула:

– И на Михайлов день, милорд, если можно!

Уинстен поискал взглядом ту, что кричала. Невысокая и крепкая на вид женщина лет сорока...

– Вот на Михайлов день и решим. Все от вас зависит. – Уилвульф ловко ушел от прямого ответа.

Женщина не унималась:

– Нам нужны доски, чтобы отстроить наши дома, но мы не можем платить за лес.

---

⁶ Праздник середины лета, обычно приурочивался к летнему солнцестоянию; также календарная дата годового аграрного цикла, день расчетов крестьян с землевладельцами.

⁷ В британской и ирландской традиции четверные, или квартальные (*англ.* quarter days) дни делили год на четыре отрезка. В эти дни, приуроченные к религиозным праздникам, близко к равноденствиям и солнцестояниям, полагалось нанимать слуг, начинать или продолжать после перерыва учебу и выплачивать подати и ренту.

⁸ Следует отметить, что в описываемую эпоху Михайлов день отмечали, скорее, 11 октября (так называемый старый Михайлов день), а дата 29 сентября утвердилась постепенно благодаря распространению католицизма (это дата освящения римской базилики Святого Михаила в V в.). Также нужно различать Михайлов день в православии и католицизме – в православном календаре архангела Михаила чествуют 21 ноября.

Уилвульф негромко спросил Уигельма:

– Кто это?

– Милдред, жена корабела, – ответил тан. – Местная возмутительница спокойствия.

Внезапно епископа посетила занятная мысль.

– Кажется, братец, я могу тебя от нее избавить.

Уилвульф вполголоса заметил:

– Кто бы она ни была, но эта женщина права. Уигельму придется раздавать древесину бесплатно.

– Хорошо, – неохотно согласился Уигельм и повернулся к толпе: – Люди, вы можете брать дерево без платы, но это касается только жителей Кума, которые займутся восстановлением своих домов. Разрешение действует до Михайлова дня.

Уилвульф встал с кресла.

– Думаю, на этом пока все, – сказал он. – Уигельм, потолкуй с тем рыбаком Маккусом. Выясни, готов ли он доставить меня в Шербур, что хочет получить в оплату, сколько времени займет плавание – в общем, все подробности.

Толпа глухо зароптала. Люди не скрывали своего разочарования. Обычная история, подумал Уинстен, от власти вечно ожидают чудес. Несколько горожан подались вперед, явно рассчитывая обратиться с личными просьбами. Охрана элдормена шагнула им навстречу.

Уинстен отделился от братьев. У дверей церкви он снова столкнулся с Мэгс. Та явно решила подольститься.

– Пошли внутрь, и я тебе отсосу, – деловито предложила она. – Сам говоришь, я делаю это лучше, чем любая молоденькая.

– Хватит нести чушь! – Уинстен поморщился. Моряку или рыбаку все равно, если его застанут за подобным, но епископ должен соблюдать осторожность. – Короче, к делу. Сколько тебе нужно?

– Ты о чем?

– Сколько тебе нужно денег, чтобы восполнить пропажу девок? – пояснил Уинстен. Он привык хорошо проводить время в заведении Мэгс и надеялся вернуть прежние порядки. – Сколько ссудить? Поторопись, женщина.

Мэгс давно научилась справляться с перепадами мужского настроения, поэтому ей не составило труда отбросить игривость и перейти на деловой тон.

– Молодые и свежие рабыни на Бристольском рынке стоят по фунту за голову.

Уинстен кивнул. В Бристолле, в нескольких днях пути от Кума, имелся большой невольничий рынок.

Епископ, как всегда, не медлил с решением.

– Если я дам тебе десять фунтов, сможешь вернуть мне двадцать через год?

Глаза Мэгс сверкнули, но женщина притворилась, будто сомневается.

– Ну, не знаю... С кого брать-то?

– Всегда найдутся заходяие моряки. Да и новые девушки привлекают больше мужчин. В твоём ремесле никогда не бывает недостатка в спросе.

– Сойдемся на полтора годах?

– Тогда с тебя двадцать пять фунтов на Рождество через год.

Мэгс скривилась, но все же согласилась.

– Идет.

Уинстен подозвал Кнеббу, верзилу в железном шлеме, который охранял епископские деньги.

– Выдай ей десять фунтов, – велел он.

– Сундук в монастыре, – сказал Кнебба. – Идем со мной, женщина.

– Не вздумай ее надуть, – предупредил Уинстен. – Можешь с нею позабавиться, если захочешь, но чтобы выдал полные десять фунтов.

– Да благословит тебя Всевышний, милорд епископ, – поблагодарила Мэгс.

Уинстен коснулся пальцем ее губ.

– Отблагодаришь меня позже, когда стемнеет.

Она стиснула его руку и сладострастно облизала палец.

– Не могу дождаться.

Уинстен поспешил уйти, пока никто не заметил выходки Мэгс.

Он оглядел толпу. Люди, конечно, огорчены и даже возмущены, но с этим ничего не поделаешь. Он перехватил взгляд юнца, сына корабела, и поманил юношу к себе. Эдгар послушно подошел к дверям церкви, за ним бежала белая в подпалинах псина.

– Приведи свою мать, – распорядился Уинстен. – И братьев тоже. Возможно, я сумею вам помочь.

– Хвала небесам! – обрадованно воскликнул Эдгар. – Вам нужно построить корабль?

– Нет.

Радость моментально исчезла.

– А что тогда?

– Приведи свою мать, и я все объясню.

– Хорошо, господин.

Эдгар вскоре вернулся с Милдред, которая настороженно смотрела на Уинстена, и двумя молодыми людьми, очевидно своими братьями: оба превосходили юношу статью, но им недовольствовало его пытливый взгляд. Три крепких юнца и суровая мать – отличный выбор для дела, которое замыслил епископ.

– У меня на примете есть пустующее хозяйство, – сказал он. Да уж, он окажет Уигельму немалую услугу, избавив тана от этой бунтовщицы Милдред.

Эдгар захлопал глазами.

– Мы же корабелы, а не земледельцы.

Милдред прикрикнула:

– Помолчи, Эдгар!

– Ты умеешь управлять хозяйством, вдова? – уточнил Уинстен.

– Я родилась в деревне.

– Мое на берегу реки.

– Сколько там земли?

– Тридцать акров⁹. Этого вполне достаточно, чтобы прокормить семью.

– Все зависит от почвы.

– И от семьи.

Милдред стояла на своем.

– Какая там почва?

– Обычная – у реки слегка заболочено, выше по склону суглинок. Там уже посажен овес, успел подняться. Тебе понадобится только снять урожай, и зима вам будет не страшна.

– Что насчет быков?

– Они тебе не потребуются. На такой почве тяжелый плуг ни к чему.

Милдред сощурилась.

– Если все так здорово, почему хозяйство пустует?

Правильный вопрос. Предыдущий хозяин, которого Уинстен впустил пожить, не смог собрать достаточно урожая для того, чтобы прокормить свою семью. Жена и трое его малень-

---

⁹ Согласно представлениям той эпохи, один акр равнялся по площади участку земли, который человек был в состоянии вспахать за один день при помощи плуга.

ких детей умерли, а сам он сбежал. Но вот эта семья другая – сразу три надежных, крепких работника, всего четыре рта на прокорм. Ну да, им придется потрудиться, однако Уинстен чувствовал, что они справятся. Впрочем, он не собирался говорить всю правду.

– Прежний владелец умер от лихорадки, и его жена вернулась к матери, – солгал он.

– Значит, нездоровое место...

– Ничего подобного! Рядом деревушка с церковью-минстером. Минстер – это церковь, где служат несколько священников, живущих вместе...

– Я знаю, что такое минстер. Вроде как в монастыре, но не так строго.

– Настоятелем там мой двоюродный брат Дегберт, он же владеет деревушкой и хозяйством, о котором мы говорим.

– Какие постройки там есть?

– Дом и сарай. Предыдущий хозяин оставил свои инструменты.

– Что с платой?

– Будешь отдавать Дегберту четырех жирных поросят на Михайлов день для церкви, это все.

– Почему так дешево?

Уинстен усмехнулся. Эта Милдред везде ищет подвох.

– Потому что мой двоюродный брат очень добрый человек.

Милдред недоверчиво фыркнула.

Наступила тишина. Уинстен смотрел на женщину. Это хозяйство ей не было нужно, да и епископу она не доверяла. Но в ее глазах читалось отчаяние, выбирать не приходилось. Он не сомневался, что она согласится, никуда не денется.

– Где это место? – спросила Милдред.

– Полтора дня пути вверх по реке.

– И как оно называется?

– Дренгс-Ферри.

3

Конец июня 997 г.

Они шли полтора дня по еле заметной тропинке вдоль извилистой реки – трое молодых людей, их мать и белая с подпалинами собака.

Эдгар испытывал растерянность, ощущал себя сбитым с толку и бередил душу глупыми домыслами. Да, он воображал для себя новую жизнь, но к такому готов не был. Судьба сделала крутой поворот, совершенно неожиданный для всех, и юноша никак не мог с этим свыкнуться. Сам он и члены семьи плохо понимали, что ждет их впереди. Они почти ничего не знали о месте под названием Дренгс-Ферри. На что оно похоже? Отнесутся ли тамошние с подозрением к новоприбывшим или проявят радушие? А само хозяйство? Насколько обещанный епископом суглинок годится для обработки? Может, там не рыхлая почва с песком, а плотная, непокорная и тяжелая глина? Растут ли там груши, летают ли дикие гуси, водятся ли робкие олени? В семействе Эдгара была привычка все продумывать заранее. Папаша частенько говаривал, что надо построить лодку целиком у себя в голове, прежде чем браться за первую доску.

Было ясно, что работы по заброшенному хозяйству предстоит непочатый край, и эта мысль вовсе не внушала Эдгару восторга. Он мысленно хоронил все свои упования. Никакого собственного стапеля, никаких собственноручно выстроганных лодок. Да и жениться он вряд ли когда-либо женится.

Юноша пытался отвлечься, глядя по сторонам. Никогда раньше он не совершал столь долгих пеших переходов. Один-единственный раз проплыл много миль от Кума до Шербурга и обратно, но не видел, по сути, ничего, кроме воды. А сейчас он впервые открывал для себя Англию.

Кругом, куда ни посмотри, обильно произрастал лес, совсем как тот, в котором его семья рубила деревья столько лет, сколько Эдгар себя помнил. Порой встречались деревни и даже крупные владения знати. Чем дальше Эдгар и его родичи отходили от берега, тем холмистее становилась местность. Лес делался все гуще, но жилища продолжали попадаться – то охотничий домик, то известковая яма, то шахта, где добывали олово, то хижина коневода; разок они наткнулись на семейку углежогов, потом заметили виноградник на южном склоне очередного холма и стадо овец на макушке другого.

Навстречу двигались редкие путники – толстый священник на тощем пони, хорошо одетый серебряных дел мастер с четырьмя угрюмыми телохранителями, коренастый крестьянин, что вел на рынок здоровенную черную свинью, согбенная годами старуха, несущая на продажу корзинку коричневых яиц. С каждым встречным затевали обстоятельную беседу, обмениваясь сведениями и выпрашивая подробности о дороге впереди.

Всех, кого встречали, они предупреждали о набеге викингов на Кум: именно так, от путников, люди узнавали новости о событиях окрест. Матушка обычно излагала историю разорения города достаточно сжато, но в зажиточных поселениях приходилось рассказывать все целиком, чтобы их четверых накормили и напоили.

Шагая вдоль реки, они махали проплывавшим мимо лодкам. Мостов на реке не было, только брод в местечке под названием Мьюдфорд-Кроссинг. Пожалуй, можно было бы заночевать там на постоялом дворе, но погода стояла отменная, поэтому решили спать на улице, сберегая скудные семейные средства. Впрочем, расположиться предпочли недалеко, в пределах видимости постоянного двора.

Матушка все твердила, что в лесу может быть опасно, и просила сыновей быть начеку; это ее беспокойство окончательно убедило Эдгара в том, что мир вокруг живет не по правилам. По окрестностям бродили лихие люди, разбойники, творившие зло и обиравшие путников. В

теплое время года, как болтали, они прятались в лесных зарослях и поджидали незадачливых и неосмотрительных жертв.

Они с братьями справятся со всеми разбойниками, внушал себе Эдгар. Сам он был вооружен топором, который позаимствовал у викинга, убившего Сунни. Вдобавок их сопровождал пес. В схватке от Бриндла не было ни малейшей пользы, что доказала кровавая стычка с викингами, зато пес вполне мог учуять разбойников в кустах и вовремя залаять. Кроме того, все четверо выглядели так, что сразу становилось понятно – красть у них нечего: ни скота, ни мечей в дорогих ножнах, ни обитых железом сундуков, где могли храниться деньги. Нищих никто не грабит, думал Эдгар, но, по чести говоря, он не был уверен в этом до конца.

Матушка задавала скорость передвижения, выказывая изрядную телесную крепость. Немногие женщины доживали до ее возраста – до сорока лет; большинство умирало в главные детородные годы, между браком и тридцатью с небольшим. У мужчин все обстояло иначе. Папаша прожил сорок пять лет, а многие жили намного дольше.

Справляясь с повседневными хлопотами, принимая решения и давая советы, матушка вроде бы оставалась прежней, но за долгий путь в молчании Эдгар успел убедиться, что на самом деле она изнемогает от горя. Когда она думала, что никто на нее не смотрит, то ослабляла бдительность и в ее лице проступала тоска. С папашей она провела больше половины своей жизни. Эдгару не верилось, конечно, что родители когда-то испытывали те же бурные страсти, какие обуревали его и Сунни, но он понимал, что так, скорее всего, и было. У них родилось трое сыновей, и они вместе вырастили детей, однако, спустя столько лет, все равно просыпались по ночам, чтобы обнять друг друга.

Увы, ничего подобного с Сунни ему пережить не придется. Матушка горевала о потере, а Эдгар страдал по тому, чего у него никогда не было и не будет. Он никогда не женится на Сунни, не будет воспитывать с нею детей и просыпаться в ночи для жарких объятий в зрелом возрасте; у них с Сунни никогда не будет времени привыкнуть друг к другу, погрузиться в обыденность, принять друг друга как должное. Ему сделалось так грустно, что боль грозила поглотить все его естество. Он нашел великое сокровище, более ценное, чем все золото мира, – а потом потерял. Дальнейшая жизнь виделась унылой и пустой.

На долгом пути, пока матушка молча оплакивала тяжелую утрату, Эдгара осаждали видения, воспоминания о жестокости и насилии. Пышная листва дубов и грабов вокруг словно исчезала. Вместо нее он видел разрубленное тело Кинерика, отчасти схожее с коровьей тушей; снова и снова чувствовал, как мягкое тело Сунни застывает в смертном окаменении; вновь и вновь поражался собственной ярости и тому безумию, которое он учинил над викингом, бородастым светловолосым северянином, чье изуродованное Эдгаром лицо превратилось в окровавленную кашу. Словно воочию он видел пепелище на том месте, где стоял когда-то городок Кум; ворошил обгорелые кости старого мастифа Гренделя; поднимал с песка отрубленную руку отца. Что ж, Сунни упокоилась в братской могиле на кладбище Кума. Ее душа ныне в Божьих чертогах, но до чего же жутко было думать, что тело, которое он так любил, похоронено в стылой земле заодно с сотнями других.

На второй день, когда случайно вышло так, что Эдгар с матушкой оторвались от остальных на десяток-другой ярдов, Милдред вдруг задумчиво проговорила:

– Судя по всему, ты был вовсе не дома, когда заметил корабли викингов.

Эдгар ждал этого разговора. Эрман уже не раз высказывал недоумение, а Эдбальд явно догадывался, что в то утро что-то произошло, однако Эдгар не считал нужным объясняться с братьями. Но с матушкой было не отмолчаться.

Не зная, с чего начать, он просто ответил:

– Да.

– Наверное, к девушке бегал, а?

Эдгар смущенно потупился.

– У мальчишек нет иной причины удирать из дома посреди ночи, – утвердительно произнесла матушка.

Он пожал плечами. Как обычно, ничего от нее толком не скроешь.

– Но почему тайком? – не унималась матушка. – Ты ведь достаточно взрослый, чтобы ухаживать за девушками. Чего тут стыдиться? – Она помолчала. – Или твоя зазноба замужем?

Эдгар не ответил, но почувствовал, как запылали румянцем щеки.

– Ага, покраснел, – отметила матушка. – Что ж, тебе есть чего стыдиться.

Сама она была строгих правил, и папаша отличался тем же. Они истово верили в церковные устои и королевские посулы. Эдгар тоже верил, разумеется, но давно убедил себя, что их с Сунни любовь – нечто исключительное.

– Она ненавидела Кинерика, – проворчал он.

Матушка осталась при своем мнении.

– По-твоему, заповедь гласит: «Не прелюбодействуй, если только женщина не ненавидит своего мужа»? – насмешливо спросила она.

– Я знаю, что гласит заповедь. Знаю, что нарушил ее.

Признания матушке было, похоже, мало – ее мысли явно устремились дальше.

– Должно быть, она погибла в суматохе. Иначе ты бы не вернулся.

Эдгар кивнул.

– Полагаю, это жена коровника. Как ее звали? Сунгифу?

Она обо всем догадалась! Эдгар почувствовал себя ребенком, пойманным на лжи.

– Ты собирался сбежать той ночью? – уточнила матушка.

– Да.

Милдред взяла Эдгара за руку и понизила голос:

– Что ж, выбирал ты с умом, ничего не скажешь. Мне нравилась Сунни. Она была разумной и трудолюбивой. Жаль, что она мертва.

– Спасибо, мама.

– Она была хорошей женщиной. – Матушка отпустила руку Эдгара, ее голос снова изменился. – Но чужой женой.

– Я знаю.

На этом разговор закончился. Матушка знала, что слов не нужно, что все остальное сделает совесть Эдгара.

Они остановились у ручья выпить холодной воды и передохнуть. Минуло уже несколько часов с тех пор, как они ели в последний раз, но утолить голод было нечем.

Эрман, старший из братьев, был подавлен ничуть не меньше Эдгара, но ему не хватало смекалки молчать об этом.

– Я ремесленник, а не грязный крестьянин, – процедил он, когда семья снова двинулась в путь. – Сам не знаю, зачем я иду с вами.

Матушка не терпела нытья.

– Какой у нас был выбор? – сурово спросила она. – Чем бы ты занялся, не заставь я тебя пойти с нами?

У Эрмана, конечно, не было внятного ответа, он лишь пробормотал что-то насчет того, что подождет бы в Куме, пока все наладится.

– Да ничего бы не наладилось! – в сердцах воскликнула матушка. – Знаешь, что тебя ждало бы? Рабство. Уж поверь. Когда люди умирают от голода, они становятся рабами.

Обращалась она к Эрману, но Эдгара ее слова потрясли сильнее, чем брата. Ему и в голову не приходило, что он может однажды стать рабом. Такое откровение вгоняло в ступор. Неужели именно эта участь ожидает их семью, если они не смогут обустроиться на новом месте?

Эрман раздраженно бросил:

– Никто меня не поработит.

– Зачем кому-то тебя поработать? – удивилась матушка. – Ты добровольно вызовешься.

Эдгару доводилось слышать о людях, добровольно продававшихся в рабство, но личного знакомства ни с кем таким он не водил. Конечно, он встречал множество рабов в Куме, где среди свободных хотя бы каждый десятый был рабом. Молодые и привлекательные девушки и юноши становились игрушками богатых мужчин. Остальные тянули плуги, получали побои, когда уставали, и проводили ночи на цепи, как собаки. Большинство из них составляли уроженцы Британии, выходцы с диких западных окраин – из Уэльса, Корнуолла и Ирландии. Время от времени оттуда предпринимали набеги на более богатых англов, похищали домашний скот, кур и оружие; англы же в отместку сжигали деревни и забирали рабов.

Добровольное рабство было чем-то другим. Существовал даже особый обряд, и матушка в красках описала его Эрману.

– Встаешь на колени перед знатным мужчиной или женщиной, покорно склоняешь голову. Тебя, разумеется, могут отвергнуть, но если такой человек положит руки тебе на голову, ты пожизненно будешь считаться рабом.

– Уж лучше сдохнуть с голода. – Эрман вяло сопротивлялся.

– Перестань, уж мне ли не знать, – одернула его матушка. – Ты ведь ни дня в жизни не голодал. Ваш отец заботился об этом, мальчики, даже когда нам с ним самим нечего было есть. Вам что, приходилось сидеть без еды целую неделю? Да вы в мгновение ока склонитесь перед любым, кто поманит вас похлебкой. А в итоге будете до конца своих дней трудиться за пропитание.

Эдгар никак не мог понять, верить матушке или нет. Почему-то казалось, что он бы выбрал смерть от голода.

В голосе Эрмана звучал угрюмый вызов.

– Из рабства можно выкупиться.

– Верно, но ты уверен, что это вот так просто? Свободу можно купить, кто бы спорил, но где ты возьмешь деньги? Хозяева иногда дают рабам денег, но нечасто и немного. Остается лишь надеяться, что добрый хозяин рано или поздно составит завещание, в котором тебя освободит. А потом ты вернешься к тому, с чего начинал, бездомный и обездоленный, но на двадцать лет старше. Вот такой у нас выбор, глупый мальчишка. Ну, повтори снова, что не хочешь копаться в земле.

Эдбальд, средний из братьев, внезапно остановился, наморщил веснушчатый лоб и произнес:

– Похоже, мы почти пришли.

Эдгар повернулся к реке. На дальнем ее берегу виднелось строение, похожее на постоянный двор, – длиннее обычного дома, со столом и скамьями снаружи и большой зеленой лужайкой, где паслись корова и две козы. Неподалеку была привязана за колышек грубая лодка. Вниз по склону от строения вела утоптанная тропинка. Слева от нее выстроились в ряд пять деревянных домов. Справа располагалась крохотная каменная церковь, за ней большой дом и пара сараев, наверное конюшни или амбары. Дальше дорога исчезала в лесу.

– Паром, таверна и церковь, – перечислил Эдгар, ощущая возбуждение в душе. – Сдается мне, что Эдбальд прав.

– Давай выясним, – сказала матушка. – Ну-ка, покричите.

Эдбальд, обладатель самого зычного голоса в семье, приложил ладони ко рту и завопил так, что эхо раскатилось над водой:

– Эй! Эгей! Есть кто живой? Эй!

Они стали ждать ответа.

Эдгар заметил, что ниже по течению река разделялась на два рукава островом, имевшим в длину около четверти мили. Он густо порос лесом, но за стволами деревьев угадывалась стена каменного здания. Юноше сразу стало любопытно, что бы это могло быть.

– Покричи снова, – попросила матушка.

Эдбальд повторно огласил окрестности своими воплями.

Дверь строения открылась, из нее вышла женщина. Эдгар сощурился и поправил себя – нет, не женщина, а девушка моложе его самого на четыре или на пять лет. Она уставилась через реку на новоприбывших, но отвечать на крики не спешила. В руках у нее было деревянное ведро; она неторопливо подошла к кромке воды, вылила ведро в реку, сполоснула и вернулась обратно.

– Придется вплавь, – со вздохом сказал Эрман.

– Я не умею плавать, – напомнила матушка.

Эдгар не дал разгореться спору.

– Эта девица всего-навсего выделяется. Дает нам понять, что она тут за главную, а вовсе не служанка. Она пригонит лодку, когда ей заблагорассудится, и еще будет ждать от нас благодарности.

Он оказался прав. Девушка снова вышла наружу. Все тем же неторопливым шагом направилась туда, где была привязана лодка. Отвязала веревку, взяла весло, села в лодку и оттолкнулась от берега. Попеременно опуская весло в воду то с одного борта, то с другого, принялась грести. По уверенным движениям было ясно, что это занятие ей привычно и, по-видимому, не требует усилий.

Эдгар с изумлением таращился на лодку. Ничего особенного, просто выдолбленный ствол дерева, очень неустойчивый на воде, но девчонка управлялась с ним довольно ловко.

Он пригляделся к незнакомке, когда та подплыла ближе. Вполне обычная на вид, темно-русые волосы, кожа в прыщах, но фигурка пухленькая. Пожалуй, от силы лет пятнадцать.

Девушка доплыла до их стороны и умело остановила лодку в нескольких ярдах от берега.

– Чего шумите? – спросила она.

Матушка ответила вопросом на вопрос:

– Что это за место?

– Говорят, Дренгс-Ферри. Переправа Дренга.

Итак, подумал Эдгар, вот наш новый дом.

– Дренг – это ты? – продолжала пытаться ее матушка.

– Нет, мой отец. А я – Квенбург. – Девушка с нескрываемым интересом оглядела троих парней. – А вы кто?

– Мы на пустое хозяйство прибыли, – объяснила матушка. – Епископ Ширингский нас прислал.

– Вот как? – Квенбург явно ничуть не воодушевилась.

– Ты нас переправишь?

– Угу. По фартингу за голову, и никакого торга.

Король чеканил единственную монету – серебряный пенни. Эдгара всегда занимали мельчайшие подробности, поэтому он знал, что королевский пенни весит одну двадцатую унции. В фунте двенадцать унций, поэтому фунт вмещал двести сорок пенни. Причем монету чеканили на самом деле из сплава – тридцать семь частей серебра, три части меди. На один пенни можно купить полдюжины кур или четверть барашка. Для оплаты более дешевых покупок монету приходилось делить надвое – на полупенни, а то и вовсе на четыре фартинга. Поделиться ровно получалось редко, споры по этому поводу разгорались ежедневно.

– Вот тебе пенни, – сказала матушка.

Квенбург словно не заметила протянутую руку.

– Вас пятеро, за собаку тоже платить надо.

– Она сама переплывет.

– А она умеет плавать?

Матушка начала злиться.

– Пускай сама решает. Либо останется на этом берегу и подохнет от голода, либо прыгнет в реку и утонет. Я за собаку платить не стану.

Квенбург пожала плечами, подвела лодку к берегу и взяла монету.

Эдгар залез первым, опустился на колени и крепко вцепился руками в оба борта, чтобы лодка не раскачивалась. В глаза ему бросились многочисленные крошечные трещины в стволе старого дерева. На дне была небольшая лужа.

– Откуда у тебя этот топор? – спросила Квенбург. – На вид дорогой.

– У викинга отобрал.

– Да ну? А он прямо вот взял и отдал?

– Он не возражал, потому что я расколол ему голову пополам.

Эдгар понял, что эти слова доставили удовлетворение ему самому.

Остальные тоже сели в лодку, и Квенбург взмахнула веслом. Бриндл без малейших сомнений вошел в воду и поплыл следом. На открытой воде, за пределами лесной тени, солнце палило нещадно.

– Что у вас на острове? – спросил Эдгар.

– Женский монастырь, – ответила Квенбург.

Эдгар кивнул. Значит, вот что за каменное здание он приметил.

Квенбург добавила:

– Еще на острове поселилась шайка прокаженных. В хижинах из веток. Монахини их подкармливают. Это место называют Островом прокаженных.

Эдгар поежился. Смелые монахини, иначе не скажешь. Ведь болтают, будто заразиться проказой очень просто – достаточно лишь коснуться больного. Впрочем, ему не доводилось слышать о тех, кто и вправду заразился.

Лодка достигла дальнего берега, и Эдгар помог матушке перебраться на сушу. В ноздри ударил резкий запах забродившего эля.

– Кто-то варит эль.

– Моя мама делает очень хороший эль, – объяснила Квенбург. – Идемте, пропустим по глоточку.

– Нет, спасибо, – сразу отказалась матушка.

Но Квенбург не отступалась.

– Ночевать можете у нас, пока будете чинить свое хозяйство. Мой отец накормит вас ужином и завтраком по полпенни с каждого. Это дешево.

– Что ты сказала насчет починки? Хозяйство надо чинить?

– Ну, когда я в последний раз проходила мимо, то заметила, что крыша дома вся худая.

– А сарай?

– Свиарник, что ли?

Эдгар нахмурился. Похоже, дар епископа таил в себе подвох. Ладно, у них все равно есть тридцать акров земли, глядишь, удастся использовать их с умом.

– Посмотрим, – сказала матушка. – А где живет настоятель?

– Дегберт Лысый? Это мой дядя. – Квенбург ткнула пальцем: – Вон тот большой дом рядом с церковью. Там проживают все святоши.

– Надо его навестить.

Они оставили Квенбург на берегу и двинулись к указанному ею дому. По пути матушка поучала:

– Этот настоятель – наш новый землевладелец. Ведите себя скромно и дружелюбно. Если понадобится, я сумею его приструнить, но нам совершенно ни к чему, чтобы он обозлился на нас из-за вашей непочтительности.

Маленькая церковь, подумалось Эдгару, выглядела почти заброшенной. Свод на входе норовил осыпаться, ему мешало это сделать только крепкое бревно, поставленное посреди дверного проема. Деревянный дом по соседству, как и постоянный двор, был вдвое больше обычного.

Они вежливо остановились снаружи, и матушка позвала:

– Эй, есть кто?

Женщина, которая выглянула из двери, была в тягости, на руках она держала младенца, а ребенок чуть постарше прятался за ее юбкой. Грязные волосы, большая и тяжелая на вид грудь – наверное, когда-то она была красива, с такими-то высокими скулами и прямым носом, но сейчас выглядела так, словно изнемогла до крайности и едва стоит на ногах. Многие двадцатилетние женщины с детьми были на нее похожи. Неудивительно, что они умирают молодыми, сказал себе Эдгар.

– Настоятель Дегберт здесь? – спросила матушка.

– Что вам нужно от моего мужа? – настороженно поинтересовалась женщина.

Должно быть, подумал Эдгар, у здешней общины не самые строгие правила. Вообще-то церковь советовала своим служителям блюсти безбрачие, но этому совету следовали довольно редко – даже епископы женились, и это не было неслыханным делом.

– Мы от епископа Ширингского, – поведала матушка.

Женщина крикнула, обращаясь к кому-то внутри дома:

– Дегси! К тебе пришли.

Потом окинула гостей взглядом и побрела прочь.

Мужчине, который вышел вместо нее, было немногим за тридцать, но он щеголял лысой, как яйцо, головой, без намека на монашескую tonsuru. Быть может, он лишился волос из-за какой-то болезни.

– Я настоятель, – произнес он, продолжая что-то жевать. – Что вам нужно?

Матушка объяснила снова.

– Придется подождать, – проворчал Дегберт. – Я как раз обедаю.

Матушка улыбнулась и промолчала, трое ее сыновей поступили так же.

По-видимому, Дегберт осознал, что ведет себя негостеприимно. Однако разделить с ним трапезу не предложил.

– Ступайте в заведение Дренга. Выпейте местного эля.

– Мы не можем себе позволить такую покупку. У нас нет средств. Викинги напали на Кум и сожгли наш дом.

– Тогда просто подождите.

– Объясни, как добраться до пустующего хозяйства, и мы пойдем туда. – Матушка вновь улыбнулась. – Уверена, мы сможем найти дорогу.

Дегберт помедлил.

– Полагаю, мне придется вас отвести. – Он досадливо махнул рукой и обернулся: – Эдит! Поставь еду поближе к очагу. Скоро вернусь. – И прибавил, обращаясь к семейству: – Идите за мной.

Впятером они направились вниз по склону.

– Чем вы занимались у себя в Куме? Вроде землешапцев у вас там не водится.

– Мой муж был корабелом, – ответила матушка. – Но его убили викинги.

Дегберт небрежно перекрестился.

– Что ж, лодки нам не нужны. Переправой ведает мой брат Дренг, и он вполне справляется.

– Дренгу нужна новая лодка, – вмешался Эдгар. – Старая вся потрескалась и однажды утонет. Очень скоро.

– Не знаю, не знаю.

– Теперь мы землепашцы, – проронила матушка.

– Итак, ваша земля начинается здесь. – Дегберт остановился у стены таверны. – От берега вон до той линии деревьев.

Полоса земли шириной около двухсот ярдов тянулась вдоль реки. Эдгар присмотрелся. Епископ Уинстен не потрудился сообщить, что надел такой узкий, и потому Эдгар не предполагал, что большая часть земли окажется заболоченной. Правда, там, где было повыше, земля была посуше, и из нее торчали зеленые побеги.

– Около семисот ярдов на запад, – пояснил Дегберт, – дальше лес.

Матушка твердо вступила на их землю, остальные последовали за ней.

– Сами видите, будет хороший урожай овса, – не преминул заметить Дегберт.

Эдгар, не отличавший овес от любого другого зернового растения, устыдился того, что принял посадки за простую траву.

– Сорняков тут не меньше, чем овса, – проговорила матушка.

Не пройдя и половины мили, они добрались до построек на вершине невысокого холма. Сразу за постройками расчищенная земля заканчивалась, прямо к берегу реки спускался лес.

– Даже садик полезный имеется, – нахваливал Дегберт.

Насчет сада он слегка преувеличивал. Взору предстала пара-тройка чахлах яблонь и несколько кустов эгглия¹⁰. Плоды этого кустарника вызревали по зиме, однако люди их почти не ели, зато ими порой питались свиньи. Терпкая мякоть этих плодов становилась приемлемой на вкус после морозов или когда плоды перезревали.

– Платить будете так – четыре жирных поросенка на Михайлов день, – закончил Дегберт.

Вот и все, понял Эдгар: они осмотрели все хозяйство.

– Тридцать акров, говоришь? – насупилась матушка. – Землица-то скверная.

– Вот почему мы берем за нее так мало.

Эдгар догадывался, что матушка ведет переговоры. Он много раз видел, как она торговалась с заказчиками и поставщиками. Обычно у нее хорошо получалось, но теперь она очутилась в невыгодном положении. Что она могла предложить? Дегберт, конечно, хотел найти тех, кто возьмется обхаживать эту землю, и, быть может, желал угодить своему родичу-епископу, но, с другой стороны, он явно не нуждался в той небольшой плате, которую сам назначил, и вполне мог сказать Уинстену, что матушка отказалась от дара епископа, сочтя, что затея не стоит трудов. Словом, торговаться было непросто.

Они осмотрели дом. Тот стоял на деревянных столбах, вкопанных в землю, а стены между столбами были сплетены из веток и обмазаны глиной. Тростник на полу успел заплесневеть, от него мерзко воняло. Квенбург была права: в соломенной крыше зияли дыры. Их, конечно, можно залатать...

– Развалюха, – коротко подытожила матушка.

– Вы быстро все поправите.

– Не уверена, что быстро. Понадобится валить деревья в лесу и таскать сюда.

– Справитесь, – нетерпеливо отмахнулся настоятель.

При всей своей раздражительности Дегберт сделал им важную уступку. Он фактически позволил им рубить деревья, не обмолвившись об оплате. Бесплатная древесина – это было здорово.

Меньшая из построек пребывала в откровенно плачевном состоянии.

– Того и гляди рухнет, – сказала матушка.

---

¹⁰ Имеется в виду мушмула разновидности *Mespilus germanica*, чрезвычайно популярная в свое время в Западной Европе.

– Женщина, зачем тебе сарай прямо сейчас? – возмутился Дегберт. – Вам все равно нечего там хранить.

– Ты прав, мы разорены, – отозвалась матушка. – Так что нам нечем будет заплатить в Михайлов день.

Дегберт нахмурился, но спорить было бесполезно, и он это понимал.

– Будете мне должны, – решил он. – Отдадите пять поросят на Михайлов день в следующем году.

– А на что мне купить свиноматку? Этого овса едва хватит, чтобы прокормить моих сыновей зимой. На продажу ничего не останется.

– Так ты отказываешься от хозяйства?

– Нет, я просто пытаюсь тебе втолковать, что от тебя потребуется больше помощи, иначе тут все окончательно захиреет. Мне нужно послабление по оплате и нужна свиноматка. А еще мешок муки в долг – еды-то у нас тоже нет.

С ее стороны это было дерзостью. Землевладельцы ждали, что платить будут им, а не наоборот. Но порой жизнь вынуждала их помогать крестьянам, и Дегберт должен был это знать.

Настоятель скривился, но явно предпочел не выказывать себя глупцом.

– Хорошо, – сказал он. – Я одолжу тебе муку. Платить в этом году не придется. И свинью тебе пригонят, но ты отдашь мне самку из первого помета сверх назначенной платы.

– Думаю, я должна согласиться. – Матушка всячески показывала, насколько тяжело далось ей это решение, но Эдгар почти не сомневался, что она заключила выгодную сделку.

– Наконец-то я вернусь к своему обеду, – сварливо проворчал Дегберт. Похоже, и он догадывался, что его обвели вокруг пальца.

Настоятель повернулся и двинулся было обратно в деревню, но матушка его окликнула:

– Когда мы получим свинью?

– Скоро, – ответил он, не оглядываясь.

Эдгар поглядел на их новый дом. Тот выглядел печально, однако юноша чувствовал себя на удивление хорошо. Им предстояло бросить вызов судьбе, и это было намного лучше, чем отчаяние, навалившееся на него раньше.

– Эрман, иди в лес и набери дров, – принялась распоряжаться матушка. – Эдбальд, ступай в ту таверну и попроси у них уголек из очага. Обольсти ту девчонку с переправы, ты сможешь. Эдгар, проверь, получится ли наспех залатать крышу. Нам ведь пока некогда чинить как следует. Все, мальчики, вперед. А завтра начнем пропалывать поля.

* * *

За следующие несколько дней Дегберт так и не удосужился пригнать свинью.

Матушка словно забыла о его обещании. Она пропалывала овес, призвав на подмогу Эрмана и Эдбальда: все трое корячились, сгибаясь пополам, на длинном и узком поле, а Эдгар тем временем чинил дом и сарай – древесину приволокли из леса, – всюю орудия топором викинга и теми ржавыми плотницкими инструментами, что остались от предыдущего хозяина.

В отличие от матушки, Эдгар беспокоился. Дегберт показался ему человеком, доверять которому можно не больше, чем его двоюродному брату епископу Уинстену. Юноша опасался того, что Дегберт увидит: они обустроились – и решит, что обещание выполнять не обязательно. Тогда семейству придется изыскивать где-то средства на плату землевладельцу, а если они этого не сделают, выжить будет очень и очень затруднительно, доказательством чему является участь некоторых неосмотрительных горожан Кума, знакомых Эдгару.

– Не терзай себя, – успокоила сына матушка, когда Эдгар поделился с нею своей озабоченностью. – Никуда Дегберт от меня не денется. Даже худшие священнослужители должны посещать церковь.

Оставалось лишь надеяться, что она права.

Услышав колокольный звон воскресным утром, все четверо направились в деревню. Эдгар прикинул, что они пришли последними, ведь им было добираться дальше прочих.

Церковь оказалась квадратной колокольной, с восточной стороны которой было пристроено приземистое здание. Все сооружение клонилось под собственным весом, и было ясно, что однажды оно упадет.

Чтобы войти внутрь, пришлось протискиваться мимо бревна, подпиравшего свод церковных дверей. Догадаться, почему свод осыпается, не составляло труда. Скрепленные раствором камни выстраивались в линии, которые все должны были указывать на центр воображаемой окружности, как спицы в правильно изготовленном колесе, но в этой арке камни лежали как попало. Поэтому свод со временем стал осыпаться – и выглядел, надо признать, уродливо.

Службы проводили в нижнем помещении колокольни. Из-за высокого потолка казалось, что прихожан всего горстка. Около дюжины взрослых и несколько маленьких детей ожидали начала службы. Эдгар кивнул Квенбург и Эдит, тем единственным двоим из местных, с кем он успел познакомиться.

На одном из камней в стене была вырезана какая-то надпись. Эдгар не умел читать, но догадался, что здесь кто-то похоронен – возможно, знатный человек, построивший церковь как место своего последнего пристанища.

Узкий проход в восточной стене вел в святилище. Эдгар заглянул туда и увидел алтарь с деревянным крестом и роспись с ликом Иисуса. Дегберт стоял у алтаря с несколькими другими священниками.

Прихожане куда больше интересовались новыми лицами, нежели службой. Дети открыто разглядывали Эдгара и его близких, а их родители украдкой посматривали на новоприбывших и тут же отворачивались, негромко делясь с соседями своими наблюдениями.

Дегберт провел службу настолько быстро, что Эдгару подобная спешка показалась откровенно неуважительной, притом что он не считал себя человеком сильно набожным. Впрочем, торопливость пастыря, быть может, и не имела значения, поскольку прихожане все равно не понимали латинских слов молитвы; но в Куме Эдгар привык к более размеренному служению. Так или иначе, не ему судить, главное – искупить грехи и получить прощение.

Вообще вера Эдгара не то чтобы занимала. Когда люди принимались обсуждать, какой досуг ожидает мертвых на небесах или есть ли у дьявола хвост, юноша испытывал скуку: никому не дано узнать правду обо всем этом при жизни на земле. Ему нравились вопросы с однозначными ответами, например, какой высоты должна быть мачта корабля.

Квенбург встала рядом и улыбнулась. По всей видимости, она решила быть милой.

– Загляни в мой дом как-нибудь вечером, – проговорила она.

– У меня нет денег на эль.

– А просто соседей навестить?

– Там поглядим. – Эдгар не хотел выказывать недружелюбие, однако вечер в компании Квенбург его не прельщал.

По завершении службы матушка решительно направилась к священнослужителям. Эдгар не отставал, а Квенбург последовала за ним.

Матушка окликнула Дегберта, прежде чем тот успел улизнуть.

– Нам нужна та свинья, которую ты сулил пригнать.

Эдгар гордился своей матерью, решительной и бесстрашной. Вдобавок она крайне удачно подгадала время. Вряд ли Дегберт на глазах у всей деревни пожелает прослыть человеком, который не держит данного слова.

– Обратись к Толстухе Беббе, – коротко ответил настоятель.

– Кто такая Беббе? – спросил Эдгар у будто прилипшей к нему Квенбург.

Та указала на толстую женщину, что терлась возле бревна на входе.

– Она приносит в церковь яйца, мясо и другую снедь. Сама выращивает.

Эдгар передал это описание матушке, и та подошла к Беббе.

– Настоятель велел мне потолковать с тобой насчет свиньи.

Румяная и дружелюбная Беббе не стала отпираться.

– Ну да. У меня есть молоденькие самки на выбор. Пойдем со мной, поглядишь, какую взять.

Женщины покинули церковь, и трое юношей зашагали следом за ними.

– Как вам у нас? – любезно спросила Беббе. – Уже обжились? Дом-то не совсем развалился?

– Не успел, мы вовремя взялись за починку, – ответила матушка.

Со стороны эти две женщины выглядели ровесницами, и складывалось ощущение, что они ладят между собой. Вот и славно, подумал Эдгар, матушке нужна подруга.

Крохотный домик Беббе стоял посреди широкого участка земли. За домом располагался утиный пруд, рядом курятник, возле которого паслись корова с маленьким теленком. Еще к дому был пристроен огороженный загон, в нем находилась огромная свиноматка с восемью поросятами. Да, Беббе могла себя прокормить, хотя и зависела от милости священника.

Матушка внимательно оглядела поросят, а затем указала на одного из них, юркого и шустрого.

– Хороший выбор, – одобрила Беббе и ловким, отработанным движением схватила животное. Пороенок испуганно заверещал. Беббе достала из кошель на поясе кожаные ремешки и умело связала животному ноги. – Кто его понесет?

– Я могу, – вызвался Эдгар.

– Подхвати его под брюхо. Смотри, чтобы не укусил.

Эдгар послушался, стараясь не думать, какой поросенок грязный.

Матушка поблагодарила Беббе.

– Вернете ремешки, когда навестите нас в следующий раз, – сказала та. Веревки высоко ценились, будь они из кожи, жил или ниток.

– Конечно, – пообещала матушка.

Они отправились домой. Пороенок визжал и неистово вырывался, не желая расставаться с привычным загонем. Эдгар стиснул ему челюсти рукой, чтобы прекратить визг. Словно обиженный, поросенок заляпал вонючим жидким дерьмом всю его рубаху.

Заглянули в таверну и попросили у Квенбург немного корма для животного. Та принесла горсть сырных корок, рыбы хвосты, яблочные огрызки и другие остатки еды.

– От тебя воняет, – сказала она Эдгару.

Юноша и сам это знал.

– Попозже искупаюсь в реке, – ответил он.

Дома Эдгар первым делом отнес поросенка в хлев. Он уже заделал дыру в стене, так что животное не могло сбежать. А ночью посадит к нему Бриндла, пусть сторожит.

Матушка согрела воду на огне и бросила в нее объедки на свиную похлебку. Эдгар, конечно, радовался тому, что они наконец обзавелись свиньей, но теперь появился еще один голодный рот, который требовалось кормить. Придется заботиться о ней, пока она не вырастет и не принесет приплод. Значит, на время придется затянуть пояса туже прежнего.

– Скоро она начнет питаться с земли в лесу, особенно когда станут падать желуди, – объяснила матушка. – Но мы должны научить ее приходить домой ночью, не то ее украдут или волки съедят.

– Ты говорила, что росла в деревне. Как вы там приучали своих домашних животных?

– Понятия не имею. Мама звала, и они все приходили. Наверное, привыкли, что она давала им еду. К нам, детям, они не подходили.

– Наш поросенок может научиться узнавать твой голос, но тогда он не откликнется, если будет звать кто-то другой. Нужен колокольчик.

Матушка недоверчиво фыркнула. Колокольчики стоили дорого.

– А мне нужна золотая брошь и белый пони, сынок, – усмехнулась она. – Но я вряд ли их получу.

– Не зарекайся, мама, – откликнулся Эдгар.

Он направился в сарай. Ему вдруг вспомнилось, что он видел там старый серп с гнилой рукоятью и изогнутым лезвием, заржавевшим и треснувшим. Валялся в углу заодно с прочими мелочами. Юноша взял обломок лезвия, железный полумесяц длиной около фута, очевидно, ни на что не годный.

Он отыскал гладкий камень, уселся на утреннем солнышке и начал счищать ржавчину с лезвия. Работа была тяжелой и утомительной, но он привык к тяжелому труду, а потому продолжал тереть, пока металл не стал достаточно чистым и в нем не отразилось солнце. Заточивать кромку Эдгар не стал, поскольку резать ничего не собирался.

Взял гибкую ветку вместо веревки, прикрепил к ней лезвие и ударил по нему камнем. Раздался звон, непохожий на колокольный, нечто среднее между лязгом и дребезгом, но звук вышел довольно громким.

Юноша показал свою поделку матушке.

– Если стучать каждый день перед тем, как кормить поросенка, наша свинка научится приходить на этот звук.

– Очень хорошо! Сколько времени у тебя уйдет на изготовление золотой броши? – Она смеялась, но в ее голосе проскользнула нотка гордости за сына. Она считала, что Эдгар унаследовал ее ум, – и была, по-видимому, права.

На обед была лепешка с диким луком, и Эдгар решил помыться перед едой. Он брел вдоль реки, пока не дошел до крохотного илистого бережка. Снял рубаху, выстирал ее на мелководье, растирая и выжимая шерстяное полотно, чтобы избавиться от вони. Затем разложил рубаху на камнях, сушиться на солнце. А сам нырнул в воду с головой, чтобы вымыть волосы.

Люди говорили, что купаться вредно для здоровья, и зимой Эдгар никогда не мылся, но от тех, кто не мылся вообще никогда, несло как от навозной кучи. Матушка и папаша приучили своих сыновей бороться с запахом и мыться хотя бы раз в год.

Эдгар вырос на берегу моря, а потому плавал с тех пор, как себя помнил. Сполоснувшись, он вознамерился переплыть реку – просто так, ради удовольствия.

Течение было умеренным, плыть ничто не мешало. Он наслаждался ощущением прохладной воды на голой коже. Добрался до противоположного берега и поплыл обратно. Нашупал ногами дно и встал. Вода доходила ему до коленей, капли срывались с тела. На таком солнце он быстро высохнет.

В этот миг он понял, что уже не один.

Квенбург сидела на берегу и смотрела на него.

– А ты неплохо смотришься, – сказала она.

Эдгар почувствовал себя глупо и смутился.

– Ты не могла бы уйти?

– С какой стати? Разве запрещено гулять по берегу?

– Прошу тебя.

Девушка встала и отвернулась.

– Спасибо, – сказал Эдгар.

Но он неверно истолковал ее побуждение. Вместо того чтобы уйти, она быстрым движением стянула с себя платье через голову и предстала обнаженной, с бледной кожей.

– Нет, нет! – забормотал Эдгар.

Квенбург развернулась к нему лицом.

Он в ужасе уставился на девушку. В ее облике не было ничего отталкивающего – на самом деле в уголке разума мелькнула мысль, что у нее красивая округлая фигура, – но она была не той женщиной. В его сердце жила Сунни, ничье тело не могло сравниться с телом погибшей возлюбленной.

Квенбург вошла в реку.

– У тебя внизу волосы другого цвета, – проговорила она с лукавой улыбкой. – На имбирь похоже.

– Держись подальше от меня, – прохрипел он.

– Смотри, у тебя все сморщилось от холодной воды. Хочешь, подогрею? – Она потянулась к Эдгару.

Эдгар оттолкнул ее. Из-за смущения, которое не отпускало, толкнул сильнее, чем следовало. Квенбург не устояла на ногах и повалилась в воду. Пока она барахталась на мелководье, он вышел мимо нее на берег.

Она бросила в спину Эдгару:

– Эй, что с тобой такое? Или ты девка, на мужчин падкая?

Юноша взял рубаху с камней. Высохла она не до конца, но он все равно поспешил одеться. Теперь, чувствуя себя менее уязвимым, он рискнул повернуться.

– Верно, я такой. Я девчонка.

Она сердито уставилась на него.

– Врешь ты все, я же вижу. Врешь и не краснеешь.

– Ладно, вру. И что? – Эдгар начал раздражаться. – Правда в том, что ты мне не нравишься. Теперь оставишь меня в покое?

Квенбург вышла из воды.

– Свинья, – процедила она. – Надеюсь, ты сдохнешь от голода на своей бесплодной земле. – Она натянула платье через голову. – А потом попадешь в ад.

И ушла.

Эдгар был рад избавиться от нее. Мгновение спустя он пожалел о том, что повел себя грубо. Отчасти она сама виновата, слишком уж назойливой была, но все-таки стоило обойтись с ней помягче. Юноша часто сожалел о порывах, которым поддавался, и думал, что надо лучше следить за собой.

Порой, подумалось ему, так трудно поступить правильно.

* * *

В деревне было тихо.

В Куме всегда шумели: кричали над водой чайки, стучали по гвоздям молотки, гомонили люди, раздавались громкие крики. Даже по ночам скрипели деревянные лодки, покачиваясь на волнах прибоя. Но в сельской местности частенько стояла полная тишина. Задуй ветер, деревья недовольно зашептались бы в лесу, но при безветрии было тихо, как в могиле.

Поэтому, когда Бриндл залаял посреди ночи, Эдгар мгновенно проснулся.

Он вскочил и схватил топор, висевший на стене. Сердце билось часто, дыхание замедлилось.

Голос матушки из мрака попросил:

– Будь осторожен.

Бриндл сидел на привязи в сарае, поэтому лай звучал приглушенно. Эдгар нарочно посадил пса туда, чтобы охранять поросенка, и теперь пес учуял некую угрозу.

Эдгар направился к двери, но матушка его опередила. В руке она сжимала нож, на лезвии которого зловеще мерцали отблески угольков в очаге. Он сам отчистил и заточил этот нож, чтобы помочь матери, и знал, что тот способен резать насмерть.

– Отойди от двери, – прошипела матушка. – Вдруг кто затаился снаружи в засаде.

Эдгар подчинился. Братья стояли за его спиной. Оставалось надеяться, что они тоже подобрали себе какое-то оружие.

Матушка осторожно, почти бесшумно подняла шеколду и резко распахнула дверь настежь.

В дверном проеме тут же возникла человеческая фигура. Выходит, матушка правильно предупредила Эдгара насчет засады: воры предполагали, что семья проснется, и один из них думал напасть на тех, кто по неосторожности выскочит из дома. Ярко светила луна, и в ее свете Эдгар ясно разглядел длинный кинжал в правой руке незнакомца. Мужчина вслепую нанес несколько ударов, но поразил только воздух.

Эдгар занес было топор, но матушка оказалась проворнее. Ее нож сверкнул молнией, вор взревел от боли и упал на колени. Она шагнула ближе, лезвие рассекло чужаку горло.

Эдгар протиснулся мимо, выбежал наружу и услышал визг поросенка. Мгновение спустя две фигуры выскользнули из сарая. На одном из воров был головной убор, частично прикрывавший лицо. В руках он держал извивающегося поросенка.

Заметив Эдгара, воры бросились бежать.

Эдгар вскипел от ярости. Эта свинья для него самого и его родичей – настоящее спасение. Если они ее лишатся, другой им никто не даст: люди скажут, что эти новички не в состоянии уследить за своим скотом.

Когда припекало, Эдгар обычно действовал не задумываясь. Он взмахнул топором и метнул оружие в спину вору с поросенком.

Сначала подумал, что промахнулся, и даже застонал от отчаяния, но острое лезвие вонзилось беглецу в плечо. Воришка пронзительно завопил, выронил добычу и рухнул на колени, обхватив рану пальцами.

Второй помог ему подняться.

Эдгар ринулся на них.

Они побежали, забыв о поросенке.

Эдгар помедлил, гадая, как поступить. Отчаянно хотелось поймать и примерно наказать воров. Но если упустить животное, перепуганный поросенок умчится неведомо куда, и поди его потом сыщи. Так что юноша отказался от погони за людьми в пользу поимки животного. Молодой, крепкий и выносливый, он догнал поросенка, прыгнул на него и схватил обеими руками за ноги. Как ни пытался, поросенок не сумел вырваться из его хватки.

Взяв беглеца поудобнее и понадежнее, Эдгар встал и пошел обратно к дому.

Он посадил поросенка в сарай, потрепал по холке Бриндла, который гордо завилял хвостом. Поднял упавший наземь топор и вытер лезвие о траву, чтобы смыть кровь вора, а затем наконец вернулся к родичам.

Те разглядывали тело третьего грабителя.

– Мертв, – сказал Эдбальд.

– Давайте утопим его в реке, – предложил Эрман.

– Нет, – возразила матушка. – Пусть другие воры узнают, что мы его убили. – Никакой опасности от властей ей не грозило: по закону вора, пойманного с поличным, следовало убивать на месте. – Ступайте за мной, мальчики. И тело прихватите.

Эрман и Эдбальд подняли мертвеца. Матушка повела всех в лес, прошла сотню ярдов по едва заметной тропинке через подлесок, пока не добралась до места, где тропу пересекала другая, почти неразличимая. Всякий, кто полезет к ним со стороны леса, обязательно должен будет миновать этот перекресток.

Матушка окинула взглядом деревья, мрачные в лунном свете, и указала на одно из них – с раскидистыми ветвями низко над землей.

– Давайте повесим тело вон там, – сказала она.

– Зачем? – удивился Эрман.

– Чтобы показать всем вокруг, как мы поступаем с теми, кто задумает нас ограбить.

Эдгар мысленно хмыкнул. Он еще не видел мать такой суровой. Впрочем, обстоятельства изменились, и она тоже изменилась.

– У нас нет веревки, – посетовал Эрман.

– Эдгар что-нибудь придумает, – заявила матушка.

Эдгар кивнул и ткнул пальцем в раздвоенную ветку на высоте около восьми футов.

– Суньте его туда, чтобы ветки были подмышкой.

Пока братья затаскивали труп на дерево, Эдгар нашел палку длиной около фута и толщиной в дюйм и заточил один ее конец топором.

Братья справились.

– Теперь сведите ему руки вместе, скрестите впереди.

Когда и это поручение было выполнено, Эдгар воткнул заостренную палку в запястье мертвеца. Пришлось использовать топор как молоток, чтобы добиться желаемого. Кровь почти не текла, сердце разбойника остановилось уже давно.

Эдгар проткнул концом палки второе запястье мертвеца. Теперь обе руки были надежно скреплены, а тело прочно заклинили у ствола.

Этот стервец будет висеть, пока не сгниет, думал Эдгар.

Но другие воры, должно быть, вернулись за товарищем – утром тела уже не было.

* * *

Несколько дней спустя матушка послала Эдгара в деревню одолжить отрез прочного шнура на обвязку порвавшихся башмаков. Среди соседей одалживаться было принято, вот только ни у кого не нашлось отреза нужной длины. Впрочем, матушка не зря поведала историю о набеге викингов дважды – сначала в доме священнослужителей, а потом в таверне: местные, конечно, не торопились считать новоприбывших своими, однако в Дренгс-Ферри многие теперь сочувствовали бедам семейства, вынужденного покинуть Кум.

Стоял ранний вечер. На скамьях возле таверны собралась небольшая компания, попивавшая эль из деревянных кружек в лучах закатного солнца. Эдгар до сих пор не попробовал местный эль, но посетителям таверны тот, похоже, нравился.

Он уже успел перезнакомиться со всеми жителями деревни и потому узнал собравшихся. Настоятель Дегберт беседовал со своим братом Дренгом. Квенбург и румяная Беббе прислушивались к разговору. Рядом сидели три другие женщины – Леовгифу, иначе Лив, мать Квенбурга; более молодая Этель, вторая жена или, может быть, наложница Дренга; и Блод, рабыня, наполнявшая кружки из кувшина.

Когда Эдгар подошел ближе, рабыня повернулась к нему и спросила на ломаном англосаксонском:

– Хотеть эль?

Эдгар покачал головой.

– У меня нет денег.

Остальные воззрились на него, и Квенбург с усмешкой сказала:

– Зачем ты пришел в таверну, если не можешь позволить себе кружку эля?

Очевидно, она все еще злилась на то, что Эдгар отверг ее приставания. Сам того не желая, он нажил себе врага. Юноша мысленно застонал.

Обращаясь ко всем сразу и словно не услышав язвительных слов Квенбурга, он негромко проговорил:

– Мать просит одолжить отрез прочного шнура на починку обуви.

– А чего сама не сделает? – не унималась Квенбург.

Остальные промолчали.

Эдгар растерялся, но отступить не спешил.

– Мы будем признательны за одолжение, – произнес он, стараясь не скрежетать зубами. – И непременно вернем, когда встанем на ноги.

– Если это когда-нибудь случится, – ввернула Квенбург.

Лив недовольно фыркнула. На вид ей было около тридцати, значит, Квенбург она родила лет в пятнадцать. Когда-то она наверняка была хорошенькой, подумалось Эдгару, но сейчас выглядела так, будто выпила слишком много собственноручно сваренного эля. Правда, она оставалась достаточно трезвой, чтобы укорить свою дочь за грубость.

– Добрые соседи так себя не ведут, девчушка.

– Оставь ее в покое, – сердито проворчал Дренг. – Она ничего такого не сказала.

Снисходительный отец, понятно, откуда что берется у дочери.

Лив встала.

– Идем, – позвала она Эдгара доброжелательным тоном. – Глядишь, у меня что найдется.

Он последовал за нею в дом. Она зачерпнула из бочки кружку эля и протянула ему.

– Бесплатно.

– Спасибо. – Он сделал глоток. Да, эль и вправду был хорош, отчего настроение Эдгара резко подскочило. Он осушил кружку и сказал: – Очень вкусно.

Лив улыбнулась.

Тут Эдгару вдруг пришло в голову, что она может иметь на него те же виды, что и ее дочь. Нет, он не страдал избытком тщеславия и не думал, что на него должны кидаться все женщины на свете, но догадывался, что в крохотной деревеньке каждый новый мужчина вызывает повышенный интерес.

Лив отвернулась и принялась рыться в сундуке. Мгновение спустя она достала моток веревки.

– Держи.

Она просто проявила доброту.

– Ты хорошая соседка. Благодарю.

Она забрала у него пустую кружку.

– Передавай наилучшие пожелания своей матери. Она храбрая женщина.

Эдгар вышел на улицу. Там разглагольствовал Дегберт, явно под воздействием напитка, который он столь охотно поглощал.

– По церковным календарям мы живем в девятьсот девяносто седьмом году от Рождества Господа нашего! Иисусу исполнилось девятьсот девяносто семь лет. Через три года наступит тысячелетие¹¹.

Эдгар разбирался в числах и просто не мог промолчать.

– Разве Иисус родился не в первый год? – уточнил он.

– Так и есть. – Дегберт посмотрел на юношу и снисходительно добавил: – Это знает каждый образованный человек¹².

– Выходит, свой первый день рождения он справлял во втором году.

Дегберт не нашелся с ответом, а Эдгар продолжал:

– В третий год ему исполнилось два года и так далее. Значит, в этом году, девятьсот девяносто седьмом от Рождества, ему исполнится девятьсот девяносто шесть лет.

---

¹¹ В григорианском и юлианском календарях «нулевой» год отсутствует, что до сих пор провоцирует некоторое количество «арифметических» споров вокруг летоисчисления (достаточно вспомнить недавние обсуждения точной даты начала XXI столетия).

¹² По сей день эта расхожая точка зрения преобладает, поскольку опирается на принятое летоисчисление (первый год новой эры = первый год земной жизни Христа). Однако в библиистике сегодня принято относить рождение Христа к VI–IV вв. до н. э.

Дегберт взъярился.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, высокомерный щенок!

Голос разума уговаривал Эдгара не спорить, но юноша поддался желанию исправить арифметическую ошибку.

– Вполне понимаю. День рождения Иисуса – это день Рождества, так что сейчас ему, строго говоря, всего девятьсот девяносто пять лет с половиной.

Лив, наблюдавшая за спором из дверного проема, ухмыльнулась.

– Вот так-то, Дегси!

Дегберт сделался мертвенно-бледным.

– Как ты смеешь говорить такое священнику? – прошипел он. – Ты вообще кто, по-твоему, такой? Даже читать не умеешь!

– Зато считать хорошо умею, – упрямо стоял на своем Эдгар.

– Забирай свою веревку, парень, – сказал Дренг, – и уходи. Не возвращайся, пока не научишься уважать старших и тех, кто выше тебя.

– Это же просто числа. – Эдгар желал все исправить, но понимал, что уже слишком поздно. – Я не хотел проявлять непочтительность.

– Прочь с моих глаз! – бросил Дегберт.

– Давай-давай, проваливай, – добавил Дренг.

Эдгар повернулся и пошел в сторону реки, обуреваемый горькими чувствами. Его семья нуждалась в любой возможной помощи, а он только что нажил двух врагов.

Зачем он вообще открыл рот, болван!

4

Начало июля 997 г.

Дама Рагнхильд, дочь графа Хьюберта Шербурского, сидела между английским монахом и французским священником. Сама Рагна, как называли ее близкие, находила монаха забавным, а священника напыщенным, но именно священника ей поручили очаровать.

В замке Шербур как раз настало время полуденной трапезы. Могучее каменное укрепление стояло на вершине холма, господствуя над гаванью. Отец Рагны гордился этим сооружением, необычным и неприступным.

Вообще граф Хьюберт гордился многим. Он дорожил своим ратным духом, унаследованным от викингов, но еще больше ценил то обстоятельство, что викинги с ходом лет сделались норманнами и заговорили на собственном наречии местного языка. А сильнее всего ему нравилось, что они обратились в христианство и взялись восстанавливать церкви и монастыри, разграбленные их предками. За сотню лет бывшие морские разбойники превратились в законопослушных владетелей, равных которым не было во всей Европе.

Длинный стол на козлах стоял в большой зале на верхнем ярусе замка. Стол застелили белой льняной тканью, ниспадавшей до пола. Родители Рагны сидели во главе стола. Мать звалась Гиннлауг, но она предпочла сменить имя на франкское – Женестьева, чтобы угодить своему мужу.

Граф с графиней, как и высокородные гости, вкушали еду с бронзовых блюд, пили из кружек вишневого дерева с серебряными ободками и пользовались позолоченными ножами и ложками; посуда выглядела дорогой, но не чрезмерно роскошной.

Английский монах, брат Олдред, был удивительно привлекателен. Он напоминал Рагне римскую мраморную статую, виденную в Руане, – мужская голова с короткими вьющимися волосами, потемневшая от возраста и с отбитым кончиком носа, совершенно очевидно, древнее изваяние какого-то божества.

Олдред прибыл в замок накануне днем, прижимая к груди охапку книг, приобретенных в большом норманнском аббатстве Жюмьеж. «С тамошним скрипторием не сравнится никакой другой! – восклицал он. – Целое войско монахов переписывает и украшает рукописи для просвещения человечества!» Книги и мудрость, которая в них содержалась, явно были страстью английского гостя.

Рагне даже казалось, что эта страсть вытеснила из его жизни все прочие восторженные душевные порывы, запретные для служителей церкви. С нею Олдред вел себя безупречно и мило, но совсем иное, более голодное выражение появлялось на его лице, когда он смотрел на ее брата Ричарда, высокого четырнадцатилетнего юношу с пухлыми, как у девочек, губами.

В замке Олдред дожидался попутного ветра, чтобы переправиться через пролив и вернуться в Англию.

– Мне не терпится снова очутиться в Ширинге и поведать своим собратям в монастыре о том, как монахи Жюмьежа украшают буквы, – признался он. Олдред изъяснялся на местном наречии, изредка вставляя латинские и англосаксонские слова. Рагна владела латынью и набралась познаний в англосаксонском у своей няни, которая когда-то вышла замуж за норманнского моряка и перебралась в Шербур. – А те две книги, которые я купил, у нас и вовсе неизвестны.

– Брат, ты не слишком ли молод, чтобы быть настоятелем? – спросила Рагна. – Или у вас в Ширинге другие порядки?

– Мне тридцать три года, но я не настоятель, – ответил Олдред с улыбкой. – На моем попечении как армария¹³ находятся скрипторий и библиотека.

– Большая библиотека?

– Пока у нас есть восемь книг, а когда я вернусь домой, их станет вдвое больше. В скриптории вместе со мною трудится брат Татвин. Он разукрашивает буквицы, а я пишу – меня более занимают слова, а не краски.

Священник, отец Луи, прервал этот разговор, вовремя напомнив Рагне о порученном ей деле – произвести на него хорошее впечатление.

– Госпожа Рагнхильд, ты умеешь читать?

– Конечно, умею.

Священник приподнял бровь, выражая вежливое удивление. Далеко не все знатные женщины умели читать.

Рагна вдруг сообразила, что своими последними словами выказала, сама того не желая, высокомерие и надменность. Пытаясь загладить вину и проявить любезность, она прибавила:

– Отец научил меня читать еще в детстве, до того как родился мой брат.

Когда отец Луи прибыл в замок неделю назад, мать Рагны позвала дочь в личные покои графа и графини и спросила:

– По-твоему, зачем он явился?

Рагна нахмурилась.

– Не знаю.

– Это не просто священник, он помощник графа Реймского и каноник тамошнего собора. – Женестьева была статной женщиной, но за ее внушительным обликом пряталась изрядная робость.

– Что же привело его в Шербур?

– Ты, – коротко ответила мать.

Рагна начала догадываться, к чему эта беседа.

Женестьева продолжала:

– У графа Реймского сын Гийом, юноша твоего возраста и пока холостой. Граф ищет ему жену. Отец Луи прибыл оценить, годишься ли ты.

Волной накатило негодование. Пускай так было заведено в их кругах, Рагна все равно на мгновение ощутила себя коровой, которую оценивает потенциальный покупатель. Впрочем, девушка подавила возмущение.

– И каков этот Гийом?

– Главное, что он – племянник короля Роберта. – Двадцатипятилетний Роберт Второй из династии Капетингов был королем Франции. Для Женестьевы величайшим достоинством мужчины была кровная связь с королевским родом.

Сама Рагна ценила в мужчинах иное. Она предпочитала судить по личным качествам, не обращая внимания на положение в обществе.

– Просто племянник? – уточнила она и сразу поняла, что выбрала неверный тон.

– Не язви. Женская язвительность отталкивает мужчин.

Выстрел попал в цель. Рагна уже успела отвергнуть нескольких ухажеров, которые к ней сватались и которых родители считали подходящей парой. Все они чего-то испугались. Дело было не в ее высоком росте – она переняла статью от матери, – точнее, не только в нем.

– Гийом здоров, он не сумасшедший и не развратник, – добавила мать.

– Прямо мечта всех девушек.

– Опять язвишь?

– Прости. Обещаю быть милой с этим отцом Луи.

---

¹³ Букв. «хранителя», от *лат.* Armarium – хранилище (ларец) для книг.

Рагне уже исполнилось двадцать, и она не могла бесконечно оставаться одинокой. А в женский монастырь ей нисколько не хотелось.

Мать беспокоилась. «Тебе нужна пламенная страсть, привязанность на всю жизнь, но такое существует лишь в стихах, – говорила Женестьева. – В настоящей жизни мы, женщины, довольствуемся тем, что можем получить».

Рагна знала, что мать права.

Наверное, ей придется выйти за этого Гийома, если он, конечно, не совсем противный, но согласиться она намеревалась на собственных условиях. Она хотела понравиться отцу Луи, но также старалась внушить священнику, какой именно женой она способна стать. Нет, ей не быть простым украшением дома вроде великолепной шпалеры, которую муж с гордостью показывал бы гостям; и она не готова становиться хозяйкой дома, занятой устройством пиров и развлечением гостей. Она желает на равных с будущим мужем управлять его владениями. В подобном выборе не было ничего необычного: всякий раз, когда знатный мужчина уходил воевать, он оставлял вместо себя того, кого назначал блюсти земли и состояние. Как правило, эти обязанности возлагались на брата или взрослого сына, но нередко они ложились и на жену.

За свежесловленным морским окуном, приготовленным в сидре, отец Луи начал изучать умственные способности Рагны. Услышав ее признание в умении читать, он, не скрывая недоверия, справился:

– Что же ты читаешь, моя госпожа? – По его тону мгновенно становилось понятно, что он сомневается, будто милостивая молодая женщина разбирается в литературе.

Будь этот священник менее привередливым, очаровать его было бы куда проще.

– Мне нравятся стихи, в которых рассказывают истории, – ответила Рагна.

– Это какие же?

Судя по всему, священник полагал, что она не сможет вспомнить ни единого названия, – но он глубоко заблуждался.

– Меня очень тронула история святой Евлалии, – сказала Рагна. – Бедняжка вознеслась на небеса в обличье голубки¹⁴.

– В самом деле, – подтвердил отец Луи, как бы давая понять, что уж о святых-то ему известно поболее, чем графским дочерям.

– Еще я читала английский стих под названием «Плач жены»¹⁵. – Рагна повернулась к Олдреду: – Ты его слышал?

– Да, слышал, но не уверен, что он английский. Поэты ведь скитаются туда и сюда. Развлекают какой-нибудь двор год или два, потом уходят, когда их стихи надоедают. Или находят себе богатого покровителя и поддаются на его соблазны. В общем, они скитаются по свету, а почитатели переводят их сочинения на другие языки.

Рагна сказала себе, что Олдред определенно ей нравится. Он так много знает и готов делиться своими знаниями без спеси, не выказывая превосходства!

Она снова повернулась к священнику – дело прежде всего.

– Что-то не так, отец Луи? Ты прибыл из Реймса, а оттуда недалеко до германских земель.

– Верно, – откликнулся он. – Ты хорошо образована, госпожа.

Рагна поняла, что прошла испытание. Быть может, то снисходительное отношение, которым поначалу буквально сочился Луи, было преднамеренной попыткой вывести ее из себя. Она порадовалась тому, что не попала на эту удочку.

---

¹⁴ Имеется в виду Евлалия из Мерида, раннехристианская мученица, пострадавшая от гонений при римских императорах Диоклетиане и Максимиане. Житие святой (так называемая «Секвенция святой Евлалии») датируется приблизительно 880 г. и считается древнейшим из сохранившихся житийных текстов на старофранцузском языке.

¹⁵ Элегия анонимного автора, один из блестящих образцов древнеанглийской поэзии (существует современный русский перевод В. Г. Тихомирова).

– Спасибо, ты очень добр, – неискренне поблагодарила она. – Мой брат занимается с наставником, и мне разрешают молча присутствовать на занятиях.

– Понятно. Немногие девушки столько знают. Лично я читаю в основном Священное Писание.

– Это естественно.

Что ж, она сумела снискать толику одобрения. Будущая жена Гийома должна быть образованной и способной отстоять в разговоре свою точку зрения, а Рагна только что именно это и проделала. Девушка надеялась, что скрасила этими достижениями свое прежнее высокомерие.

Воин по имени Берн Великан приблизился к графу Хьюберту и тихо что-то сказал. Рыжая борода отчасти скрывала его увесистое брюхо.

После короткого обсуждения граф встал из-за стола. Отец Рагны не отличался высоким ростом, а рядом с Берном казался карликом. Вопреки своим сорока пяти годам, он выглядел озорным мальчишкой. Граф брил затылок, следуя принятому среди норманнов обычаю.

– Мне придется уйти, – сообщил он, подойдя к Рагне. – Надо срочно ехать в Валонь. Вообще-то я собирался изучить обстоятельства спора в деревне Сен-Мартен, но ничего не выйдет. Ты меня заменишь?

– С удовольствием! – воскликнула Рагна.

– Там живет серв по имени Гастон, он не желает платить подать, явно чем-то недоволен.

– Я все выясню и улажу, отец, не беспокойся.

– Отлично. – Граф покинул залу в сопровождении Берна.

– Твой отец любит тебя, госпожа, – заметил Луи.

Рагна мило улыбнулась.

– Я тоже его люблю.

– Ты часто его замещаешь?

– Деревня Сен-Мартен для меня особенная. Вся эта область входит в мое приданое. Но ты прав, я нередко подменяю отца и в других местах.

– Обычно вместо себя куда чаще посылают жен.

– Ты снова прав.

– Но твой отец поступает иначе, по-своему. – Священник повел рукой, подразумевая замок. – Как и с этим зданием, например.

Нельзя было сказать наверняка, высказывает ли отец Луи таким образом неодобрение или просто проявляет любопытство.

– Матушка старается избегать хлопот по управлению, а мне вот нравится.

– Порой женщины хорошо справляются, – вставил Олдред. – У нашего короля Альфреда была дочь по имени Этельфледа, она правила обширной Мерсией после смерти мужа. Она укрепляла города и побеждала в битвах.

Рагне пришло в голову, что есть способ произвести впечатление на Луи. Можно позвать его с собой, чтобы священник посмотрел, как она общается с простолюдинами. Такое общение полагалось знатым женщинам, и она знала, что у нее неплохо получается.

– Хочешь отправиться со мной в Сен-Мартен, священник?

– Почту за честь. – Отец Луи не медлил с ответом.

– А по дороге ты расскажешь мне о графе Реймском. Кажется, у него есть сын моего возраста.

– Совершенно верно.

Когда ее приглашение было принято, Рагна внезапно осознала, что не слишком-то ждет разговора с Луи, поэтому она повернулась к Олдреду.

– А ты хочешь поехать? Обещаю, мы вернемся к вечернему приливу, так что, если даже ветер переменится, ты все равно сможешь отплыть в ночь.

– Буду рад.

Все поднялись из-за стола.

Личной горничной Рагны была черноволосая девушка ее возраста по имени Кэт. Эту девицу отличал от прочих нос с заостренным кончиком, ноздри походили на острия двух гусиных перьев, положенных рядом. Впрочем, эта черта несколько не портила облик привлекательной девушки, деловитой, умелой и проказливой, о чем свидетельствовала искорка во взгляде.

Кэт помогла Рагне снять домашнюю одежду и убрала ту в сундук. Затем достала полотняные штаны в обтяжку, призванные защищать кожу при верховой езде, и подала кожаные сапоги, а в завершение вручила госпоже хлыст.

Заглянула мать.

– Будь поласковее с отцом Луи, – сказала Женевьева. – Не пытайся выставить его невеждой, мужчины это ненавидят.

– Хорошо, мама, – кротко откликнулась Рагна. Она отлично знала, что женщинам не пристало быть чрезмерно умными, однако она так часто нарушала это правило, что мать сочла нужным напомнить ей – на всякий случай.

Рагна покинула башню и направилась к конюшне. Граф Хьюберт выделил дочери в сопровождение четверых воинов во главе с Берном Великаном. Крепкие руки конюхов уже оседлали ее любимую лошадь – серую кобылку Астрид.

Брат Олдред привязал кожаную подушку к седлу и восхищенно воззрился на деревянное седло Рагны с медными заклепками.

– Красиво, конечно, но разве лошади не больно?

– Ничуть, – твердо ответила Рагна. – Дерево прочное, груз ложится ровно, а вот мягкое седло натирает лошади спину.

– Слышал, Дисмас? – осведомился Олдред у своего пони. – Тебе такая штука нравится?

Рагна заметила на лбу пони белую отметину, очертаниями смахивавшую на крест. Эта отметина удачно подходила животному, на котором ездил монах.

– Дисмас? – переспросил отец Луи.

Рагна объяснила:

– Так звали одного из разбойников, распятых вместе с Иисусом¹⁶.

– Я знаю, – проговорил Луи.

Вот опять! Хватит корчить из себя умную.

– Этот Дисмас тоже разбойничает, – признался Олдред, – падок на еду.

– Ясно. – Судя по всему, священник не одобрял употребление такого имени в шутливой манере, но больше он ничего не сказал и стал молча седлать своего мерина.

Они выехали из замка. По дороге вниз по склону Рагна опытным взглядом осмотрела корабли в гавани. Она выросла в порту, а потому сызмальства научилась различать лодки и прочие суда. Сегодня преобладали рыбацкие лодки и прибрежные суда, но в доке она заметила английский купеческий корабль – видимо, тот, на котором собирался уплыть Олдред; а поблизости виднелись мгновенно узнаваемые с любого расстояния хищные очертания боевых ладей викингов.

Повернули на юг и спустя несколько минут оставили за спиной дома небольшого городка. Ровную местность обдувал стойкий морской бриз. Знакомая дорога вела мимо коровьих пастбищ и яблоневых садов.

– Теперь, когда ты узнал нашу страну, брат Олдред, что ты можешь о ней сказать? – спросила Рагна.

---

¹⁶ Согласно многочисленным апокрифам, этот человек («Благоразумный разбойник») на кресте раскаялся и искренне уверовал в божественность Иисуса; тем самым он стал первым праведником, очутившимся в раю.

– Я заметил, что у знатных людей здесь, кажется, принято иметь одну жену, без признанных наложниц. В Англии же допускается сожителство и даже многоженство, что бы ни говорила церковь.

– Таким мало кто хвастается, – возразила Рагна. – Здешняя знать отнюдь не святая.

– Не сомневаюсь в этом, но тут, по крайней мере, люди осознают, что грешно, а что нет. Еще я нигде в Нормандии не видел рабов.

– В Руане есть невольничий рынок, но все покупатели там – чужестранцы. У нас рабства почти не осталось. Наше духовенство осуждает рабовладение, в основном потому, что многих рабов принуждают к блудодейству и мужеложству.

Отец Луи негромко хмыкнул. Наверное, он не привык к тому, что молодые женщины рассуждают о блуде и мужеложстве. Рагна укорила себя – она допустила очередную ошибку.

Олдред же ничуть не удивился и продолжил свой рассказ.

– С другой стороны, ваши крестьяне – это сервы, им нужно разрешение господина на вступление в брак, на перемену занятия или на то, чтобы переселиться в соседнюю деревню. А в Англии все крестьяне свободны.

Рагна задумалась над его словами. До сих пор она как-то упускала из виду, что норманнские порядки приняты не повсеместно.

Доехали до поселения Лешен. Рагне бросилось в глаза, что трава на лугах стоит высоко. Значит, крестьяне через неделю или две ее скосят и станут собирать сено на прокорм скоту по зиме.

Мужчины и женщины, трудившиеся в полях, бросали свои дела и махали руками дочери графа.

– Дебора! – кричали они. – Дебора!

Рагна помахала в ответ.

– Я верно расслышал, госпожа? – уточнил Луи. – Они зовут тебя Деборой?

– Да, такое у меня прозвище.

– Откуда оно взялось?

Рагна усмехнулась.

– Потерпи немного, ты все узнаешь.

Копыта семи лошадей стучали довольно громко, и люди выглядывали из домов. Рагна увидела знакомую женщину и натянула поводья.

– Эллен, правильно? Жена пекаря?

– Она самая, госпожа. Да благословят тебя небеса крепким здоровьем и счастьем.

– Как твой маленький сын, который упал с дерева?

– Он умер, госпожа.

– Соболезную.

– Люди говорят, что мне ни к чему горевать, ведь у меня еще трое сыновей.

– Глупцы, кто бы они ни были! – воскликнула Рагна. – Потерять ребенка – нет для матери горя страшнее, и не имеет значения, сколько еще у нее детей.

Слезы катились по покрасневшим от ветра щекам Эллен. Женщина протянула руку. Рагна нежно сжала ее пальцы, а Эллен поцеловала руку девушки.

– Ты понимаешь меня, госпожа.

– Разве что немного, – отозвалась Рагна. – До свидания, Эллен.

Поехали дальше.

– Бедняжка, – проговорил со вздохом Олдред.

– Отдаю тебе должное, госпожа, – сказал отец Луи. – Эта женщина будет благословлять тебя до конца своих дней.

Рагна мысленно скривилась. Очевидно, Луи подумал, что она проявляет показную доброту лишь для того, чтобы заручиться расположением крестьян. Ей захотелось спросить свя-

щенника, знакомо ли ему подлинное сострадание, но на сей раз она совладала с собой и укоротила свой язычок.

– Но я до сих пор не понимаю, почему они зовут тебя Деборой, – продолжал Луи.

Рагна загадочно улыбнулась, но объяснять не стала. Пусть сам разбирается.

– Я заметил, что у многих здесь такие же чудесные рыжие волосы, как у тебя, госпожа Рагна, – произнес Олдред.

Девушка гордилась своими золотистыми с рыжеватым отливом кудрями.

– Это кровь викингов, – ответила она. – Если поискать, здесь найдутся те, кто до сих пор говорит на северном наречии.

– Норманны отличаются от всех, кто обитает во франкских землях, – вставил Луи.

Его слова можно было бы принять за похвалу, но Рагна догадывалась, что священник подразумевал иное.

Через час они прибыли в Сен-Мартен. Рагна остановила лошадь на окраине деревни. Горстка мужчин и женщин трудилась на огороде, и среди них девушка углядела Герберта, местного старосту, иначе рива. Она спешила и прямо по траве двинулась в его сторону, а спутники последовали за нею.

Герберт поклонился Рагне. Выглядел он не слишком привлекательно – кривой нос, зубы настолько изогнутые, что он был не в состоянии полностью закрыть рот. Граф Хьюберт назначил Герберта старостой за его несомненный ум, но Рагна сомневалась в том, что этому человеку стоит безоговорочно доверять.

Люди в огороде оставили свои дела и собрались вокруг Рагны и Герберта.

– Чем вы заняты сегодня, Герберт?

– Мелкие яблоки обрываем, госпожа, чтобы другие наливались соком.

– Значит, будет хороший сидр?

– Наш сен-мартеновский сидр крепче многих, по милости Всевышнего и нашими стараниями.

Половина деревень Нормандии поспорила бы с Гербертом, но Рагна не стала говорить это вслух.

– А что вы делаете с незрелыми яблоками?

– Скормим их козам, чтобы козий сыр стал слаще.

– Кто у вас в деревне лучший сыровар?

– Рене. – Герберт ничуть не замедлил с ответом. – Она берет овечье молоко.

Другие крестьяне замотали головами, и Рагна это заметила.

– А вы что скажете?

Сразу двое или трое проговорили хором:

– Торкиль.

– Ладно, идемте все в деревню, я попробую оба сыра.

Крестьяне, весело гомоня, зашагали за госпожой. Любые перемены в повседневной суете были для них в радость, и редко случалось так, чтобы они отказывались прекращать работу.

Луи с легким раздражением сказал:

– Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы отведать сыра. Разве ты прибыла не для того, чтобы уладить спор?

– Потерпи, священник. Я знаю, что делаю.

Луи досадливо хмыкнул.

Рагна не стала возвращаться в седло, пошла пешком по пыльной дороге между золотистыми полями зерновых. Так ей было проще разговаривать с простолюдинами. Особенно охотно она общалась с женщинами, ибо те делились с госпожой сплетнями, которыми мужчины пренебрегали. За время прогулки Рагна узнала, что Рене – жена Герберта, что брат Рене

Бернар владеет отарой овец и что Бернар затеял склоку с Гастоном, тем самым, кто отказывается платить подать.

Рагна всегда старалась запоминать имена. Такое отношение показывало людям, что о них заботятся. Всякий раз, услышав чье-либо имя в разговоре, она делала пометку в уме.

По дороге к ним присоединялось все больше крестьян, а в деревне их поджидала целая толпа. Рагна давно усвоила, что между полями в сельской местности имеется какая-то загадочная связь: неким таинственным образом мужчины и женщины, что трудились в поле за милю или больше от места событий, как будто мгновенно узнавали о прибытии гостей.

Посреди деревни стояла небольшая красивая каменная церковь со сводчатыми окнами, которые тянулись вдоль стен ровными рядами. Рагна знала, что священник Одо служит сразу в четырех окрестных деревнях, по одной в каждое воскресенье месяца; правда, сегодня он был тут, в Сен-Мартене. Наверняка его оповестили все тем же колдовским способом.

Олдред немедленно устремился к отцу Одо, а вот Луи этого не сделал: быть может, он посчитал, что общение с деревенским священником ниже его благородного достоинства.

Рагна попробовала сыр Рене и Торкиля и признала, что оба хороши – мол, победителя попросту не выбрать, поэтому она купит по головке того и другого, угодив обоим сыроварам.

Она обошла деревню, заглядывая в каждый дом и каждый сарай, старалась обменяться хотя бы несколькими словами с каждым взрослым и со многими детьми; затем, когда сочла, что достаточно убедила крестьян в своей доброй воле, объявила, что готова вершить суд.

По большей части Рагна научилась такому поведению у своего отца. Графу нравилось разговаривать с простолюдинами, он с ними ладил и хорошо умел заводить среди них друзей. Возможно, позже некоторые превратятся во врагов – в конце концов, ни один правитель не в силах угодить всем подряд, – но даже тогда они крепко подумают, стоит ли идти против него. Отец многому научил Рагну, а остальное она узнала, наблюдая за ним.

Герберт принес табурет и поставил перед западной стеной церкви, Рагна уселась, остальные встали вокруг. Затем староста позвал Гастона, высокого и крепкого крестьянина лет тридцати с копной черных волос. Лицо этого верзилы выражало негодование, но Рагна чувствовала, что обычно он куда дружелюбнее.

– Что ж, Гастон, – начала она, – пора разъяснить мне и своим соседям, почему ты отказываешься платить подать.

– Госпожа, взываю к тебе...

– Погоди. – Рагна вскинула руку, прерывая Гастона. – Если кто забыл, мы не при дворе короля франков. – Крестьяне захихикали. – Нам ни к чему громкие слова и высокопарные речи. – Вообще-то Гастон не походил на человека, способного произнести подобную речь, но он вполне мог попытаться это сделать, если не осадить его заранее. – Вообрази, что пьешь сидр в компании друзей, и они спрашивают, из-за чего ты так разозлился.

– Хорошо, госпожа. Я не плачу подать, потому что мне нечем платить.

– Ерунда, – проворчал Герберт.

Рагна нахмурилась и смерила Герберта суровым взглядом.

– Тебя я выслушаю в свой черед, – строго сказала она.

– Да, госпожа.

– Гастон, сколько ты должен платить?

– Госпожа, я выращиваю мясной скот и каждый мидсоммер должен отдавать твоему благородному отцу двух двухлеток.

– Хочешь сказать, животных у тебя нет?

Герберт не утерпел:

– Именно так.

– Герберт!

– Прости, госпожа.

– Меня лишили выпаса, – объяснил Гастон. – Овцы Бернара съели всю траву. Моим коровам пришлось питаться прошлогодним сеном, потому молоко у них высохло, а два теленка сдохли.

Рагна оглядела крестьян, пытаясь вспомнить, кто из них Бернар. Взгляд упал на маленького и худощавого мужчину с волосами, похожими на солому. Сомневаясь в своем выборе, она поступила просто.

– Давайте выслушаем Бернара.

Да, она не ошиблась. Тот самый мужчина откашлялся и проямлил:

– Гастон должен мне теленка.

Похоже, это давний спор с запутанной историей.

– Так, по порядку. Верно ли, что твои овцы паслись на выпасе Гастона?

– Да, но он мне должен.

– К этому мы вернемся. Итак, ты привел своих овец на его выпас.

– У меня была веская причина.

– Именно поэтому у Гастона сдохли телята.

Староста Герберт поведаль:

– Новорожденные, этого года. А прошлогодние все живехоньки. У него есть двое одно-леток, так что он вполне может расплатиться с графом.

– Тогда в следующем году у меня не будет годовалых! – возмутился Гастон.

У Рагны голова пошла кругом: такое ощущение она испытывала всякий раз, когда ей приходилось разбирать крестьянские распри.

– Замолчите все! – велела она. – Значит, мы выяснили, что Бернар нарочно запустил овец на выпас Гастона. Он утверждает, что тому была причина, и это мы обсудим позже. В итоге Гастон решил – верно или ошибочно, там посмотрим, – что он слишком беден, чтобы платить подать в нынешнем году. Гастон, правда ли, что ты должен Бернару теленка? Отвечай, да или нет.

– Да.

– Почему ты не вернул ему долг?

– Верну, когда смогу.

– Да он время тянет, чтобы вообще не отдавать! – яростно прошипел Герберт.

Рагна терпеливо слушала, как Гастон объясняет, почему взял взаймы у Бернара и с какими трудностями столкнулся. Заодно спорщики вывалили на дочь графа целую грудку взаимных недовольств, едва ли уместных на этом суде, – и якобы нанесенные друг другу оскорбления, и наветы жен, и препирательства по поводу того, какие слова были произнесены и каким тоном. Рагна позволила всем выговориться, понимая, что крестьянам нужно выплеснуть гнев. Но потом ее терпение иссякло.

– Я услышала достаточно, – заявила она. – Вот мое решение. Во-первых, Гастон должен графу, моему отцу, двух двухлетних телят. Оправдания не принимаются. От уплаты подати он отказывался неправомерно. Его за это не накажут, потому что тут не только его вина, но если должен, то плати.

Крестьяне восприняли эти слова по-разному. Одни неодобрительно загудели, другие согласно закивали. Гастон нарочито поджал губы, показывая, насколько он уязвлен.

– Во-вторых, Бернар виноват в гибели двух телят Гастона. Невыплаченный долг Гастона не оправдывает проступка Бернара. Итак, Бернар должен Гастону двух телят. Однако Гастон задолжал Бернару одного теленка, так что Бернар обязан возместить всего одного.

Теперь уже Бернар опешил. Рагна оказалась суровее, чем ожидали люди. Но никто не возражал, поскольку подобные решения были в ее праве.

– Последнее. Нельзя было допускать этого спора, и тут несомненная вина Герберта.

Староста так и вскинулся.

– Госпожа, позволишь мне сказать?

– Еще чего! – Рагна притопнула ногой. – Раньше надо было думать. Теперь моя очередь говорить, а ты молчи.

Староста поник.

– Герберт – глава деревни, – продолжала Рагна, – он давно должен был во всем разобраться. Сдается мне, что его убедила не вмешиваться жена Рене, которая хотела, чтобы он поддержал ее брата Бернара.

Рене заметно смутилась.

– Поскольку во всем случившемся отчасти виноват Герберт, я забираю у него одного теленка. Телята у него есть, я сама видела их на его дворе. Он отдаст теленка Бернару, а тот передаст животное Гастону. Все долги погашены, все виновные наказаны.

Рагна сразу поняла, что жителям деревни пришлось по нраву ее решение. Она настояла на соблюдении правил, но сделала это с умом. Люди многозначительно кивали друг другу, кто-то усмехался, но возражать вслух никто не отважился.

– А теперь, – девушка встала, – налейте мне чашку своего знаменитого сидра. Пусть Гастон и Бернар выпьют из одной кружки и помиряются.

Крестьяне принялись горячо обсуждать суд, очевидцами которого им выпало стать, а отец Луи подошел к Рагне и негромко сказал:

– Дебора была одной из судей Израилевых. Вот почему тебе дали такое прозвище.

– Верно.

– Единственная женщина-судья...

– Тоже верно.

Священник кивнул.

– Ты хорошо справилась, госпожа.

«Наконец-то я тебя удивила», – подумала Рагна.

Допив сидр, они попрощались с крестьянами и тронулись в обратный путь. По дороге Рагна стала расспрашивать Луи о Гийоме.

– Он высок ростом, – сказал священник.

Полезные сведения.

– Что его злит?

Взгляд Луи подсказал Рагне, что священник оценил глубину ее вопроса.

– В общем-то, ничего. Наш Гийом довольно спокойно относится к жизни. Но раздражается, конечно, на бестолковых слуг – когда еда скверно приготовлена, седло плохо прилажено, постельное белье мятое...

Придира, мысленно подытожила Рагна.

– Зато он на отличном счету в Орлеане, – продолжал Луи. В Орлеане находился королевский двор. – Дядя, король, его опекает.

– Гийом тщеславен?

– Не тщеславнее любого другого молодого человека его положения.

Уклончивый ответ, подумалось Рагне. Либо Гийом честолобив до крайности, либо наоборот.

– А чем он интересуется? Охотой? Разведением лошадей? Музыкой?

– Он ценит красивые вещи. Собирает узорчатые броши-фибулы и расшитые висы¹⁷. У него отменный вкус. Прости, госпожа, но ты до сих пор не спросила меня о том, что, по моему мнению, должно заботить молодую женщину.

– И что же это?

– Красив ли он.

---

¹⁷ В североευропейской традиции висы – разнообразные подвески и кулоны.

– Ну, здесь я вынесу собственное суждение, – заявила Рагна.

Ближе к Шербуру она заметила, что ветер все-таки переменился.

– Твой корабль отплывет сегодня вечером, – сказала она Олдреду. – До прилива еще час, но тебе лучше подняться на борт.

По возвращении в замок Олдред собрал драгоценные книги. Отец Луи и Рагна проводили монаха и его верного Дисмаса к берегу.

– Было приятно познакомиться с тобой, госпожа Рагна. – Олдред наклонил голову. – Доведись мне раньше встретить такую девушку, я, быть может, и не стал бы монахом.

Впервые за все время он позволил себе подобное замечание, однако Рагна догадывалась, что это просто проявление вежливости.

– Благодарю, Олдред. Почему-то мне кажется, что ты подался бы в монахи в любом случае.

Он печально улыбнулся, понимая, о чем она думает.

«Жаль, что мы с ним, скорее всего, никогда больше не увидимся», – сказала себе Рагна.

В море между тем показался шедший к гавани корабль. Похож на английское рыболовное судно, подумала девушка. Вот на нем свернули парус, чтобы волны поднесли судно к берегу.

Олдред поднялся на борт вместе со своим пони. Моряки принялись отвязывать канаты и поднимать якорь. А на английском рыболовном судне делали ровно противоположное.

Олдред помахал Рагне и Луи, когда его корабль двинулся прочь от суши. С английского судна сошла на берег немногочисленная мужская компания. Рагна с праздным любопытством окинула их взглядом. У всех густые усы, но нет бород, по этому признаку легко опознать англа.

Взор Рагны остановился на самом высоком среди гостей. Лет сорока на вид, с густой гривой светлых волос. Синий плащ, раздуваемый приморским ветром, был закреплен на широких плечах затейливой серебряной булавкой, на поясе сверкала серебряная пряжка с висами, в рукояти меча виднелись драгоценные камни. Недаром Рагне доводилось слышать, что английские мастера – лучшие в христианском мире.

Англичанин ступал уверенной походкой, товарищи спешили за ним. Он направился напрямик к Рагне и отцу Луи, очевидно, догадавшись по их одежде, что перед ним не простолюдины.

– Добро пожаловать в Шербур, – приветствовала его Рагна. – Что привело тебя сюда?

Мужчина ее словно не заметил и поклонился Луи.

– Добрый день, святой отец, – сказал он, коверкая франкское наречие. – Я прибыл к графу Хьюберту. Я Уилвульф, элдормен Ширинга.

* * *

Уилвульф не был красив, в отличие от Олдреда. Его не красили ни большой нос, ни челюсть, похожая на лопату, а руки элдормена были изуродованы шрамами. Но все горничные в замке краснели и хихикали, когда он проходил мимо. Чужестранец – это всегда привлекает, но в Уилвульфе было что-то еще, выгодно его отличавшее. Наверное, все дело в его телосложении, в той расслабленной походке, какая была ему свойственна, и в твердости его взгляда. А главное, ему была присуща стойкая уверенность в себе, готовность, казалось, ко всему на свете. Словом, он был из тех мужчин, что подхватывают девушек на руки, когда им взбредет в голову, и уносят подальше.

Рагна к нему приглядывалась, а вот он как будто совершенно не замечал ни дочь графа, ни прочих женщин. Переговорил с отцом Рагны и с несколькими знатными норманнами, постоянно болтал со своими воинами на быстром и гортанном англосаксонском наречии, которого Рагна не понимала, но почти не обращал внимания на женский пол. Это обижало, Рагна не

привыкла к тому, чтобы ею столь откровенно пренебрегали. Безразличие гостя возбуждало, девушке все сильнее хотелось заставить себя замечать.

Отец Рагны не проникся потребностями англов. Он не спешил взять их сторону против викингов, своих сородичей, приверженных разбою и грабежам. По всему выходило, что Уилвульф приплыл в Шербур зря.

Рагна желала помочь Уилвульфу. Родственных чувств к викингам она не испытывала, наоборот, сострадала их жертвам. Вдобавок, помощи она ему, он, быть может, наконец-то ее заметит.

Графа Хьюберта Уилвульф интересовал мало, однако следовало проявить положенное гостеприимство, поэтому хозяин устроил охоту на кабана. Рагна искренне обрадовалась. Охота ей нравилась, и не исключено, что выпадет возможность сойтись с Уилвульфом поближе.

Охотники собрались у конюшен с первыми лучами солнца и наскоро позавтракали котлетами из баранины и крепким сидром. Потом разобрали оружие; годилось любое, но наиболее предпочтительным было особое тяжелое копье с длинным наконечником и рукоятью той же длины, разделенными перекладиной. Потом сели на коней – Рагна, конечно, взяла Астрид – и направились на место, а вокруг, заливаясь лаем, прыгали собаки.

Отец Рагны возглавлял отряд. Он успешно справлялся с искушением множества низкорослых людей и не стал выбирать себе коня побольше. Нет, он скакал на своем любимом крепком черном пони по кличке Тор. В лесу этот конек не уступал в резвости более крупным животным, зато превосходил их в ловкости.

Рагна отметила про себя, что Уилвульф хорошо держится в седле. Граф выдал гостю бойкого жеребца, серого в яблоках, по кличке Голиаф. Уилвульф легко свел знакомство с жеребцом и сидел в седле как влитой.

За охотниками шла выючная лошадь – она везла корзины, полные хлеба, и сидр с кухни замка.

Доехали до Лешена, свернули к лесу Буа-де-Шен, самой обширной лесистой области на всем полуострове: там до сих пор в изобилии водились дикие животные. Направили лошадей в чащу, а собаки метались туда и сюда, приняхиваясь к подлеску и стараясь уловить резкий запах лесных свиней.

Астрид шла уверенно, наслаждаясь ощущением прогулки по лесу в утреннем воздухе. Рагна же ощущала нарастающее предвкушение, словно подстегиваемое несомненной опасностью. Кабаны – могучие звери с крупными клыками и крепкими челюстями. Взрослый кабан способен свалить лошадь и убить человека. Они нападают, даже если их ранить, особенно когда кабана загоняют в угол. Причина, по которой к охотничьим копьям приделывали перекладину, состояла в том, что без нее раненый кабан мог бы подобраться вплотную к охотнику, как бы нанизавшись на его оружие. Короче говоря, охота на кабана требовала хладнокровия и крепких нервов.

Одна из гончих поймала запах, торжествующе залаяла и побежала прочь. Остальная стая кинулась вдогонку, а люди последовали за собаками. Астрид сноровисто продиралась сквозь заросли. Ричард, младший брат Рагны, проскакал мимо сестры, самоуверенный, как все подростки.

Рагна услышала недовольный вопль испуганного кабана. Собаки будто обезумели, лошади ускорили шаг. Началась погоня, сердце Рагны забилось быстрее.

Кабаны неплохо бегают. На ровной местности им, конечно, с лошадьми не сравниться, но в лесу, где приходится то и дело петлять среди растений, нагнать кабана не так-то просто.

Наконец Рагна заметила добычу: лесную поляну перебежала упитанная самка, футов пять от морды до кончика хвоста, весившая, пожалуй, побольше самой Рагны, а за ней две-три самки поменьше и кучка полосатых поросят, удивительно шустрых для своих коротких ножек.

У кабанов в семействах верховодили именно самки, а самцы обитали отдельно и возвращались в стадо лишь по зиме.

Лошадям тоже нравились острые ощущения от погони, особенно когда несешься компанией в сопровождении собак. Животные прорывались сквозь подлесок, топчя кусты и молодые побеги. Рагна держала поводья в левой руке, а в правой сжимала копьё. Головой она прижималась к шее Астрид, чтобы не удариться о низкие ветки, которые для неосторожного всадника страшнее кабанов. Но все равно ее снедало охотничье безрассудство: она чувствовала себя Скади, северной богиней охоты¹⁸, всемогущей и неуязвимой, и не сомневалась, что в таком приподнятом состоянии с ней не случится ничего дурного.

Охота вырвалась из леса на пастбище. Коровы разбегались с испуганным мычанием. Лошади мгновенно настигли кабанов. Граф Хьюберт поразил насмерть одну из самок поменьше. Рагна погналась за увертливым поросенком, догнала жертву, примерилась и вонзила копьё ему в круп.

Огромная самка развернулась, явно готовая дать отпор. Юный Ричард бесстрашно бросился на нее, но не рассчитал усилия: его копьё воткнулось в поджарый бок – на дюйм или два, – а затем вдруг переломилось. Юноша не удержался в седле и повалился на землю. Самка немедленно ринулась на него, и Рагна непроизвольно вскрикнула, испугавшись за брата.

В следующий миг рядом объявился Уилвульф с копьём на изготовку. Он перепрыгнул через Ричарда, затем низко наклонился и ударил зверя. Наконечник пронзил горло самки и пропорол грудь. Должно быть, острие достигло сердца, потому что самка тут же рухнула замертво.

Всадники остановились и спешили; переводя дыхание, они весело поздравляли друг друга. Бледный Ричард явно смущался своим провалом, но все хвалили его за храбрость, и вскоре он уже вел себя как герой. Слуги выпотрошили туши, собаки жадно накинулись на брошенные в сторону свиные кишки. Запахло кровью и дерьмом. Потом явился крестьянин, возмущенный и взбодороженный бесчинствами знати, и отогнал своих перепуганных коров на соседнее поле.

Разыскали выючную лошадь со снедью, охотники напились и утолили голод хлебом.

Уилвульф присел на землю с деревянной кружкой в одной руке и куском хлеба в другой. Рагна не упустила случая подсесть к нему.

Он не выглядел особенно довольным.

Девушка привыкла к мужскому восхищению, поэтому столь наглядное безразличие уязвляло ее гордость. Кем он себя возомнил? Впрочем, чем упорнее Уилвульф от нее отворачивался, тем сильнее становилось ее стремление рано или поздно его очаровать.

Тщательно подбирая англосаксонские слова, она произнесла:

– Ты спас моего брата. Спасибо.

Он ответил достаточно любезно:

– Мальчики его возраста должны рисковать. Еще успеет поосторожничать в старости.

– Если проживет так долго.

Уилвульф пожал плечами.

– Робкий не заслуживает уважения.

Рагна решила не спорить.

– Ты в молодости тоже совершал опрометчивые поступки?

Он дернул уголком рта, будто улыбаясь приятным воспоминаниям.

– Я натворил немало безрассудств. – Прозвучало так, будто он хвастался, а не раскаивался.

---

¹⁸ Авторское допущение: Скади не входила в «общепринятый» северный пантеон, и вряд ли героиня, при всей своей начитанности, могла отождествлять себя с этой великаншей-«повелительницей лыж».

– С годами ты, разумеется, поумнел.

Он ухмыльнулся.

– Можно и так сказать.

Рагна порадовалась тому, что его броня, похоже, дала трещину, и поспешила закрепить успех:

– Ты сумел договориться с моим отцом?

Уилвульф помрачнел.

– Он щедрый и гостеприимный хозяин, но отказывается выполнить мою просьбу.

– А о чем ты его просил?

– Я хочу, чтобы он перестал укрывать викингов в своей гавани.

Рагна кивнула. Отец рассказал ей то же самое. Надо расспрашивать дальше.

– Чем они мешают вам?

– Отсюда они переплывают пролив и нападают на мои города и деревни.

– Нас они не донимали уже целое столетие. Но не потому, что мы с ними в родстве. Они больше не нападают на Бретань, на франкские или на Нижние земли¹⁹. Чем их так манит ваша Англия?

Уилвульф растерялся, словно не ожидал подобного вопроса от женщины. Однако она явно затронула тему, близкую ему, потому что ответил англичанин пылко:

– Мы богаты, особенно наши церкви и монастыри, но мы не умеем защищаться. Я разговаривал с книжниками, епископами и приорами. Великий король Альфред прогнал викингов, но он единственный из наших королей успешно отражал их набеги. Англия – это богатая старушка с ящиком, полным денег, который некому охранять. Потому нас и грабят.

– Что конкретно мой отец тебе сказал?

– Я-то думал, что мы, оба христиане, легко найдем общий язык, но он сказал, что не может удовлетворить мою просьбу.

Рагна это знала и успела кое-что придумать.

– Мой отец не хочет ввязываться в драку, которая его не касается.

– Я так и понял.

– Хочешь узнать, как я поступила бы на твоём месте?

Уилвульф помедлил, явно разрываясь между недоверием и надеждой. Ему было непросто согласиться выслушать совет от женщины. Но все же голос разума подсказывал ему не отмахиваться сразу же, и это радовало. Она ждала, не торопясь навязывать гостю свое мнение.

В конце концов он проговорил:

– И что бы ты сделала?

Ответ был наготове.

– Я бы предложила ему что-нибудь взамен.

– Он настолько корыстен? Признаться, я думал, что он поможет нам из чувства товарищества.

Рагна пожала плечами.

– Таковы правила переговоров. Вообще-то принято обмениваться выгодами.

Уилвульф пристально посмотрел на девушку.

– Пожалуй, мне стоит подумать об этом. Говоришь, предложить твоему отцу что-то в награду за помощь?..

– Стоит попробовать, мне кажется.

– Знать бы еще, что он может захотеть.

– Позволь другой совет?

---

¹⁹ Историческая область в устье рек Рейн, Маас и Шельда; позднее здесь возникли Бельгия и Нидерланды. В 800–1000 гг. эта приморская область неоднократно подвергалась набегам викингов.

– Конечно.

– Купцы из Шербура продают свои товары в Кум. Лучше всего идут бочки с сидром, сырны головы и тонкое полотно.

Уилвульф кивнул.

– Знаю, товары у вас неплохие.

– Нам назойливо чинят препятствия местные власти в Куме.

Он нахмурился и раздраженно процедил:

– Это я – власть в Куме.

– Как скажешь. Но твои люди, похоже, творят все, что им заблагорассудится. Всегда происходят задержки. С наших купцов требуют взятки. Никто не знает, сколько с тебя возьмут завтра, если сегодня взяли столько-то. Потому-то наши купцы стараются не связываться с Кумом.

– Каждый вождь вправе облагать чужаков пошлиной, разве нет?

– Согласна, но она не должна меняться непрерывно. Да и задержки с взятками – это лишнее.

– Придется потрудиться.

– Кого ты опасешься больше – своих людей или викингов?

– Хорошо сказано. – Уилвульф задумчиво почесал в затылке. – По-твоему, именно этого хочет твой отец?

– Честно сказать, я его не спрашивала и говорю сейчас не от его имени. Он сам за себя выскажется. Я просто даю тебе совет, опираясь на свой опыт – уж мне ли не знать отца.

Между тем охотники стали собираться. Граф Хьюберт крикнул:

– Обратно поедem мимо каменоломни! Там наверняка залегли матерые кабаны!

Уилвульф поднялся и пообещал Рагне:

– Я подумаю над твоими словами.

Тронулись в путь. Уилвульф ехал рядом с Рагной, погруженный в размышления, и не издавал ни звука, но девушка не жаловалась – наконец-то она сумела обратить на себя его внимание и заставила прислушаться.

Заметно потеплело. Лошади шли бодро, будто понимая, что возвращаются домой. Рагна было подумала, что охота закончилась, но внезапно увидела клочок перепаханной земли – кабаны выкапывали корни и кротов, свою излюбленную еду. Конечно, собаки сразу взяли след.

Свора рванулась вперед, лошади поскакали за собаками, и вскоре Рагна разглядела новую добычу: на сей раз самцы, трое или, может быть, четверо. Кабаны промчались через рощицу, где дубы росли вперемешку с буками, а затем разделились – трое свернули на узкую тропинку, а четвертый вломился напрямик в заросли. Охотники погнались за тремя первыми, но Уилвульф кинулся за одиночкой, и Рагна присоединилась к заморскому гостю.

Кабан, насколько она успела заметить, был матерым, из его пасти торчали длинные клыки; в зарослях он затаился и, несмотря на приближение людей, не издавал ни звука. Уилвульф и Рагна объехали заросли – и заметили кабана впереди. Конь Уилвульфа перепрыгнул через ствол большого поваленного дерева. Рагна, решившая не отставать, подстегнула Астрид пятками: лошадь справилась, но едва-едва.

Зверь оказался сильным и выносливым. Лошади не отставали, но никак не могли его догнать. Стоило только подумать, что в следующий миг возможно будет наконец-то нанести разящий удар, как кабан резко менял направление бега.

Мелькнула мысль, что уже давно не слышно прочих охотников и собак.

Кабан выскочил на очередную поляну, и лошади прибавили прыти. Уилвульф очутился слева от зверя, а Рагна настигала того справа.

Уилвульф догнал кабана и ударил копьем. Зверь вывернулся в последнее мгновение. Наконечник копья вонзился ему в круп, ранил, но ничуть не замедлил. Кабан развернулся – и

устремился на Рагну. Девушка подалась влево, дергая за поводья, и Астрид уверенной рысью двинулась на кабана. Рагна перехватила поудобнее копьё, острием вниз. Кабан вновь попытался уклониться, но запоздал, и копьё Рагны воткнулось ему точно в разинутую пасть. Она крепко стиснула рукоять, налегая всем своим весом, и толкнула копьё вперед, а когда почувствовала, что вот-вот выпадет из седла, – ослабила хватку. Подскакавший Уилвульф ударил кабана в толстую шею, и зверь рухнул наземь.

Спешились, раскрасневшиеся и тяжело дышавшие.

– Ты молодец! – одобрила Рагна.

– Это ты молодец! – воскликнул Уилвульф и вдруг поцеловал девушку.

Легкое касание губ – просто поздравительный поцелуй – неожиданно переросло в нечто большее. Рагна ощутила, как в Уилвульфе проснулось желание. Его усы щекотали ей кожу, его губы жадно приникали к ее устам. Более чем расположенная к такому, она приоткрыла рот, принимая его язык. Но тут донеслись сторонние звуки, и пришлось оторваться друг от друга.

Спустя мгновение их окружили другие охотники. Они принялись рассказывать, объясняя, что завалили кабана вдвоем, совместными усилиями. Этот кабан оказался главной добычей дня, так что Уилвульфа и Рагну поздравляли снова и снова.

Голова шла кругом, Рагну переполняло возбуждение – не столько от охоты, сколько от поцелуя. Она порадовалась про себя, когда все расселись в седла и направились домой. Девушка держалась чуть поодаль от остальных, размышляя, что, собственно, стояло за этим поцелуем.

Она не могла похвастаться умением разбираться в мужчинах, но все-таки догадывалась, что им доставляет удовольствие сорвать случайный поцелуй с губ красивой женщины при любой возможности. А еще им было свойственно довольно быстро забывать о случившемся. Пусть, когда их уста слились, она почувствовала, как в Уилвульфе пробуждается желание, все равно он, скорее всего, наслаждался этим слиянием ровно так же, как наслаждался бы спелой сливой – съел и забыл. Она же испытала нечто особенное, и поцелуй, длившийся совсем недолго, ее потряс. Раньше она целовалась с мальчишками, это бывало редко и никогда не вызывало в ней такого отклика.

Ей вспомнилось, как в детстве она купалась в море. Она всегда любила воду и со временем научилась хорошо плавать, однако давным-давно ее как-то подхватила и повлекла прочь огромная волна. Она тогда завизжала, потом ноги нащупали дно, а потом она снова смело бросилась обратно в воду. Почему-то пришло на память это ощущение полной беспомощности и страха – перед чем-то столь могущественным и восхитительным.

С какой стати этот поцелуй так ее взволновал? Быть может, все дело в том, что ему предшествовало. Они с Уилвульфом беседовали на равных, он внимательно слушал Рагну, хотя со стороны казался вполне обычным мужчиной, который привык добиваться своего грубой силой и которому не до женских чувств и мыслей. А потом они вдвоем завалили матерого кабана, действовали слаженно, не сговариваясь, как если бы охотились вместе на протяжении многих лет. Все это, думалось Рагне, заронило в нее толику доверия к Уилвульфу, вот почему она ответила на поцелуй столь жарко и вполне искренне.

Ей хотелось повторения, в этом она нисколько не сомневалась. В следующий раз поцелуй должен длиться дольше. А затем... Нужно ли ей от него что-то еще? Трудно сказать. Надо выждать и посмотреть, как все сложится.

Разумеется, менять своего отношения к гостю она прилюдно не станет. Впредь будет держаться вежливо и с достоинством, иначе все сразу заметят и поймут. Женщины ведь улавливают подобные перемены с той же скоростью, с какой собаки встают на след кабана. Ни к чему, чтобы горничные в замке распускали о Рагне сплетни.

Зато наедине все будет по-другому. Она твердо решила, что встретится с Уилвульфом один на один по крайней мере еще разок, прежде чем он уплывет. К сожалению, уединиться

в замке могли разве что граф с графиней, всем прочим приходилось выставлять личное на обозрение ближних. Крестьянам проще, подумала Рагна, можно ускользнуть в лес или возлечь посреди поля спелой пшеницы. Как же ей подстроить эту тайную встречу с Уилвульфом?

Она вернулась в замок, так и не найдя ответа.

Передала Астрид конюху и двинулась в башню, где сразу угодила в руки ожидавшей ее матери.

Женевьева увлекла дочь в личные покои и отмахнулась от рассказа об охоте.

– Отличные новости! – объявила она. Ее глаза блеснули. – Я разговаривала с отцом Луи. Завтра он едет обратно в Реймс. Он сказал, что ты ему понравилась!

– Приятно слышать, – отозвалась Рагна, сама не зная, что конкретно имеет в виду.

– Он прибавил, что ты немного прямолинейна – нам ли не знать! – но, как он думает, с годами избавишься от этого недостатка. Вообще отец Луи считает, что ты сумеешь поддержать Гийома, когда тот станет графом Реймским. Похоже, ты умело разобралась с тем спором в Сен-Мартене.

– А почему Луи думает, что Гийому понадобится поддержка? – с подозрением спросила Рагна. – Он будет слабым правителем?

– Хватит везде искать подвох! – отрубила мать. – Кажется, мы нашли тебе мужа, так что радуйся!

– Я радуюсь, мама, – заверила Рагна.

* * *

Она все же нашла укромное местечко для поцелуев.

За деревянным частоколом, помимо самого замка, скрывалось множество других построек – конюшни и сараи для скота; пекарня, пивоварня и кухня, семейные дома и кладовые, где хранились копченые мясо и рыба, мука, сидр, сыр и сено. Амбар для сена пока пустовал, ведь на пастбищах в разгар лета хватало свежей травы.

В первый раз Рагна отвела Уилвульфа туда под тем предлогом, что хочет показать ему, где его люди могут сложить на время свое оружие и доспехи. Он поцеловал ее, едва она притворила дверь, и этот поцелуй вышел, пожалуй, еще более возбуждающим, чем первый. Словом, амбар быстро сделался для них местом регулярных свиданий. С наступлением ночи, то есть поздним вечером, они оба выходили из башни, как поступало большинство обитателей замка за час до сна, и украдкой, отдельно друг от друга, пробирались в амбар. Там пахло плесенью, но они этого не замечали. С каждым днем они ласкали друг друга все откровеннее, но всякий раз Рагна останавливала Уилвульфа и уходила, тяжело дыша.

Они старались быть осторожными, но не сумели до конца обмануть Женевьеву. Графиня ничего не знала о встречах в амбаре, но явно догадывалась о страсти, что вспыхнула между ее дочерью и заморским гостем. Впрочем, говорила она об этом, по своему обыкновению, намеками.

– В Англии жить несладко, – обронила она однажды как бы между делом.

– Когда ты успела там побывать? – хмуро спросила Рагна, заранее зная ответ.

– Я никогда там не бывала, – не стала отрицать Женевьева, – но мне говорили, что там холодно и постоянно льет дождь.

– Хорошо, что мне не нужно туда ехать.

От матери так просто было не отделаться.

– Англичане не заслуживают доверия, – продолжала она.

– Разве? – Уилвульф показал себя человеком умным и на удивление душевным. В амбаре он проявлял поразительную нежность и заботу. Не стремился подчинять и властвовать, вел себя неотразимо притягательно. Как-то раз ему приснилось, что его связали веревкой из рыжих

волос Рагны, поведал он, и проснулся он возбужденным. Девушка и сама испытала прилив желания, когда его слушала. Заслуживал ли он доверия? Наверное, да, но было очевидно, что мать думает иначе.

– Почему ты так говоришь? – спросила Рагна.

– Они держат слово, когда им удобно, и легко его нарушают.

– Можно подумать, что мы, норманны, поступаем по-другому.

Женевьева вздохнула.

– Ты умна, Рагна, но далеко не настолько, как тебе кажется.

То же самое можно сказать о многих людях, подумала Рагна, от отца Луи до швеи Агнес; с чего бы ей самой отличаться от большинства?

– Быть может, ты права, мама.

Женевьева поспешила закрепить свое преимущество.

– Твой отец испортил тебя, когда стал обучать управлению. Женщина никогда не сможет быть правительницей.

– Еще как сможет! – возразила Рагна более пылко, чем намеревалась. – Женщина может быть королевой, графиней, настоятельницей в большом или малом монастыре.

– Лишь под началом и по воле мужчины.

– Если так рассуждать, то да, но тут многое зависит от характера самой женщины.

– Значит, ты собираешься стать королевой?

– Я не знаю, кем стану, но мне хотелось бы править совместно с мужем, говорить с ним на равных о том, что нужно сделать, чтобы наши владения пребывали в счастье и процветали.

Женевьева печально покачала головой.

– Мечты, мечты... Все ими грезят...

Больше она ничего не сказала.

Между тем переговоры Уилвульфа с графом Хьюбертом продолжались. Графу понравилась мысль обезопасить движение норманнских товаров через порт Кума, ведь он брал пошлину со всех судов, прибывающих в Шербур и выходящих оттуда. Обсуждение нередко перерастало в спор: Уилвульф не хотел снижать ставки на ввоз, а Хьюберт настаивал на полной отмене сборов; впрочем, оба были согласны в том, что эти сборы нужно как-то упорядочить.

Хьюберт уточнил, требуется ли одобрение английского короля Этельреда на соглашение, о котором они договаривались. Уилвульф признался, что не испрашивал у короля предварительное разрешение, и довольно легкомысленно прибавил, что непременно попросит Этельреда одобрить – мол, он уверен, что король не откажет. Граф Хьюберт позже сказал Рагне, что подобное легкомыслие его немного смущает, но, с другой стороны, норманны мало что теряют.

Рагна гадала, почему Уилвульф не привез с собой в Нормандию кого-то из своих советников, и лишь какое-то время спустя поняла, что таковых у него попросту нет. Он принимал множество решений на суде, в присутствии своих танов, а порой советовался со своим братом-епископом, но чаще всего решал и правил самостоятельно.

В конце концов Хьюберт и Уилвульф достигли соглашения, и графский писец составил договор. Свидетелями выступили епископ Байе и несколько знатных норманнских воинов и священнослужителей, гостивших в замке в тот день.

Затем Уилвульф стал собираться домой.

Рагна ждала, что он заговорит о будущем. Ей хотелось повидаться с ним снова, но как быть, когда он уплывет в свою страну?

Что для него их отношения? Мимолетное увлечение? Конечно нет. На свете полным-полно смазливых крестьянок, которые охотно возлягут со знатным мужчиной, не говоря уже о рабынях-наложницах, лишенных права выбора. Уилвульф явно увидел в ней, Рагне, нечто особенное, потому и встречался с нею тайком каждый день, целовал и ласкал.

Стоило бы, пожалуй, прямо спросить, каковы его намерения, однако Рагна сдерживалась. Девушке ни к чему показывать мужчине, что она в нем нуждается. Кроме того, мешала собственная гордость. Если она ему дорога, он сам заведет разговор, а если промолчит, значит, так тому и быть.

Корабль ждал, ветер был попутным, и Уилвульф сказал, что уплывет следующим утром, когда они снова встретились в амбаре.

Предстоящее отбытие и обстоятельство, что они вряд ли увидятся когда-нибудь еще, могли бы остудить желание Рагны, но случилось обратное – она словно воспламенилась изнутри. Она цеплялась за Уилвульфа так, будто рассчитывала силой удержать его в Шербуре. Когда он прикоснулся к ее груди, она настолько возбудилась, что ощутила влагу на внутренних сторонах бедер.

Она прижалась к нему всем телом, чтобы сквозь одежду ощутить его затвердевшую плоть, и они задвигались вместе, как во время соития. Она приподняла длинный подол платья, чтобы острее чувствовать. Возбуждение становилось все сильнее. В глубине души она понимала, что перестает владеть собой, но отказывалась внимать голосу разума.

На Уилвульфе была рубаха до колен, и каким-то неведомым образом он исхитрился ее задрать. Никто не носил нижнего белья – вообще белье надевали только по особым поводам, например, чтобы удобнее было ездить верхом. Рагна с восторгом ощутила прикосновение обнаженной плоти.

Мгновение спустя он вошел в нее.

Она смутно слышала, как он проговорил:

– Ты уверена?..

Она перебила:

– Глубже, глубже!

Внезапно накатила острая боль, но она длилась всего несколько мгновений, а потом нахлынуло сплошное удовольствие. Рагне хотелось, чтобы это чувство растянулось навечно, но Уилвульф стал двигаться резче, и вдруг оба содрогнулись от обоюдного исступления, и она ощутила внутри себя горячую жидкость. Было похоже на конец света.

Она ухватила за Уилвульфа, чувствуя, что ее ноги могут подкоситься в любой миг. Он долго прижимал ее к себе, затем наконец чуть отодвинулся и заглянул ей в глаза.

– Ого! – Выглядел он так, будто нечто крайне его изумило.

Кое-как справившись с обуявшим ее ликованием, Рагна хрипло спросила:

– Всегда так бывает?

– Вот уж нет, – откликнулся он. – Почти никогда.

* * *

Прислуга спала на полу, но у Рагны, ее брата Ричарда и нескольких старших слуг имелись собственные кровати – широкие скамьи у стены с полотняными тюфяками, набитыми соломой. Летом Рагна накрывалась простыней, а зимой спала под шерстяным одеялом. Тем вечером, когда в помещении затушили все свечи, она свернулась под простыней и принялась вспоминать.

Она отдала девственность мужчине, которого полюбила, и это было прекрасно. Она украдкой просунула внутрь себя палец, сразу ставший липким. Ощутила едкий, как от рыбы, запах, попробовала влагу на вкус – та отдавала соленым.

Она знала, что совершила поступок, который изменит ее жизнь. Священник сказал бы, что теперь она замужняя женщина перед Господом, и эти слова звучали неоспоримой истиной. Она искренне радовалась. Волнение и ликование, охватившие ее в амбаре, были физическим

воплощением близости, стремительно крепнувшей между ею и Уилвульфом. Он подходил ей как мужчина, это она знала наверняка.

По сути, она предалась ему и в более практичном смысле. Знатной женщине полагалось лишаться девственности с мужем. Выходит, теперь ей назначено судьбой выйти замуж именно за Уилвульфа, не то она выставит себя лгуньей и разрушит свой брак.

Вдобавок она могла понести от него.

Интересно, как все будет утром? Как поведет себя Уилвульф? Ему придется что-то сказать, ибо он, подобно ей, знает, что все изменилось – теперь, когда они сделали то, что сделали. Он должен обратиться к отцу Рагны и просить ее руки. Наверняка возникнет спор из-за приданого. Они оба принадлежали к знати, следовательно, их брак касался не только семейных отношений. Не исключено, что Уилвульфу может потребоваться разрешение короля Этельреда.

Это ему тоже следует обсудить с Рагной. Вообще обсудить предстоит многое – когда и где они поженятся, как все будет обставлено. Она с нетерпением ждала этого разговора.

Рагна была счастлива, а все хлопоты можно благополучно уладить. Она любила своего избранника, он любил ее, и им суждено вместе провести долгие годы впереди.

Она думала, что не сомкнет глаз всю ночь, но вскоре провалилась в глубокий сон и не просыпалась, пока не наступило утро и слуги не застучали по столу мисками, а помещение не наполнилось запахом свежее испеченного хлеба.

Она поспешно вскочила и огляделась. Воины Уилвульфа складывали свои немногочисленные пожитки в короба и кожаные сумки. Самого Уилвульфа видно не было: должно быть, ушел умываться.

Родители Рагны вышли из своих покоев и сели во главе стола. Мать вряд ли обрадуется утренним новостям. Отец, конечно, менее привержен соблюдению правил, но едва ли быстро смирится с последствиями того, что случилось. Они оба совсем по-другому мыслили себе будущее Рагны. Но если что, она признается, что потеряла девственность с Уилвульфом, так что им придется уступить.

Она отломил кусок хлеба, намазала кашицей из измельченных в вине ягод и жадно принялась есть.

Вошел Уилвульф и занял свое место за столом.

– Говорил с моряками, – сообщил он всем. – Мы отплываем через час.

Теперь, подумал Рагна, он расскажет; но Уилвульф достал нож, отрезал толстый кусок ветчины и начал его поглощать. Значит, разговор состоится после завтрака.

Внезапно Рагна поняла, что не в силах смотреть на еду. Хлеб встал комом у нее в горле, и пришлось сделать глоток сидра, чтобы его проглотить. Уилвульф беседовал с графом о погоде в проливе и о том, сколько времени потребуется, чтобы добраться до Кума. Все походило на разговор во сне, когда слова лишены всякого смысла. К счастью, завтрак быстро закончился.

Граф и графиня решили спуститься к морю и проводить Уилвульфа. Рагна присоединилась к ним, чувствуя себя невидимым духом, молча следуя за остальными, которые ее словно не замечали. Дочь городского главы, девушка ее лет, улыбнулась ей и воскликнула: «Доброе утро!» – но Рагна не ответила.

У кромки воды люди Уилвульфа подобрали рубахи и приготовились идти вброд до стоявшего у отмели корабля. Уилвульф обернулся и широко улыбнулся. Вот сейчас он наконец-то скажет: «Я хочу жениться на Рагне».

Он строго поклонился всем по очереди – графу, графине, Ричарду и, последней, Рагне. Взял ее руки в свои и кое-как, коверкая местное наречие, выговорил: «Спасибо за радушие». Затем отвернулся, прошлепал по мелководью и, не оглядываясь, поднялся на борт корабля.

Рагна не могла поверить своим глазам.

Матросы отвязывали канаты. Рагна не могла поверить в происходящее. Может, ей приснился дурной сон и она никак не проснется? На корабле подняли парус. На мгновение тот обвис, затем поймал ветер и расправился. Корабль тронулся в путь.

Уилвульф, опиравшийся на борт, помахал рукой и отвернулся.

5

Конец июля 997 г.

Летним днем, передвигаясь по лесу и разглядывая переменчивые узоры солнечного света на тропинке впереди, брат Олдред во весь голос распевал гимны. Когда не пел, он разговаривал со своим пони Дисмасом, выпрашивал у того, понравился ли ему очередной гимн и какой он хочет услышать следующим.

До Ширинга оставалось не более двух дней пути, и Олдред радовался, воображая ликование братьев. Он отлично исполнил порученное дело, продолжая нести знания туда, где раньше царило слепое невежество. Восемь новых книг в коробе, привязанном к крупу Дисмаса, написанных на пергаменте и отменно разукрашенных, станут скромным основанием великого начинания. Олдред мечтал о том, чтобы аббатство Ширинга превратилось в главный центр обучения и науки, в место, где будет скрипторий, способный соперничать со скрипторием Жюмьежа, а также большая библиотека и школа, в которой отпрысков знати будут обучать чтению и письму и внушать им страх Божий.

Впрочем, до такого положения дел аббатству пока было далековато. Старшие братья не разделяли честолюбивых устремлений Олд্রেда. Настоятель Осмунд, дружелюбный и ленивый, во многом потакал молодому Олдреду, но главным образом потому, что понимал: поручи этому юнцу что-либо – и можешь считать, что все сделано, иное настоятеля не заботило. Вообще Осмунд соглашался на любое предложение, которое не требовало от него самого каких-либо усилий. Зато камнем преткновения оказывался казначей Хильдред, который отвергал все без исключения затеи, подразумевавшие расходы, словно монастырю полагось хранить и накапливать деньги, а не просвещать этот мир.

Быть может, Господь свел Олд্রেда с Осмундом и Хильдредом ради того, чтобы молодой монах научился долготерпению.

Нужно признать, что Олдред не был одинок в своих устремлениях. Среди монахов уже давно бродило смутное желание перемен, многие желали изменить привычный уклад, встряхнуть братию, погрязшую в праздности и потворстве собственным слабостям. В Винчестере, Вустере и Кентербери во множестве выпускались прекрасные рукописные книги, однако этот порыв к совершенствованию пока не затронул аббатство Ширинга.

Олдред запел новый гимн:

Должны почтить мы стражников небес,
Что Божью славу...

Он осекся, увидев перед собой на тропе незнакомца.

Олдред даже не заметил, откуда тот взялся. Босые и грязные ноги, вместо одежды какие-то лохмотья, на голове ржавый шлем, почти скрывавший лицо. Окровавленная повязка на плече говорила о недавнем ранении. Незнакомец стоял на тропинке, преграждая Олдреду путь. Наверное, он вполне мог оказаться бездомным и безобидным нищим, но больше смахивал на злодея.

Сердце Олд্রেда упало. Все-таки не следовало соваться в лес в одиночку. Но этим утром на постоялом дворе в Мьюдфорд-Кроссинге не нашлось никого, кто двигался бы в эту сторону, так что монах поддался с недавшему его нетерпению и пустился в дорогу самостоятельно, не теряя суток-других на ожидание попутчиков.

Он остановился. Главное – не показывать, что боишься, как при встрече с грозным псом. Стараясь говорить размеренно, чтобы голос не дрожал, Олдред произнес:

– Да благословит тебя Всевышний, сын мой.

Незнакомец ответил хрипло – Олдреду даже подумалось, что хрипит он нарочно, чтобы остаться неузнанным:

– Ты кто таков будешь, святоша?

Выбритая макушка ясно выдавала в Олдред человека Божьего, но в остальном он мог быть кем угодно – от скромного служителя до настоятеля.

– Я из аббатства в Ширинге.

– Один, значит, идешь? Не боязно, что ограбят?

Если Олдред чего и опасался, так это смерти.

– Кому взбредет в голову меня ограбить! – воскликнул он с показной уверенностью. – У меня же ничего нет.

– А вон тот короб не твой?

– Нет, не мой. Он принадлежит Богу. Конечно, глупец может ограбить и Господа, но тем обречет свою душу на вечное проклятие. – Олдред заметил в кустах второго незнакомца. Даже вздумай он затеять драку с первым, двоих ему ни за что не одолеть.

– Что в коробе? – спросил первый разбойник.

– Восемь священных книг.

– Дорогие небось.

Олдреду вдруг живо вообразилось, как этот человек стучится в ворота монастыря и предлагает купить у него книгу. Его, разумеется, выпорют за такую дерзость, а книгу отберут.

– Они и вправду дороги, но для тех, кто сумеет их продать, не вызывая подозрений, – ответил монах. – Ты голоден, сын мой? Поделиться с тобой хлебом?

Разбойник помедлил, будто размышляя, потом твердо заявил:

– Оставь хлеб себе, мне нужны деньги.

Олдред уже не сомневался, что мужчина голоден. Если его накормить, он, глядишь, и разбойничать перестанет.

– У меня нет денег. – По сути, монах не обманывал, ибо монеты в его кошельке принадлежали аббатству Ширинга.

Разбойник опять замаялся, явно растерявшись и не зная, как ему справиться с неожиданным поворотом разговора. Помолчав, он вдруг сказал:

– Сдается мне, конягу продать будет проще, чем короб с книгами.

– Верно, – согласился Олдред. – Но ведь люди станут говорить: «У брата Олдреда был пони с белым крестом на лбу, так что откуда ты привел эту конягу, приятель?» Что тогда скажет вор?

– Ты умный, святоша.

– А ты смелый. Но ты же не глупец, правильно? Ты не станешь убивать монаха ради восьми книг и одного пони, раз уж все равно не сможешь их продать.

Олдред прикинул, что пора прекращать спор, и, сглотнув слюну, направил Дисмаса вперед. Разбойник замер было в неподвижности, но потом отступил в сторону, так и не приняв никакого решения. Олдред проехал мимо, притворяясь, будто ни о чем не беспокоится.

Велико было искушение пустить Дисмаса рысью, но этот поступок выдал бы его страх, поэтому Олдред ехал степенно, едва справляясь с сотрясавшей его изнутри дрожью.

– Хочу хлеба, – прохрипел разбойник ему вслед.

Этой просьбой пренебрегать не стоило. Ведь священный долг Олдреда как монаха заключался в том, чтобы насыщать голодных. Сам Иисус говорил: «Паси агнцев моих»²⁰. Эту заповедь следовало соблюдать, даже рискуя жизнью. Олдред натянул поводья.

---

²⁰ Ин. 21:17.

В седельной суме у него лежала половина буханки и кусок сыра. Он достал хлеб и отдал разбойнику, а тот немедленно отломил краюху и затолкал в рот через отверстие в забрале своего дряхлого шлема. Должно быть, совсем исстрадался от голода.

– Поделись со своим товарищем, – посоветовал Олдред.

Второй разбойник выбрался из кустов, наполовину прикрыв капюшоном лицо, и Олдред при всем желании не мог разглядеть его черт.

Первый скривился, но разломил буханку пополам.

Второй разбойник пробормотал:

– Спасибо.

– Не меня благодари, сын мой, а славь Господа, который повел меня этой дорогой.

– Аминь.

Олдред достал сыр.

– Этим тоже поделитесь.

Пока разбойники делили сыр, монах уехал.

Некоторое время спустя он оглянулся, но никого не увидел. Похоже, ему повезло уцелеть. Он вознес благодарственную молитву небесам.

Пусть ему самому придется сегодня поголодать, но это малая цена за чудесное спасение. Недаром Всевышний отнял у него пропитание, но подарил жизнь.

День близился к вечеру. Олдред добрался до реки и рассмотрел на дальнем берегу деревеньку из полудюжины домов и отдельно стоящую церковь. К западу от домов виднелось возделанное поле, тянувшееся вдоль берега.

На воде покачивалась лодка. Раньше Олдред не бывал в Дренгс-Ферри – обычно он выбирал другие пути, – но догадался, что пришел именно туда, куда направлялся.

Монах спешился и громко закричал. На берег вышла какая-то девица, отвязала лодку, села в нее и принялась грести. Когда лодка подплыла ближе, Олдред разглядел, что девица на вид простоватая, зато вполне откормленная, а лицо у нее сварливое. Дождавшись, когда она окажется в пределах слышимости, он назвал ее:

– Я брат Олдред из аббатства Ширинга.

– Я Квенбург, – откликнулась девица. – Переправой владеет мой отец Дренг. И постоянным двором тоже.

Что ж, ноги и вправду привели Олд্রেда в нужное место.

– За фартинг я тебя перевезу, но вот лошадь не возьму, не обессудь.

Олдред и сам это понимал. Хлипкая лодчонка того и гляди перевернется.

– Ничего страшного, Дисмас переплывет.

Монах заплатил фартинг, снял с пони седельную суму и короб с книгами заодно с седлом, сложил скарб в лодку. Залез в суденышко сам, не выпуская из рук поводья, и осторожно потянул, уговаривая Дисмаса войти в воду. Лошадка на мгновение заупрямилась.

– Давай, давай, – подбодрил Олдред, продолжая тянуть, и в тот же миг Квенбург оттолкнула лодку от берега. Дисмас поневоле ступил в реку. На глубине, когда дно ушло из-под копыт, он поплыл. Олдред крепко держал поводья. Вряд ли, конечно, Дисмас попытается сбежать, но рисковать не стоило.

Когда переправились, Олдред спросил у Квенбург:

– Далеко отсюда до Ширинга?

– Два дня пути.

Монах взглянул на небосвод. Солнце висело низко. Впереди долгий вечер, но ему, пожалуй, не дойти до следующего места ночлега до наступления темноты. Лучше переночевать здесь.

В ноздри ударил характерный кислый запах свежесваренного эля.

Дисмас нащупал дно. Олдред отпустил поводья, животное выбралось на берег, встряхнулось, избавляясь от воды, пропитавшей его шкуру, и принялось грызть сочную летнюю траву.

Из таверны показалась другая девушка – лет четырнадцати, волосы черные, глаза голубые. Несмотря на свою молодость, она уже была в тягости. На вид привлекательная, еще бы улыбнулась хоть разок. Олдреда потрясло, что она не носила головного убора. Простоволосыми обыкновенно ходили одни шлюхи.

– Это Блод, наша рабыня, – пояснила Квенбург. Блод промолчала, и Квенбург прибавила: – Она говорит по-валлийски.

Олдред выгрузил на сушу драгоценный короб, затем перенес на берег седло и седельную суму.

Блод услужливо подхватила короб. Монах с беспокойством наблюдал, как она несет груз в таверну.

Мужской голос произнес:

– За фартинг можешь с ней позабавиться.

Олдред обернулся. Мужчина пришел, скорее всего, вон из того приземистого строения, где, похоже, варили эль – именно оттуда доносился кислый запах. Чуть старше тридцати, высокий и широкоплечий, он выглядел так, как и должен был выглядеть отец Квенбург. Вдобавок Олдред усмотрел в его облике отдаленное сходство с Уинстеном, епископом Ширинга; помнится, болтали, будто Дренг приходится Уинстену двоюродным братом.

Припадая на ногу, Дренг подошел ближе. Задумчиво оглядел Олдреда, хитро сощурил узко посаженные глаза и неискренне улыбнулся.

– Фартинг – это дешево. Раньше по пенни брал.

– Спасибо, не надо, – отказался Олдред.

– Никто на нее не клюет. А почему? Да потому что понесла, тупая корова.

Олдред не стерпел.

– Думаю, она в тягости по твоей милости. Это ты подкладываешь ее под мужчин, вопреки Божьим заповедям.

– Ей это нравится, в этом-то и беда. Женщины зачинают только тогда, когда им нравится.

– Да неужели?

– Все это знают.

– Я не знал.

– Откуда тебе знать-то? Ты же монах.

Олдред попытался проглотить оскорбление, как подобает христианину.

– Твоя правда, – смиренно признал он и склонил голову.

Непротивление, когда тебя оскорбляют в лицо, порой приводило к тому, что оскорбителю становилось слишком стыдно и он унимался, но Дренг явно был невосприимчив к стыду.

– Раньше у меня еще мальчишка был, если ты по этой части. Но он умер.

Олдред отвернулся. Эти слова его задели, поскольку в юности он как раз столкнулся с подобным искушением. Будучи послушником в аббатстве Гластонбери, он страстно полюбил молодого монаха по имени Леофрик. Они всего-навсего развлекались невинными мальчишескими шалостями, как казалось тогда Олдреду, но их застигли на месте преступления, и случился изрядный скандал. Олдреда спешно перевели в другую обитель, чтобы разлучить с возлюбленным, и так он очутился в Ширинге.

Больше такое не повторялось, да, Олдреда иногда посещали беспокойные мысли, но он научился с ними справляться.

Блод вернулась из таверны, и Дренг движением руки велел ей взять седло Олдреда.

– Самому не поднять, спина больная, – объяснил он. – Упал с коня в битве с викингами при Уотчете²¹.

Олдред покосился на Дисмаса, который словно поселился на местном лугу, и тоже направился в таверну. Заведение во многом походило на обычный дом, не считая своих размеров и обстановки – обилия столов, табуретов, сундуков и настенных шпалер. Бросались в глаза и иные признаки достатка: большой лосось, свисавший с потолка, коптился над очагом, на скамье стояла огромная бочка с пробкой, куры клевали тростник на полу, на огне бурлил горшок, источая дразнящий запах свежей баранины.

Дренг указал на стройную молодую женщину, которая мешала варево в горшке. Олдред заметил у нее на шее резной серебряный кружок на кожаном ремешке.

– Моя жена Этель.

Женщина молча посмотрела на Олдреда. Дренга окружало множество молодых женщин, подумалось Олдреду, но все они казались несчастными.

– Много ли путников у вас бывает? – спросил монах. Как-то не ожидаешь увидеть такое благосостояние в столь крохотном поселении; Олдреду неожиданно пришло на ум, что за этим достатком может стоять разбой и грабеж.

– Достаточно, – коротко ответил Дренг.

– Неподалеку отсюда, в лесу, я встретил двоих мужчин, промышляющих разбоем. – Олдред взглянул Дренгу в глаза и добавил: – На одном из них был старый железный шлем.

– Мы зовем его Железной Башкой. Лжец и убийца. Он грабит путников на том берегу реки, прячется в лесу, через который ведет тропа.

– Почему его до сих пор не изловили?

– Мы пытались, уж поверь. Оффа, староста Мьюдфорда, предложил два фунта серебра за поимку этого злодея. Должно быть, он устроил себе убежище где-то в лесу, но мы не можем его найти. Люди шерифа²² его ищут, совсем с ног сбились.

Звучало правдоподобно, однако Олдред не спешил расставаться с подозрениями. Дренг с его хромотой вряд ли мог быть этой Железной Башкой – если, конечно, он и вправду хромотает, – но не исключено, что он состоял в доле с грабителем. Возможно, он знал, где находится убежище злодея, а тот платил ему за молчание.

– У него был странный голос, – прибавил Олдред, закидывая наживку.

– Наверное, ирландец или викинг, кто их там разберет. Да и пес с ним. – Дренг махнул рукой. – Как насчет кружки доброго эля с дороги? Моя жена варит очень хороший эль.

– Быть может, позже, – сказал Олдред. Негоже тратить монастырские деньги на пиво, если обстоятельства не вынуждают. Он повернулся к Этель: – Скажи, в чем секрет хорошего эля?

– Не она, – поправил Дренг. – Моя другая жена, Лив, варит эль. Сейчас она в пивоварне.

Церковь боролась с этим обычаем. У большинства мужчин, которые могли себе такое позволить, было несколько жен – или жена с наложницами, не считая рабынь. Увы, церковь была не властна освящать брак. Два человека приносили клятвы при свидетелях, после чего считались мужем и женой. Священник, если его просили, осенял их благословением, но это было не обязательно. Беднота не делала записей об имуществе, а вот богачи нередко составляли договор о совместном владении.

Этот обычай Олдреду претил не только потому, что шел вразрез с моралью. Когда умирал мужчина вроде Дренга, частенько возникали споры и ссоры по поводу наследства, ибо следовало установить, какие именно дети прижиты в законном браке. Нынешний обычай был чреват такими вот склоками, способными навсегда расколоть прежде крепкие семьи.

---

²¹ По всей видимости, подразумевается сражение с викингами в 987 г., когда воины ярла Оттира, согласно «Англосаксонской хронике», разграбили этот портовый город.

²² Староста в англосаксонской Англии – «рив», а представитель короля в конкретной местности – иначе «главный староста» («рив местности») – звался шерифом.

Словом, Дренг вовсе не был исключением, однако вызывало удивление, что подобных правил придерживаются в крохотной деревушке поблизости от монастыря.

– Думаю, местных священников беспокоили бы порядки в твоём доме, – строго сказал Олдред.

Дренг расхохотался.

– Да неужто?

– Я в этом уверен.

– Что ж, ты ошибаешься. Они все знают. Настоятель Дегберт – мой брат.

– Это не должно иметь значения!

– Тебе виднее, конечно.

Олдред слишком разозлился для того, чтобы продолжать выяснение отношений. Этот Дренг поистине отвратителен! Желая успокоиться, монах вышел наружу и двинулся вдоль реки. В груди все кипело.

Там, где заканчивались возделанные земли, стоял крестьянский дом с сараем, оба ветхие на вид и нуждавшиеся в починке. Олдред разглядел людей возле дома – трое молодых парней и женщина постарше; видимо, семья, оставшаяся без отца. Ему хотелось подойти к ним, но он сдерживал себя из опасения, что все жители Дренгс-Ферри окажутся похожими на Дренга. Монах уже было развернулся и пошел обратно, когда один из парней приветливо помахал рукой.

Что ж, если тут все же принято здороваться с чужаками, возможно, местные жители не совсем пропащие.

Олдред поднялся по склону к дому. Очевидно, эти люди прозябали в нищете – во всяком случае, ужинали они прямо на земле, а не в доме. Трое парней не вышли ростом, но широкие плечи подсказывали, что это крепкие ребята. Их усталая мать смотрела твердо и сурово. Лица худые, как будто все четверо скверно питались. Рядом лежала белая в подпалинах псина, тоже тощая.

Женщина заговорила первой.

– Присядь с нами, путник, и дай отдых ногам, – сказала она. – Меня зовут Милдред. – Ее палец указал поочередно на каждого из парней, от старшего к младшему. – Мои сыновья, Эрман, Эдбальд и Эдгар. Еда у нас не то чтобы изысканная, но можем поделиться.

Она ничуть не преувеличивала – скорее преуменьшала. Ужинали они буханкой хлеба и варевом из лесных растений в большом горшке; Олдред разглядел листья салата, лук, петрушку и черемшу. Мяса ни следа. Неудивительно, что они такие худые. Олдред был голоден, но грешно принимать пищу от людей, вынужденных жить в отчаянной бедности. Он вежливо отказался.

– Пахнет вкусно, но я не голоден. К тому же монахам надлежит бороться с грехом чревоугодия. Однако я присяду, с вашего разрешения. Благодарю за приглашение. – Он сел на землю, подумав, что его братья редко так поступали, несмотря на все свои обеты. Есть бедность мнимая, сказал он себе, а есть настоящая.

Чтобы поддержать беседу, он заметил:

– Трава почти поспела для косьбы. Через несколько дней у вас будет хороший урожай.

– Честно говоря, – ответила Милдред, – я не ожидала, что нам повезет с сеном. Сам видишь, кругом сплошные болота. Но ударила жара, и земля подсохла. Надеюсь, так будет каждый год.

– Выходит, вы тут новенькие? – спросил Олдред.

– Верно, – ответила она. – Мы прибыли из Кума.

Нетрудно было догадаться, что погнало их в дорогу.

– Должно быть, вы пострадали от викингов, так? Я видел, что творится в Куме, высадили там накануне.

Подал голос Эдгар, младший из братьев. На вид ему было лет восемнадцать, на подборке проступали бледные и мягкие волоски, слабое подобие мужской щетины.

– Мы потеряли все. Мой отец был корабелом, но его убили. Наш запас древесины сожгли вместе с домом, инструменты пришли в негодность. Пришлось начинать жизнь заново.

Олдред с любопытством оглядел молодого человека. Красивым его не назовешь, но в его облике определенно было нечто притягательное. Беседа с чужаком его нисколько не смущала, фразы он строил правильно и мыслил, судя по всему, ясно. Монах ощутил что-то вроде влечения. Возьми себя в руки, прикрикнул он мысленно. Плотских грехов лично ему было избегать куда труднее, нежели греха чревоугодия.

– Так чем же вы занимаетесь в новой жизни?

– Скосим и продадим траву, если в ближайшие несколько дней не случится дождя, и тогда у нас наконец-то появятся деньги. Вон там, на возвышенности, зреет овес. Еще мы обзавелись поросенком и ягненком. Попробуем пережить зиму.

Крестьяне повсюду жили в такой же безысходности: никогда нельзя было сказать заранее, хватит ли урожая текущего года, чтобы дотянуть до следующего. Пожалуй, семейству Милдред удалось обустроиться получше, чем многим другим.

– Я бы сказал, что вам повезло попасть в это место.

Милдред махнула рукой.

– Поживем – увидим.

– Как вышло, что вы очутились в Дренгс-Ферри? – уточнил Олдред.

– Нас отправил сюда епископ Ширингский.

– Уинстен? – Олдред, конечно, знал епископа и был о нем невысокого мнения.

– Наш землевладелец – Дегберт Лысый, настоятель монастыря и двоюродный брат епископа.

– Вот как? – Олдред осознал, что начинает понимать порядки Дренгс-Ферри. Дегберт и Дренг были братьями, Уинстен приходился обоим двоюродным братом. В итоге сложилась этакая зловещая троица братьев-разбойников. – А Уинстен сюда вообще заглядывает?

– Приезжал вскоре после мидсоммера.

– Через две недели после мидсоммера, – добавил Эдгар.

– Вручил по ягненку каждому хозяину, – продолжала Милдред. – Нам тоже досталось.

– Какой добрый епископ, – задумчиво проговорил Олдред.

Милдред сразу уловила недосказанность.

– Ты завидуешь? Или не веришь в его доброту?

– Просто я никогда не видел, чтобы он творил добро без скрытых побуждений. Так что – да, меня не причислить к поклонникам Уинстена.

– Убедительный довод. – Милдред усмехнулась.

Заговорил другой паренек, Эдбальд, средний сын вдовы Милдред, парень с веснушчатым лицом.

– Эдгар убил викинга, – сообщил он неожиданно низким голосом.

Старший, Эрман, вставил:

– Нам сказал, что убил.

Олдред покосился на Эдгара.

– Ты и вправду убил викинга?

– Я напал на него сзади, – признался Эдгар. – Пока он боролся с... с женщиной. Он не замечал меня, пока не стало слишком поздно.

– А что женщина? – По тому, с какой запинкой паренек о ней упомянул, Олдред решил, что она много для него значила.

– Викинг швырнул ее на землю прямо перед тем, как я его ударил. Она стукнулась головой о каменный порог. Я не успел ее спасти. Она умерла. – Такие очаровательные, карие глаза Эдгара наполнились слезами.

– Как ее звали?

– Сунгифу, – прошептал юноша.

– Я помолюсь за ее душу.

– Спасибо.

Похоже, Эдгар любил эту Сунгифу. Бедняга. Наряду с состраданием Олдред почувствовал изрядное облегчение: мальчик, настолько сильно влюбленный в женщину, вряд ли мог грешить с другим мужчиной. Сам он еще мог поддаться соблазну, но Эдгар не из таких, можно не беспокоиться.

Веснушчатый Эдбальд не унимался:

– Настоятель ненавидит Эдгара.

– Почему? – удивился Олдред.

– Я посмел с ним спорить, – объяснил Эдгар.

– Полагаю, ты взял верх, и это его окончательно рассердило.

– Он утверждал, что сейчас идет девятьсот девяносто седьмой год, значит, Иисусу исполнилось девятьсот девяносто семь лет. Я возразил, что Иисус родился в первый год, а потому его первый день рождения случился во втором году. Выходит, в следующее Рождество ему исполнится девятьсот девяносто шесть лет. Все просто. Но Дегберт назвал меня высокомерным щенком.

Олдред рассмеялся:

– Да, Дегберт ошибся, но такую ошибку делают многие.

– Со священниками не спорят, даже если они неправы, – неодобрительно заметила Милдред.

– Особенно когда они неправы. – Олдред поднялся с земли. – Темнеет. Мне лучше вернуться в монастырь, пока еще светло, не то я оступлюсь и упаду в реку. Что ж, было приятно познакомиться.

Он попрощался и двинулся обратно в деревню. Все-таки до чего приятно встретить дружелюбных людей в этом глухом местечке.

Заночевать Олдред намеревался в монастыре. Он зашел в таверну, забрал свой короб и седельную суму. Вежливо кивнул Дренгу, но разговор не поддержал, и повел Дисмаса на холм.

Его путь пролегал мимо небольшого домика на просторном участке. Дверь, как обычно в это время года, была открыта, и Олдред заглянул внутрь. У окна сидела толстая женщина лет сорока с куском кожи на коленях, тачая башмак. Ощувив чужой взгляд, она вскинула голову.

– Ты кто?

– Олдред, монах аббатства в Ширинге, ищу настоятеля Дегберта.

– Дом Дегберта Лысого по другую сторону от церкви.

– Как тебя зовут, женщина?

– Я Беббе.

Подобно таверне, ее дом содержал признаки благополучия – в частности, ящик для хранения сыра, короб с кисейными стенками, пропускавшими воздух, но преграждавшими путь мышам. На столе стояла деревянная кружка, рядом маленький глиняный кувшин, вполне подходящий для вина. На крючке, вбитом в стену, висело тяжелое шерстяное одеяло.

– Ваша деревушка кажется зажиточной, – сказал Олдред.

– Это только кажется. – Беббе фыркнула, помолчала немного и добавила: – Хотя монастырь нас не забывает, делится своим богатством.

– А откуда богатство у монастыря?

– Какой ты любопытный, право слово! Кто тебя послал выспрашивать про наши дела?

– Выспрашивать? – искренне удивился Олдред. – Да кому сдалась эта крошечная деревенька в глуши?

– Вот и ступай себе, не приставай к честным людям.

– Спасибо за совет. – Олдред двинулся дальше.

Он поднялся на холм к церкви и увидел с ее восточной стороны большой дом, где, по всей видимости, и обитали священнослужители. Позади, у торца дома, лепилось строение, похожее на мастерскую. В распахнутую настежь дверь были видны языки пламени. Наверное, кузница, хотя нет, слишком тесно, кузнецам обычно требуется больше места.

Снедаемый любопытством, монах приблизился и заглянул внутрь. В очаге, приподнятом над полом, жарко пылал древесный уголь, и пламя раздувала пара мехов, стоявших поближе. Кусок железа, плотно вбитый в толстый спил ствола, служил наковальней, высотой приблизительно по пояс взрослому человеку. Некий мужчина с молотком и узким долотом в руках наносил резной узор на кружок светлого металла – должно быть, серебра. Ему светил фонарь, установленный на наковальню. Рядом виднелось ведро с водой – явно для закалки раскаленного металла, а пара увесистых ножниц предназначалась, по-видимому, для резки металлических полотен. Позади мужчины угадывалась дверь, предположительно ведущая в большой дом.

Олдред сообразил, что видит перед собой ювелира. Вон полка с приспособлениями для тонкой работы – шила, плоскогубцы, тяжелые обрезающие ножи и кусачки с маленькими лезвиями и длинными ручками. На вид мастеру было около тридцати, и этот пухлый человечек с двойным подбородком трудился самозабвенно, не замечая ничего вокруг.

Не желая его пугать, Олдред предупреждающе кашлянул.

Не помогло. Мужчина подпрыгнул, выронил инструменты и воскликнул:

– Боже всемогущий!

– Прости, не хотел тебя напугать, – извинился Олдред. – Я тут мимо проходил...

– Что тебе нужно? – осведомился мастер, голос которого дрожал от испуга.

– Да вообще-то ничего, – признался Олдред, вкладывая в тон всю убедительность, на какую он только был способен. – Я заметил пламя и решил проверить, как бы пожар не случился. – Приходилось выдумывать на лету, чтобы его снова не упрекнули в излишнем любопытстве. – Я брат Олдред из аббатства Ширинга.

– Я Катберт, священник здешнего монастыря. Посторонние в мою мастерскую не ходят.

Олдред нахмурился.

– Тебе есть что скрывать?

Катберт помедлил с ответом.

– Я принял тебя за вора.

– А есть что воровать?

Катберт непроизвольно оглянулся через плечо, и Олдред проследил за его взглядом: у двери, ведущей в дом, стоял окованный железом сундук. Разумно было предположить, что в этой сокровищнице Катберт хранил золото, серебро и медь, с которыми работал.

Многие священнослужители занимались тем или иным искусством – кто музыкой, кто поэзией, кто росписью стен. В занятии Катберта не было ничего странного. Скорее всего, он делал украшения для матери-церкви и, возможно, получал заодно какую-то прибыль от ювелирных украшений на продажу; в конце концов, священнослужителю не возбранялось зарабатывать своим трудом. Так почему священник настолько испугался?

– У тебя наверняка острый глаз и твердая рука, раз ты взялся за подобную тонкую работу. – Олдред присмотрелся к кружку на столе. Похоже, Катберт вырезал на серебряном диске замысловатый узор из диковинных животных. – Это что такое?

– Брошь.

Голос из-за спины грубо оборвал беседу:

– Какого дьявола ты сунул сюда свой нос, чужак?

К Олдреду обращался мужчина, полностью лишенный волос на голове, а не с выбритой макушкой. Судя по всему, это был настоятель Дегберт Лысый.

Олдред и не подумал смутиться.

– До чего же вы щепетильные! Дверь была открыта, и я заглянул внутрь. Из-за чего вы переполох подняли? Вам, кажется, есть что скрывать.

– Не глупи, – скривился Дегберт. – Катберту нужны тишина и уединение для очень важной работы, вот и все. Пожалуйста, оставь его в покое.

– А мне Катберт успел рассказать другое. Дескать, он опасается воров.

– И это тоже. – Дегберт протянул руку и прикрыл дверь, та захлопнулась, отрезав настоятеля и Олдреда от мастерской. – Ты кто будешь?

– Армарий аббатства в Ширинге. Меня зовут Олдред.

– Монах, – протянул Дегберт. – Полагаю, ты рассчитываешь, что мы тебя накормим.

– Да, и переночевать пустите. Я возвращаюсь издалека.

Дегберта явно подмывало ответить отказом, но он не мог прогнать собрата-священнослужителя без веской причины, не нарушив правил гостеприимства.

– Постарайся не донимать братьев своими расспросами, – сказал он, направился к дому и вошел внутрь через главный вход.

Олдред постоял, предаваясь размышлениям, но так и не смог установить причину этой неприкрытой враждебности.

Ладно, хватит ломать голову. Он последовал за Дегбертом в дом.

Такого он не ожидал.

На видном месте должно было висеть или стоять большое распятие, указывающее на то, что дом посвящен служению Богу. Должно быть высокое место со священной книгой, чтобы клир внимал отрывкам за скромной трапезой. Любые настенные шпалеры должны изображать библейские сцены, напоминающие о заповедях Божьих.

Но здесь не было ни распятия, ни высокого места, а шпалеры на стенах изображали сцену охоты. Большинство мужчин за столом щеголяло выбритой макушкой, иначе тонзурой, однако в доме присутствовали также женщины и дети, причем было заметно, что они тут живут. Словом, все походило на просторный и богатый семейный дом.

– Монастырь, говорите? – недоверчиво пробормотал Олдред.

Дегберт его услышал.

– По-твоему, кто ты такой, чужак, чтобы нас судить?

Олдреда не удивила эта отповедь. Священники, тяготевшие ко греху, нередко относились враждебно к монахам, приверженным более строгим правилам, и подозревали тех в чрезмерной святости – порой не без оснований. Здешний монастырь отчасти выглядел так, что становилась понятной необходимость преобразований в церкви. Впрочем, Олдред не спешил осуждать. Быть может, Дегберт и остальные безупречно выполняют все свои священнические обязанности, тогда прочее не имеет особого значения.

Монах поставил короб и седельную суму у стены, взял пригоршню зерна из сумы, вышел наружу и угостил Дисмаса, затем стреножил пони задние ноги, чтобы лошадка не убрела далеко в ночи. После чего вернулся внутрь.

Он надеялся, что монастырь окажется средоточием спокойного созерцания в шумном мире. Воображал, как проведет вечер, беседуя с мужчинами, чьи интересы совпадают с его собственными. Они будут обсуждать некоторые спорные вопросы относительно Библии, скажем, подлинность Послания Варнавы²³. Или поговорят о незавидной участи осажденного англий-

---

²³ Анонимное сочинение на греческом языке, некоторые Отцы Церкви приписывали его апостолу Варнаве. Позднее было отнесено к апокрифам, но важно не путать это сочинение с псевдоапокрифическим Евангелием от Варнавы, составленным приблизительно в XV столетии.

ского короля Этельреда Неразумного²⁴, а то и о делах чужестранных, о той же войне между мусульманской Иберией и христианским севером Испании. Он надеялся, что им будет интересно узнать от него о Нормандии, в частности об аббатстве Жюмьеж.

Но эти люди вели иной образ жизни. Они болтали со своими женами, играли с детьми, пили эль и сидр. Один мужчина прикреплял железную пряжку к кожаному поясу, другой стриг волосы маленькому мальчику. Никто не читал и не молился.

Конечно, в семейной жизни не было ничего дурного, мужчина должен заботиться о своей жене и детях. Но у священнослужителей имелись другие обязанности.

Зазвонил церковный колокол. Мужчины неторопливо завершили свои дела и стали готовиться к вечерней службе. Через несколько минут они вышли из дома, и Олдред последовал за ними. Женщины и дети остались в доме, а из деревни не пришел вообще никто.

Церковь находилась в плачевном состоянии, и это обстоятельство поразило Олдреда до глубины души. Свод дверного проема подпирало бревно, да и здание целиком словно покосилось. Дегберту следовало бы потратиться на ее содержание. Но, конечно, женатый мужчина ставит семью на первое место. Вот почему священники должны быть холостыми.

Они вошли внутрь.

Олдред заметил надпись, вырезанную в стене. Письмена едва читались, но он все-таки разобрал текст. Некий лорд Бегмунд из Нортвуда построил церковь и был в ней погребен, гласила надпись, и по завещанию он оставил деньги священникам, дабы те молились за упокой его души.

Порядки в большом доме Олдреда смутили, а вот служба попросту привела в изумление и негодование. Гимны тянули как попало, молитвы читали наскоро, а два диакона всю службу спорили, способна ли дикая кошка прикончить охотничьего пса. К заключительному «аминь» Олдред был вне себя от злости.

Неудивительно, что Дренг нисколько не стыдится двух своих жен и шлюхи-рабыни. Это поселение лишено морального руководства. Если уж на то пошло, как настоятелю Дегберту упрекать местных мужчин, ставящих под сомнение церковные правила брака, когда он сам ничуть не лучше этих мужчин?

Дренг вызвал у Олдреда отвращение, а Дегберт монаха взбесил. Эти люди не служили ни Всевышнему, ни своей пастве. Священнослужители брали деньги у бедных крестьян и жили привольно, так что меньшее, что они могли сделать взамен, – это добросовестно отстаивать службы и молиться за души людей, которые их кормили. Но здешние забирали себе церковные деньги и вели на них привычную праздную жизнь. Они хуже воров. Это кошунство, никак иначе.

Увы, если он прямоком выскажет Дегберту все, что думает, то этим все равно ничего не добьется.

Олдреда, помимо всего прочего, обуревало любопытство. Дегберт не испытывал страха, творя свои бесчинства, – наверное, потому, что уповал на покровительство могущественного епископа. Вдобавок тут было что-то еще. Обыкновенно сельские жители не медлили с жалобами на ленивых или грешных священников; они ждали, что духовные пастыри будут строго соблюдать устои, заповеданные матерью-церковью. Однако никто из тех, с кем сегодня разговаривал Олдред, не осуждал ни Дегберта, ни монастырь в целом. Если вспомнить, большинство людей неохотно отвечало на его вопросы. Только Милдред и ее сыновья оказались дружелюбными и открытыми. Олдред знал, что ему недостает умения располагать к себе – в этом ему хотелось бы походить на даму Рагну из Шербура и научиться превращать в друга каждого

---

²⁴ В прозвище, которого удостоился этот король от подданных, заложена саркастическая шутка, поскольку его имя означает «разумный, опирающийся на благие советы».

встречного, – но вряд ли его манеры настолько скверные, чтобы этим можно было объяснить молчаливость жителей Дренгс-Ферри.

Здесь что-то происходило, и Олдред был полон решимости выяснить, что именно.

6

Начало августа 997 г.

Среди ржавых старых инструментов, оставленных предыдущим владельцем дома, была коса-жатка с длинной ручкой, позволявшая косить траву, не сгибаясь в три погибели. Эдгар отчистил и заточил лезвие и приделал новую деревянную ручку. Братья по очереди выходили на жатву. Дожди прекратились, скошенная трава превратилась в сено, которое матушка продала Беббе за жирную свинью, бочонок угрей, петуха и шесть кур.

Затем настал черед овса, который следовало обмолотить. Эдгар сделал цеп из двух палок, длинной рукоятки и короткого молотильника, и скрепил их полоской кожи, до сих пор не возвращенной Беббе. В прохладный день он опробовал свое изобретение под внимательным приглядом Бриндла: разложил несколько стеблей овса на плоском участке сухой земли и начал их молотить. Он не был крестьянином, придумывал все на ходу с помощью матушки. Выяснилось, что цеп исправно служит своему назначению: питательные семена отделялись от бесполезной шелухи, которую разносило порывами ветра.

Оставшиеся зерна выглядели маленькими и сухими.

Эдгар немного отдохнул. Светило солнце, настроение было отличным. Угорь в похлебке придал ему сил. Большую часть рыбы матушка закоптила, подвесив на стропилах дома. Когда закончится копченый угорь, им, возможно, придется забить свинью и приготовить ветчину. А курицы должны начать нестись, прежде чем пойдут на еду. Перезимовать на этом скудном пропитании четверым взрослым людям, конечно, непросто, но теперь, похоже, смерть от голода семейству не грозит.

Сам дом выглядел обитаемым. Эдгар заделал все дыры в стенах и крыше. Пол устилал свежий тростник, каменный очаг топили хворостом из сваленных в лесу деревьев. Пожалуй, Эдгар не согласился бы прожить так всю свою жизнь, но ему стало казаться, что они с родичами благополучно справились с самыми тяжкими испытаниями.

Появилась матушка.

– Я видела Квенбург несколько минут назад. Она тебя искала?

Эдгар смутился.

– С какой стати?

– А кто еще мог ей понадобиться? Мне вот думается, что ты ее... гм... заинтересовал.

– Она пыталась приставать, но я откровенно ей сказал, что она меня не интересуется. К сожалению, она обиделась.

– Я рада. Честно говоря, я боялась, что ты выкинешь какую-нибудь глупость после смерти Сунгифу.

– Мама, о чем ты?! Квенбург не красotka, и нрав у нее склочный, но даже будь она ангелом, я бы в нее не влюбился.

Матушка сочувственно кивнула.

– Твой отец был таким же. Однолюб, так вроде говорят. Его мать рассказывала мне, что он не смотрел ни на одну девушку, кроме меня. Даже после свадьбы он остался таким же, что еще более необычно. Но ты молод. Нельзя хранить верность мертвой девушке до конца своих дней.

Эдгар думал по-другому, но не хотел спорить с матерью.

– Может быть, – сказал он.

– Рано или поздно найдется кто-то еще, – настаивала матушка. – Скорее всего, чувство застанет тебя врасплох. Будешь думать, что все еще верен старой любви, но вдруг сообразишь, что уже давно заглядываешься на другую девушку.

Эдгар ее поддел:

- Никак ты снова собралась замуж?
- Эй, умник, речь не обо мне! Но нет, не собралась.
- Почему?

Матушка долго молчала, и Эдгар даже успел испугаться, не обидел ли он ее своим вопросом. Но наконец она ответила, поразмыслив:

– Твой отец был скалой. Он говорил ровно то, что делал, и всегда выполнял свои обещания. Он любил меня и вас троих, его чувства не менялись два десятка лет. Он не был красив, чего уж там; порой ворчал, не без этого, но я полностью ему доверяла, и он никогда меня не подводил. – Слезы навернулись на ее глаза. – Мне ни к чему другой муж, и я твердо знаю, что нигде на свете не найду второго такого человека, как он.

Говорила она размеренно и обдуманно, но под конец чувства все же прорвались. Она взглянула на летнее небо и прошептала:

- Я так по тебе скучаю, мой любимый!

Эдгар чуть не разревелся. Они постояли молча с минуту, а потом матушка кашлянула, вытерла глаза и сказала:

- Довольно.

Эдгар ее понял.

- Правильно я молочу?

- Все хорошо. И цеп вроде надежный. Но зерна немножко вялые. Нас ждет голодная зима.

- Мы что-то сделали не так?

- Нет, почва плохая.

- Но мы же выживем, верно?

– Да, выживем. Кстати, еще поэтому мне радостно, что ты не сошелся с Квенбург. У этой девушки лицо вечно голодной. Нам не прокормить пятого взрослого, не говоря уже о детях, которые могли бы у вас родиться. Мы бы все поумирали с голоду.

- Может, следующий год будет лучше.

– Мы унавозим поле, перед тем как распахать, это должно помочь, но все же чудес не бывает – невозможно получить хороший урожай из бедной почвы.

Матушка, как всегда, выказывала предусмотрительность и стойкость, но Эдгар за нее беспокоился. Она изменилась после смерти отца. При всей своей решительности она больше не казалась неуязвимой. Она всегда была сильной, но теперь он спешил помочь ей поднять дрова для костра или притащить полное ведро воды от реки. Он не заговаривал с нею об этом, ей не понравились бы намеки на слабость. В этом отношении она больше походила на мужчину. Но Эдгар не мог не задумываться о мрачном будущем без матушки, хоть и гнал от себя эти мысли.

Бриндл внезапно и встревоженно гавкнул. Эдгар нахмурился: собака часто лаяла задолго до того, как люди узнавали о грядущих неприятностях. Мгновение спустя он различил крики – не просто вздорный ор, а вопли, исполненные боли и ярости. Кричали его братья, он слышал голоса обоих; должно быть, подрались друг с другом.

Эдгар побежал на шум, доносившийся как будто от амбара с другой стороны дома. Бриндл помчался следом, не переставая лаять. Краем глаза Эдгар заметил, как матушка рачительно подобрала обмолоченный овес, спасая зерна от птиц.

Эрман и Эдбальд катались по земле возле сарая, били и кусали друг друга, рыча от ярости. Веснушчатый нос Эдбальда кровоточил, а у Эрмана была кровавая ссадина на лбу.

– Хватит, вы двое! – воскликнул Эдгар, но на него не обратили внимания. Вот дурачье, подумалось ему, нам ведь нужны все наши силы для этой проклятой земли.

Причина драки стояла в двух шагах. Квенбург глядела на братьев и радостно смеялась. Она была совершенно голой. Увидев ее, Эдгар исполнился отвращения.

Эрман перекатился, очутился сверху и занес здоровенный кулак, норовя ударить Эдбальда в лицо. Воспользовавшись возможностью, Эдгар схватил Эрмана сзади обеими

руками и потянул на себя. Потеряв равновесие, Эрман не смог сопротивляться и рухнул на землю, выпустив Эдбальда.

Эдбальд вскочил и ударил Эрмана ногой. Эдгар схватил Эдбальда за ногу и повалил обратно. Эрман кое-как поднялся, отпихнул Эдгара и упрямо полез на Эдбальда. Квенбург восторженно захлопала в ладоши.

Раздался властный голос.

– Немедленно прекратите, глупые мальчишки! – сурово проговорила матушка, выходя из-за угла дома. Эрман и Эдбальд тут же замерли.

– Ну вот, испортила все веселье! – огорчилась Квенбург.

– А ты надень платье, бесстыдница! – прикрикнула матушка.

На мгновение почудилось, будто Квенбург раздумывает, хватит ли ей смелости бросить вызов матушке и послать ту к дьяволу, но все же благоразумие взяло верх. Она развернулась, шагнула в сарай и наклонилась, подбирая брошенное платье. Нарочито медленно, убедившись, что все хорошо видят ее ягодички. Затем снова повернулась и подняла платье над головой, задрав руки так, что ее груди зазывно выпятились. Эдгар не мог не смотреть – и заметил, что она пополнила с тех пор, как он увидел ее обнаженной в реке.

Наконец она прикрыла тело. Причем дрыгалась туда и сюда и вертела задом, пока платье не легло как надо.

– Да смилуются над нами небеса! – пробормотала матушка.

Эдгар заговорил со своими братьями:

– Ну? Один из вас с нею развлекался, а другой стал возражать, так?

– Эрман ее заставил! – возмущенно воскликнул Эдбальд.

– Никого я не заставлял, – пробурчал Эрман.

– Да как же так? Она ведь меня любит!

– Я ее не заставлял, – повторил Эрман. – Она сама захотела.

– Чего? Совсем изоврался!

– Квенбург, Эрман тебя заставлял? – спросил Эдгар.

Девушка будто застеснялась.

– Ой, он такой ловкий. – Чувствовалось, что происходящее ей нравится.

– Эдбальд говорит, что ты его любишь. Это правда?

– О да. – Она помолчала. – Я люблю Эдбальда. И Эрмана.

Матушка с отвращением фыркнула.

– Хочешь сказать, что отдавалась им обоим?

– Да. – Квенбург, похоже, была страшно довольна собой.

– И сколько раз?

– Ой, много.

– Давно это у вас?

– С тех пор, как вы прибыли сюда.

Матушка раздосадованно покачала головой.

– Хвала Всевышнему, что у меня нет дочери.

– Я вообще-то не одна тут развлекалась! – напомнила Квенбург.

Матушка вздохнула.

– Да уж, тут нужны двое.

– Я старший, – заявил Эрман, – мне первым жениться.

Эдбальд обидно расхохотался.

– С чего ты взял, что так должно быть всегда? Я женюсь, когда захочу, а не когда ты мне разрешишь.

– Я-то могу позволить себе жену, а ты – нет. Ты нищий, понял, а я однажды унаследую дом!

Эдбальд возмутился.

– Нас трое, сыновей! Дом поделят между всеми, когда мама умрет, а этого, я надеюсь, не случится еще много лет.

– Не дури, Эдбальд, – вмешался Эдгар. – Это хозяйство сейчас еле кормит нашу семью. Если нам троим придется каждому содержать семью на трети здешней земли, мы все быстро перемрем от голода.

– Эдгар, как обычно, единственный из вас мыслит здраво, – добавила матушка.

Эдбальд, судя по гримасе, неподдельно обиделся.

– Мама, это значит, что ты меня выгоняешь?

– Я никогда так не поступлю, и ты это знаешь.

– Значит, мы трое должны блюсти целомудрие, как монахи в монастыре?

– Надеюсь, что нет.

– Тогда что нам делать?

Ответ матушки застал Эдгара врасплох.

– Надо потолковать с родителями Квенбург. Пошли к ним.

Эдгар сомневался, что это принесет какую-то пользу. Дренг мужчина вспыльчивый, он попросту полезет в драку, только и всего. Лив, конечно, умнее и добрее мужа. Но у матушки, видимо, кое-что припрятано в рукаве, оставалось лишь гадать, что именно.

Они шли по берегу реки. Там, где недавно собирали сено, трава уже успела снова пойти в рост. Деревня нежилась в лучах августовского солнца, и в ней было тихо, если не считать постоянного плеска реки.

В таверне были Этель, младшая жена Дренга, и рабыня Блод. Этель улыбнулась Эдгару, которого почему-то выделяла. Она сказала, что Дренг в церкви у своего брата, и Квенбург пошла за отцом. Лив Эдгар отыскал на пивоварне, она мешала сусло граблями и охотно оторвалась от этого занятия. Перед тем как уйти, она наполнила кувшин элем и отнесла на скамью перед таверной. Тем временем Квенбург привела отца.

Все уселись на солнышке, наслаждаясь легким ветерком с воды. Блод разлила эль по кружкам, и матушка, не затягивая, коротко описала положение дел.

Эдгар исподтишка изучал лица собравшихся. Эрман и Эдбальд как будто начали понимать, какого дурака свалили, раз уж их обоих обманули, хотя они-то думали, что обманывают друг друга. Квенбург очевидно гордилась своей властью над двумя юношами. Ее родители, похоже, нисколько не удивились случившемуся – наверное, что-то подобное бывало и раньше. Недаром Дренг ошестинивался всякий раз, стоило хотя бы намекнуть на распущенность его дочери. Лив выглядела усталой. Матушка вела разговор твердо и уверенно; в конце концов, подумал Эдгар, она примет окончательное решение.

Когда матушка закончила, Лив сказала:

– Квенбург пора замуж. В противном случае она понесет от какого-нибудь случайного прохожего, а тот сбежит, оставив нас растить ублюдка.

Эдгару очень хотелось сказать, что этот ублюдок будет ее внуком, однако он сумел сдержаться.

– Не говори так о моей дочери, – прорычал Дренг.

– Она и моя дочь, между прочим.

– Ты слишком сурова с нею. У каждого свои недостатки...

Матушка перебила:

– Мы все хотим, чтобы она вышла замуж, но где она будет жить? Мне не прокормить лишнего рта, не говоря уже о двух.

– Я не собираюсь выдавать дочь замуж за человека, который не сможет ее содержать, – заявил Дренг. – Я вообще-то двоюродный брат элдормена Ширинга! Моя дочь выйдет замуж за знатного мужчину!

Лив с издевкой рассмеялась.

– Кроме того, – продолжал Дренг, – я не могу ее отпустить. Здесь слишком много работы. Мне нужен кто-то молодой и сильный, чтобы перевозить путников. Блод в тягости, а сам я не справлюсь из-за спины. Викинг сбил меня с лошади...

– Да, да, в битве при Уотчете, – вмешалась Лив. – Люди болтают, будто ты был здорово пьян и упал со шлюхи, а не с лошади.

Матушка гнула свое:

– Дренг, когда Квенбург уйдет, ты сможешь нанять Эдгара.

«Ого, – мысленно воскликнул Эдгар, – а вот такого я не ждал».

– Он молод и силен, а еще сможет изготовить тебе новую лодку взамен той деревяшки, которая вот-вот потонет.

Эдгар не знал, нравится ему эта затея или нет. Он обожал возиться с лодками, но успел возненавидеть Дренга.

– Нанять этого дерзкого щенка? – презрительно бросил Дренг. – Кому надобен пес, бредущий на своего хозяина? Эдгар мне не нужен.

Матушка не отступалась:

– Будешь платить ему полпенни в день. Дешевле тебе лодку никто не сделает.

На лице Дренга появилось расчетливое выражение, когда он сообразил, что Милдред выставляет разумные условия. Тем не менее он продолжал упрямиться:

– Нет, мне это не нравится.

– Мы должны что-то сделать, – проговорила Лив.

Дренг набылчился:

– Я ей отец, как скажу, так и будет.

– Есть еще одна возможность, – сказала матушка.

«Вот оно, – подумал Эдгар. – Что за хитрость она придумала?»

– Так выкладывай, женщина! – рявкнул Дренг. Он старался показать, что несет ответственность за дочь, но никто в это не верил.

Матушка долго молчала, а потом изрекла:

– Квенбург должна стать женой Эрману и Эдбальду. Обоим.

Такого Эдгар тоже не ожидал.

Дренг опешил:

– Что, у нее будет два мужа?

Лив многозначительно усмехнулась:

– Ага, как по две жены у многих мужчин.

Дренг скривился, но прямо сейчас не мог найти слов, чтобы возразить Лив.

– Я слышала о таких браках, – спокойно сказала мама. – Это случается, когда двое или трое братьев наследуют хозяйство, слишком малое для нескольких семей.

– Но как это будет? – не понял Эрман. – Я имею в виду... ну, ночью?

– Братья возлагают с женой по очереди, – объяснила матушка.

Эдгар был уверен, что не хочет в этом участвовать, но пока молчал, не желая мешать матушке. Ей он скажет обо всем позже. Если задуматься, она должна догадываться о его истинных чувствах.

– Я знавала такую семью, – поделилась Лив. – В детстве у меня была подружка, так у нее были одна мать и двое отцов.

Интересно, можно ли этому верить. Он взглянул в лицо женщины; похоже, та и вправду что-то такое вспоминала.

– Ее звали Маргарет.

– Именно так, – подтвердила матушка. – Когда рождается ребенок, никто не знает, какой из братьев отец, а кто дядя. Если люди подобрались разумные, никого это не заботит. Они попросту растят всех детей как своих собственных.

– А как насчет свадьбы? – справился Эдбальд.

– Вы принесете обычные клятвы в присутствии нескольких очевидцев. Я бы позвала лишь родичей из двух семей.

– Ни один священник не благословит такой брак, – возразил Эрман.

– К счастью, священник нам не понадобится, – ответила матушка.

– А если все-таки захотим, чтобы он был, брат Дренга обязательно нам поможет, – язвительно добавила Лив. – Дегберт сам живет с двумя женщинами.

– Это жена и наложница, – пояснил Дренг словно в оправдание.

– Поди разбери, кто из них кто.

– Ладно, – матушка махнула рукой. – Квенбург, тебе есть что сказать отцу?

Девушка озадаченно моргнула.

– Да вроде нет.

– А если подумать?

«Что еще?» – спросил себя Эдгар.

– Нет. – Квенбург нахмурилась.

– У тебя не было месячной крови с тех самых пор, как мы прибыли в Дренгс-Ферри, верно?

Матушка сумела удивить Эдгара в третий раз подряд. Квенбург тоже изумилась:

– Откуда ты узнала?

– Твоя фигура изменилась. Ты слегка прибавила в весе у талии, твоя грудь стала больше.

Полагаю, и соски побаливают.

Квенбург испугалась и заметно побледнела.

– Да откуда ты все знаешь? Ты что, ведьма?

Лив сообразила первая:

– Ой-ой, я должна была заметить признаки.

«Твое зрение затуманилось от эля», – мысленно объяснил ей Эдгар.

– Да о чем вы все болтаете?! – воскликнула Квенбург.

– У тебя будет ребенок, – спокойно ответила матушка. – Когда перестает идти месячная кровь, значит, ты понесла.

– Да ну?

Эдгар спросил себя – как девчонка может дожить до пятнадцати лет и не знать о таком?

Дренг впал в ярость:

– Выходит, она уже в тягости?

– Да, – отозвалась матушка. – Я поняла это, когда увидела ее голой. И она не знает, кто отец – Эрман или Эдбальд.

Дренг злобно уставился на Милдред:

– По твоим словам получается, что она не лучше шлюхи!

– Успокойся, Дренг, – ввернула Лив. – Сам спишь с двумя женщинами, но тебя-то никто шлюхой не зовет.

– С тобой я давно не спал.

– Милость, за которую я ежедневно благодарю небеса.

– Кто-то должен помочь Квенбург растить ребенка, Дренг, – сказала матушка. – Выбор у нас невелик. Она может остаться с тобой, и ты pomoжешь воспитывать внука.

– Ребенку нужен отец. – В кои-то веки Дренг рассуждал на удивление здраво. Эдгар заметил, что он смягается в присутствии Квенбург.

– Или Эрман и Эдбальд женятся на Квенбург, – продолжала матушка, – и они будут воспитывать ребенка вместе. Если так случится, то Эдгар переберется на житье к тебе, и ты будешь платить ему по полпенни в день помимо еды.

– Мне не нравится ни то, ни другое.

– Предложи свое.

Дренг открыл было рот, но не произнес ни слова.

– А ты что думаешь, Квенбург? – спросила Лив. – Ты-то хочешь замуж сразу за Эрмана и Эдбальда?

– Хочу, – ответила Квенбург. – Мне они оба нравятся.

– Так когда у нас свадьба? – уточнила Лив.

– Завтра, – подытожила матушка. – В полдень.

– Где? Здесь?

– Вся деревня заявится.

Дренг сварливо проворчал:

– Я не намерен бесплатно поить элем этих дармоедов.

– А я не хочу по десять раз на дню растолковывать про этот брак каждому дурню в Дренгс-Ферри, – возразила матушка.

– Давайте у нас соберемся, – подал голос Эдгар. – Остальным сообщим позже.

– Я принесу бочонок эля, – пообещала Лив.

Матушка вопросительно посмотрела на Этель, которая до сих пор помалкивала.

– Я приготовлю медовые лепешки, – сказала та.

– Здорово! – обрадовалась Квенбург. – Люблю медовые лепешки.

Эдгар недоверчиво уставился на нее. Она только что согласилась выйти замуж за двоих мужчин, а сама думает о лепешках.

– Так что, Дренг? – настаивала матушка.

– Я буду платить Эдгару по фардингу в день.

– Решено. – Милдред встала. – Тогда мы ждем вас всех завтра в полдень.

Трое ее сыновей последовали за нею прочь от таверны.

«Я больше не крестьянин», – твердил себе Эдгар.

7

Конец августа 997 г.

Рагна не понесла.

Две недели после того, как Уилвульф покинул Шербур, ее терзали опасения на сей счет. Оплодотворена и покинута – это предельное унижение, в особенности для девушки знатного рода. Дочь крестьянина, постигни ее та же участь, тоже подвергнется осмеянию и презрению, однако в конечном итоге сможет найти человека, который возьмет ее замуж и согласится воспитывать чужого ребенка, но вот поруганной благородной дамы станут сторониться все мужчины ее сословия.

По счастью, самого страшного не случилось. Месячную кровь она встретила с такой же радостью, с какой встречают долгожданный восход солнца.

Пожалуй, Рагне следовало бы возненавидеть Уилвульфа, но она вдруг поняла, что ненависти в ней нет. Пусть он ее предал, она все еще тосковала по нему. Она знала, что ведет себя глупо, ну и ладно, ведь им никогда, скорее всего, не увидятся вновь.

Отец Луи вернулся в Реймс, не заметив начала отношений между Рагной и Уилвульфом; судя по всему, он считал, что Рагна будет подходящей женой для молодого виконта Гийома, поскольку сам Гийом явился в Шербур, чтобы сделать окончательный выбор.

Он обрел в Рагне совершенство.

Таковы были его собственные слова. Гийом изучал ее, иногда касался ее подбородка, чуть поворачивая голову девушки в одну или другую сторону, вверх или вниз, чтобы свет упал иначе на лицо. «Совершенство, – шептал он. – Глаза зеленые, как море, такого оттенка я прежде никогда не видел. Нос прямой и такой красивый. Скулы на загляденье. Кожа бледная, а прекраснее всего волосы». По большей части Рагна волосы прикрывала, как подобает всем уважаемым женщинам, но умело позволяла нескольким прядям выбираться на свободу. «Яркое золото – должно быть, как на крыльях ангелов».

Ей льстили подобные сравнения, но все же она не могла отделаться от ощущения, что Гийом смотрит на нее с тем восторгом, с каким глядел бы на милую брошь, на самые ценные предметы своего собрания. А вот Уилвульфу и в голову не приходило считать ее совершенством. Однажды он честно сказал: «Клянусь всеми богами, мои руки сами так и тянутся к тебе»...

Как мужчина Гийом был крайне привлекателен. Рагна поглядывала на него на высоком парапете замка Шербур, откуда они вдвоем разглядывали корабли в бухте: ветер ерошил ему волосы, длинные и шелковистые, темно-русые с огненно-рыжими прядками. Глаза карие, черты лица безукоризненные. Словом, он был куда красивее Уилвульфа, но служанки в замке не краснели и не хихикали, когда он проходил мимо. Уилвульф обладал несомненной мужской привлекательностью, которой Гийом начисто был лишен.

Гость подарил Рагне шелковую шаль, расшитую его матерью. Рагна развернула подарок и любовалась затейливым узором из листьев и громадных птиц.

– Великолепная работа, – оценила она. – Должно быть, твоя матушка трудилась не меньше года.

– У нее хороший вкус.

– Расскажи, какая она.

– Мама замечательная. – Гийом улыбнулся. – Наверное, каждый сын скажет то же самое о своей матери.

Рагна могла бы поспорить, но придержала язычок.

– Лично я думаю, что благородной даме надлежит владеть всеми умениями, каковые подразумеваются работой с тканями, – изрек Гийом, и Рагна поняла, что сейчас ей предстоит

выслушать заранее подготовленную речь. – Прядение, ткачество, крашение, сочетание, вышивание и, конечно же, стирка. Женщина должна править этим миром так, как ее супруг управляет своими владениями.

Похоже, виконт полагал, что делает женщинам щедрую уступку.

– Я все это терпеть не могу! – решительно выпалила Рагна.

– Ты не вышиваешь? – изумился Гийом.

Рагна справилась с побуждением увильнуть от прямого ответа. Пусть узнает, какова она на самом деле. «Я такая, какая есть».

– Упаси Боже, – проговорила она с содроганием.

Гийом явно растерялся.

– Но почему?

– Я люблю красивую одежду, как и большинство людей вокруг, но не хочу ее шить. Мне быстро надоедает.

Он выглядел разочарованным.

– Надоедает?

Возможно, настала пора немного подсластить горечь.

– А ты не думал, что благородная дама может исполнять и другие обязанности? Скажем, ее муж отправился воевать, что тогда? Кто-то же должен проследить за тем, чтобы подати выплачивались и справедливость торжествовала.

– Это особые случаи.

Рагна решила, что достаточно ясно высказала свое мнение и лучше слегка отступить, чтобы не накалять обстановку.

– Именно так, – подтвердила она неискренне. – В особых случаях.

Гийом облегченно вздохнул и сменил тему:

– Какой прекрасный вид отсюда!

Замок возвышался над окружающей местностью, вражеское войско можно было углядеть издали и заблаговременно подготовиться к обороне – или к бегству. Недаром этот замок возвели вблизи побережья. Впрочем, взор Гийома был устремлен на город Шербур. Река Дивет извивалась то влево, то вправо между деревянных домов, крытых соломой, и впадала в бухту. По улицам сновали телеги, одни катили в гавань, другие двигались в обратном направлении, их колеса поднимали пыль с выжженной солнцем земли. Викингов тут больше не привечали, граф Хьюберт сдержал обещание, данное Уилвульфу, однако у берега стояли на якоре несколько кораблей других народов, а еще горстка расположилась чуть дальше. К гавани приближалось норманнское торговое судно, низко сидящее в воде, груженное, быть может, железом или камнем. Следом виднелись очертания английского корабля.

– Торговый город. – В этом замечании Гийома Рагна уловила нотку неодобрения.

– А каков собой Реймс? – спросила она.

– Святое место, – мгновенно откликнулся виконт. – Хлодвиг, король франков, в незапамятные времена крестил там епископ Реми. Легенда гласит, что с небес слетел белый голубь, несущий ковчежец со Святой Стекланницей, в ней было священное масло, которым с тех самых пор помазывают каждого нашего монарха.

Рагне подумалось, что в Реймсе все равно должна быть какая-то торговля, не только чудеса и коронации, но усилием воли девушка заставила себя промолчать. В общении с Гийомом ее воля непрестанно закалялась.

Она осознала, что ее терпение на исходе. Долг выполнен, можно уходить.

– Пойдем вниз? – предложила она и прибавила, желая скрасить впечатление: – Не могу дожидаться, надо показать маме эту замечательную шаль.

Они спустились по деревянным ступеням и вошли в большую залу. Женевьевы нигде не было видно, так что Рагне представился повод покинуть Гийома и отправиться в личные покои

графа и графини. Мать сидела у окна и просматривала содержимое шкатулки с драгоценностями, выбирая булавку для платья.

– Здравствуй, милая, – рассеянно произнесла графиня. – Ты уже поладила с Гийомом? Он такой прелестный.

– Он очень любит свою мать.

– Как мило.

Рагна показала шаль:

– Она вышила вот это для меня.

Женевьева повертела шаль в руках.

– Как заботливо с ее стороны, – восхитилась она.

Рагна перестала сдерживать себя.

– Мама, он мне нисколько не нравится!

Женевьева раздраженно фыркнула.

– Ты привыкнешь.

– Я старалась, честное слово, но...

– Чем он тебя не устраивает, скажи на милость?

– Он хочет, чтобы я занималась вышивкой.

– Что ж, это вполне естественно для графини. Или ты думаешь, что он сам будет шить себе?

– Он такой чопорный!

– Вовсе нет. Хватит выдумывать. Очень привлекательный молодой человек.

– Жаль, что я не умерла в детстве.

– Милая, перестань уже тосковать по тому английскому верзиле. Во-первых, он тебе не пара, а во-вторых, он давно уплыл домой.

– К сожалению, ты права.

Женевьева оторвалась от шкатулки.

– Послушай меня внимательно. Нельзя дальше откладывать замужество, не то останешься старой девой.

– Может, оно и к лучшему.

– Даже думать так не смей! Знатная женщина не может быть одинокой! Она бесполезна, но ей по-прежнему нужны платья, драгоценности, лошади и слуги, а отец устает платить за дочь и ничего не получать взамен. Более того, замужние женщины ее ненавидят, считают, будто она хочет украсть их мужей.

– Можно податься в монахини.

– Чушь какая! Ты никогда не была особо набожной.

– Монахини поют гимны, молятся и ухаживают за страждущими.

– А еще затевают шашни с другими монахинями. По счастью, ты, сдается мне, не из таких. Я помню ту порочную девицу из Парижа, Констанцию, но ты ничуть не похожа на нее.

Рагна покраснела. Она и не подозревала, что матери известно об их с Констанцией шалостях. Они целовались, трогали друг дружку за грудь и ласкали себя, но Рагна не испытывала возбуждения, и потому Констанция в конце концов обратила свое внимание на другую девушку. Интересно, о многом ли мама догадывается?

Так или иначе, она, конечно, права: любовная связь с женщиной вовсе не казалась Рагне предметом мечтаний.

– Итак, – продолжала Женевьева, – Гийом, на мой взгляд, будет наилучшим выбором.

Выгодная партия, мысленно скривилась Рагна. Ей хотелось бури чувств, от которой запело бы сердце, а мать предлагала выгодную партию.

Тем не менее ей, похоже, все-таки придется выйти за Гийома.

От матери она ушла в мрачном настроении. Миновала большую залу и вышла на солнечный свет, надеясь хоть так взбодриться.

У замковых ворот толпились гости, сошедшие, должно быть, с борта одного из тех кораблей, которые Рагна видела со стены. Выделялся мужчина с усами, но без бороды, по виду истинный англ, и на какой-то миг девушка вообразила, что это вернулся Уилвульф. Высокий, светловолосый, с крупным носом и крепким подбородком... Вдруг померещилось, что Уилвульф и вправду возвратился, что он опомнился и решил жениться на Рагне. Однако мгновение спустя она поняла, что макушка у этого мужчины выстрижена, что на нем длинная черная мантия священнослужителя. Вблизи стало заметно, что его глаза расставлены не так широко, уши громадные, а лицо, пускай незнакомец и был, возможно, помоложе Уилвульфа, уже изборождено морщинами. Походка тоже была иной: Уилвульф ступал твердо, а этот человек каждым своим шагом источал высокомерие.

Ни отца, ни кого-либо из старших слуг рядом не наблюдалось, поэтому Рагне выпало приветствовать гостя. Она двинулась ему навстречу и поздоровалась:

– Добрый день, путник. Добро пожаловать в Шербур. Я Рагна, дочь графа Хьюберта.

Чужак напугал Рагну – он окинул ее пристальным взглядом, на его губах под усами играла насмешливая улыбка.

– Вот как? – В его тоне сквозило недоверие. – Честно?

На норманнском наречии он говорил бегло, лишь слегка коверкая звуки.

Девушка растерялась, не знала, как на это отвечать, однако ее молчание, по-видимому, несколько не смутило гостя. Он осмотрел Рагну с головы до ног, как если бы оглядывал лошадь, проверяя, все ли в порядке. Этот взгляд был откровенно грубым.

– Позволь представиться, – произнес мужчина. – Я епископ Ширинга. Меня зовут Уинстен, а мой брат – элдормен Уилвульф.

* * *

Рагна не находила себе места. Само появление Уинстена в Шербуре будоражило ее воображение. Это же брат Уилвульфа! Всякий раз, поглядывая на епископа, она думала о том, насколько близок этот мужчина к ее возлюбленному. Они вместе выросли. Уинстен должен хорошо знать Уилвульфа, должен восхищаться его достоинствами, уметь прощать его слабости и распознавать его настроение намного лучше, чем удавалось Рагне. Вдобавок он и внешне отчасти походил на Уилвульфа.

Рагна велела своей бойкой горничной Кэт построить глазки одному из телохранителей Уинстена, здоровяку по имени Кнебба. Все телохранители епископа говорили на чуждом языке, поэтому общаться приходилось преимущественно жестами, но Кэт все же сумела кое-что разузнать. Епископ Уинстен на самом деле приходился элдормену Уилвульфу единокровным братом. Мать Уилвульфа умерла, его отец женился повторно, и вторая жена родила ему Уинстена и младшего брата Уигельма. Эти трое уверенно правили западом Англии: элдормен, епископ и тан. Они были обеспеченными людьми, но их доходам стали угрожать набеги викингов.

Что привело Уинстена в Шербур? Быть может, телохранители и знали, но говорить отказывались.

Скорее всего, епископ приплыл уточнить договор, который заключили между собой Уилвульф и граф Хьюберт. Наверное, он решил проверить, держит ли Хьюберт данное слово и не пускает ладьи викингов в гавань Шербура. Или, возможно, он приплыл ради Рагны...

Уже вечером она узнала правду.

После ужина, когда граф Хьюберт собрался было уйти, Уинстен его перехватил и принялся что-то негромко втолковывать. Рагна едва слышала их голоса, а слов и подавно не могла

разобрать. Хьюберт отвечал столь же тихо, затем кивнул и направился в личные покои в сопровождении Женестьева.

Вскоре после этого Женестьева позвала Рагн.

– Что стряслось? – с порога воскликнула Рагна, тяжело дыша. – Что вам сказал этот Уинстен?

Мать сердито хмурилась.

– Пускай отец тебе скажет.

Граф Хьюберт не мешкал.

– Епископ Уинстен привез тебе предложение руки и сердца от элдормена Уилвульфа.

Рагна не могла спрятать торжествующую улыбку.

– Надо же! Я не смела и надеяться! – Она велела себе успокоиться, чтобы не начать скакать по покоям, как ребенок. – Я-то думала, что к ним снова явились викинги.

– Дочь, не тешь себя пустыми фантазиями! – Женестьева оставалась все такой же суровой. – Мы вряд ли примем это предложение.

Рагна пропустила ее слова мимо ушей. Она сбежит от Гийома и выйдет замуж за человека, которого любит!

– Значит, я ему небезразлична!

– Твой отец согласился подумать над предложением элдормена, только и всего.

– Долг обязывает, – пояснил граф Хьюберт. – Иначе бы я оскорбил этого человека.

– Надо было сразу его прогнать! – не унималась Женестьева.

– Возможно, – отозвался граф. – Но лучше не торопиться со словами, чтобы не натворить дел. К чему обижать людей?

– Короче говоря, твой отец выслушает гостя и вежливо ему откажет.

– Отец, расскажи мне, что предлагают англы, – попросила Рагна. – Я хочу знать, даже если ты откажешь Уинстену.

Граф помедлил. Он никогда не любил ссориться с соседями.

– Конечно, милая.

Женестьева с отвращением фыркнула.

Рагна положила на удачу.

– А лучше позволь мне присутствовать на вашей с Уинстеном встрече.

– Ты способна хранить молчание, что бы ни услышала?

– Да.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Тогда позволяю.

– Иди спать, – распорядилась Женестьева. – Остальное обсудим утром.

Рагна ушла от родителей и легла на кровать в зале, свернувшись калачиком. Ее так и подмывало вскочить, чувства, переполнявшие грудь, требовали выхода. Уилвульф и вправду ее любит!

Когда потушили светильники и в зале стало темно, сердцебиение замедлилось, а тело Рагны расслабилось. При этом мыслить она стала яснее. Если Уилвульф ее любит, то почему сбежал без объяснения причин? Найдется ли у Уинстена оправдание поведению брата? Если епископ промолчит, она спросит у него напрямую.

Эта отрезвляющая мысль позволила Рагне наконец заснуть.

Проснувшись она с первыми лучами солнца и сразу подумала об Уилвульфе. Что стояло за его сватовством? Обычно даме знатного рода предлагали достаточный доход, такое содержание, которого хватит на жизнь, если ее муж вдруг умрет и она останется вдовой. Детей, которым предстояло стать наследниками денег или титулов, обыкновенно воспитывали на родине

отца, даже если тот умирал. Порой брак зависел от одобрения короля, а помолвка превращалась в сделку – противное слово! – как при заключении торгового соглашения.

Сильнее всего Рагну беспокоило то, что в предложении Уилвульфа окажутся какие-то условия, которые дадут ее родителям повод для отказа.

Одевшись, она пожалела, что не проспала дольше. Кухонные слуги и конюхи вставали рано каждый день, но все прочие, в том числе Уинстен, еще крепко спали. Рагна с трудом уняла желание подойти к епископу, схватить его за плечо, разбудить и подробно расспросить.

Она отправилась на кухню, выпила кружку сидра и съела кусок хлеба, смоченного в меде. Потом взяла половину спелого яблока, пошла на конюшню и угостила свою кобылку Астрид. Та с благодарностью схрумкала плод.

– Ты-то от любви не страдаешь, – пробормотала Рагна на ухо лошади. Впрочем, она лукавила, ибо знала, что в летнюю пору Астрид случалось высоко задирать хвост, и тогда следовало держать кобылку подальше от жеребцов.

Солома на полу конюшни была влажной и вонючей. Конюхи совсем обленились. Рагна велела немедленно принести свежую солому.

Замок потихоньку просыпался. Мужчины шли к колодцу выпить воды, женщины умывались. Слуги внесли в большую залу хлеб и сидр. Собаки кланчили объедки, кошки в засаде подстерегали мышей. Граф с графиней вышли из своих покоев и сели за стол. Начался завтрак.

Сразу после трапезы граф пригласил Уинстена в свои покои. Женестьева и Рагна последовали за мужчинами.

Все расселись и приготовились слушать епископа. Тот заговорил прямо:

– Будучи здесь шесть недель назад, элдормен Уилвульф влюбился в даму Рагну. По возвращении домой он понял, что без нее его жизнь будет пустой. Он просит у графа и графини согласия на брак с их дочерью.

– Что насчет ее благополучия? – спросил граф.

– В день свадьбы он отдаст ей во владение долину Оутен. Это плодородная долина с пятью крупными деревнями, где проживают около тысячи человек, каждый из которых будет платить подать – деньгами или едой. Также в долине находятся известняковые копи. С твоего разрешения, граф, я хотел бы уточнить, каково приданое дамы Рагны?

– Оно вполне сопоставимо – это крупная деревня Сен-Мартен и восемь малых деревень поблизости, людей там чуть более тысячи.

Уинстен коротко кивнул, и Рагне подумалось, что он бы не прочь разжиться большим.

– Доход от обоих владений остается за Рагной? – справился граф.

– Да, – ответил Уинстен.

– Она сохранит право собственности до кончины? И сможет завещать кому угодно?

– Да, – подтвердил Уинстен. – А что насчет денег в приданом?

– Разве деревни Сен-Мартен недостаточно?

– Я бы попросил двадцать фунтов серебром.

– Хорошо, подумаю. Одобрят ли этот брак король Англии Этельред?

Обыкновенно перед браком знатных людей старались заручиться королевским разрешением.

– Я заранее позаботился об этом. – Уинстен масляно улыбнулся Рагне. – Сказал королю, что красивая и хорошо воспитанная девушка окажет немалую честь моему брату, Ширингу и всей Англии. Король охотно согласился.

Подала голос молчавшая до сих пор Женестьева.

– Твой брат живет в таком же доме? – Она повела рукой, как бы охватывая каменный замок.

– Дама Женестьева, у нас в Англии нет подобных замков. Насколько мне известно, они наперечет даже в Нормандии и во франкских землях.

– Это правда, – гордо заявил Хьюберт. – В Нормандии с нашим сравнится разве что замок в Иври.

– А в Англии их вовсе нет.

– Вот почему вы, англичане, никак не можете защитить себя от викингов, – не удержалась от шпильки Женестьева.

– Не все так плохо, дама Женестьева. Ширинг обнесен стеной и надежно защищен от нападения.

– Но все-таки каменного замка или крепости в нем нет.

– Увы.

– Хочу еще кое о чем спросить.

– Конечно, спрашивай.

– Твоему брату ведь за тридцать?

– Сорок, мадам, он просто молодо выглядит.

– Почему он до сих пор не женился, в таком-то возрасте?

– Он был женат. Собственно, именно поэтому он не предлагал руку и сердце вашей дочери, сам будучи в Шербуре. К сожалению, его жена более не с нами.

– Понятно.

Вот в чем дело, сказала себе Рагна. Он не мог сделать предложение в июле, потому что был тогда женат.

Воображение услужливо принялось подбрасывать вопросы. Почему он изменил своей жене? Возможно, она болела и была при смерти? Наверное, ее состояние медленно ухудшалось, и она уже не могла выполнять женские обязанности... Это объясняло, почему Уилвульф так жаждал любви. Вообще вопросов было множество, но Рагна обещала отцу хранить молчание, так что пришлось крепко стиснуть зубы.

– Могу ли я рассчитывать на положительный ответ? – спросил Уинстен.

– Дай нам время, – отозвался граф Хьюберт. – Мы должны тщательно обдумать услышанное.

– Разумеется.

Рагна исподтишка пригляделась к епископу, попыталась прочесть выражение его лица. Почему-то ей казалось, что епископ не в восторге от выбора брата. Интересно, почему он может быть против. Ведь он, судя по всему, честно старается выполнить поручение своего высокородного брата. Быть может, ему что-то не нравится? Может, у него на примете была другая женщина? В конце концов, знатные браки всегда подразумевали политические игры. Или, может, он просто не одобряет Рагну? Впрочем, она знала, что вряд ли могла оставить равнодушным здорового и полнокровного мужчину. Как бы то ни было, Уинстен, похоже, не сильно расстроился, что граф Хьюберт взял время на размышление.

Епископ встал и попрощался. Едва за ним закрылась дверь, Женестьева воскликнула:

– Это возмутительно! Он хочет забрать нашу дочь в деревянный дом в краях, где хозяйничают викинги. Того и гляди она окажется на невольничьем рынке в Руане!

– По-моему, ты слегка преувеличиваешь, жена, – возразил граф.

– Но ты же не станешь отрицать, что Гийом – намного лучший выбор.

– Я не люблю Гийома! – не стерпела Рагна.

– Ты пока и знать не знаешь, что такое любовь, – осадил ее мать. – Ты слишком молода.

– Вдобавок ты не бывала в Англии, – дополнил отец. – Там все по-другому. Холодно и мокро.

Уж с дождем-то Рагна была готова смириться ради любимого человека.

– Я хочу выйти замуж за Уилвульфа!

– Хватит корчить из себя крестьянку-простушку! – вспылила мать. – Ты знатная девушка, тебе не пристало бросаться на шею первому встречному.

– Я не пойду за Гийома!

– Пойдешь, если мы с твоим отцом так решим.

– За свои двадцать лет ты ни разу не замерзала и не голодала, – сказал граф. – У этого благополучия есть своя цена.

Рагна призадумалась. Спокойные доводы отца действовали сильнее угроз матери. Раньше она никогда не смотрела на свою жизнь под таким углом. Эта мысль отрезвляла.

Но быть вместе с Уилвульфом...

– Епископа Уинстена нужно чем-то занять, – бросила мать. – Позови его на прогулку, покажи окрестности.

Должно быть, Женевьева надеялась, что Уинстен скажет или сделает что-то такое, что отпугнет Рагну от Англии. Сама девушка больше всего хотела остаться наедине со своими мыслями, но, сопровождая Уинстена, она наверняка многое узнает об Уилвульфе и Ширинге.

– Хорошо, мама, – ответила она покладисто.

Уинстен охотно согласился прогуляться, и они вместе пошли за лошадьми, позвали Кнеббу и Кэт. По дороге Рагна тихо сказала Уинстену:

– Я люблю твоего брата. Надеюсь, он это знает.

– Он опасается, что отплытие из Шербура, как оно было обставлено, могло охладить твои чувства к нему.

– Мне бы стоило возненавидеть его, но я не могу.

– Я заверю его в этом, когда вернусь домой.

Пожалуй, она сказала бы Уинстену намного больше, но ее отвлек громкий шум и возгласы возбужденной толпы. За конюшней сцепились две собаки, коротконогая черная гончая и серый мастиф. Все конюхи высыпали наружу посмотреть на схватку. Они вопили во все горло, поддерживая псов, и делали ставки на победителя.

Раздраженная Рагна зашла в конюшню, гадая, остался ли внутри кто-нибудь, кто поможет оседлать лошадей. Конюхи исполнили ее распоряжение и принесли сухую солому, но все побросали дела ради собачьей драки, так что большая часть соломы лежала кучей у двери.

Она было вознамерилась выйти наружу и притащить за шкурку парочку работников, как вдруг насторожилась. Обеспокоенно принялась и почувствовала запах гари. Не может быть! Девушка огляделась и заметила струйку дыма.

Верно, кто-то принес из кухни уголек, чтобы запалить фонарь в темном углу, а потом все бросил, привлеченный криками и собачьим рыком. Как бы то ни было, свежая солома на полу начала тлеть.

Рагне бросился в глаза желоб для воды, служивший поилкой для лошадей, рядом на полу стояло деревянное ведро. Она схватила ведро, зачерпнула воду и плеснула на дымящуюся солому.

Сразу стало понятно, что этим не обойдется. Буквально за несколько мгновений дым загустел, в нем засверкали языки пламени. Рагна передала ведро сопровождавшей ее Кэт.

– Поливай, сколько получится! Я к колодцу!

Она выбежала из конюшни. Уинстен и Кнебба бежали следом.

– Пожар в конюшне! – крикнула Рагна. – Берите ведра и горшки!

У колодца она велела Кнеббе крутить ворот – телохранитель епископа выглядел достаточно крепким, чтобы делать это без усталости. Конечно, Кнебба ее не понял, но Уинстен быстро спохватился и перевел ему распоряжение дочери графа. Люди похватили ведра возле колодца, и Кнебба налег на ворот.

Конюхи настолько увлеклись собачьей схваткой, что ни один из них до сих пор не осознал опасности. Рагна окликнула их, но ее не услышали. Тогда она устремилась напрямик в толпу зрителей, расталкивая людей, и прорвалась к драчливым псам. Схватила за задние лапы гончую и вздернула ту над землей. Драка тут же прекратилась.

– В конюшне пожар! – снова крикнула Рагна. – Вставайте в цепочку от колодца, передавайте ведра с водой.

Все засуетились и забегали, но быстро опомнились и выстроились в живую цепь.

Рагна поспешила обратно на конюшню. Свежая солома яростно пылала, огонь постепенно распространялся. Лошади ржали от страха, пытались разорвать путы, которые их удерживали. Рагна подбежала к Астрид, погладила лошадку, отвязала ее и вывела наружу.

Неподалеку от конюшни стоял Гийом, наблюдавший за происходящим.

– Не стой столбом! – бросила Рагна. – Сделай что-нибудь полезное!

Виконт явно удивился.

– А что я могу сделать? – произнес он с растерянным видом.

Вот же бестолочь!

– Болван! – не сдержалась Рагна. – Не можешь придумать ничего другого, просто помочишься на огонь!

Оскорбленный Гийом удалился.

Рагна передала привязь Астрид маленькой девочке из слуг и вновь кинулась на конюшню. Отвязала всех лошадей, выпустила наружу, моля небеса, чтобы они, обезумев от страха, никого не затоптали. На мгновение они отвлекли людей, тушивших пожар, но потом все удвоили усилия, и очень скоро пламя удалось потушить.

Соломенная крыша не загорелась, конюшня была спасена, лошади – а стояли они дорого – избежали гибели.

Рагна вышла к колодцу.

– Все молодцы! – крикнула она. – Мы успели вовремя. Урон небольшой, ни люди, ни животные не пострадали.

Один из конюхов заорал:

– Слава даме Рагне!

К нему дружно присоединились все остальные.

Рагна перехватила взгляд Уинстена. Епископ смотрел на нее с неподдельным уважением.

Она огляделась в поисках Гийома. Того нигде не было видно.

* * *

Кто-то, должно быть, слышал, что она высказала Гийому, потому что к ужину все в замке, похоже, узнали об этом. Кэт передавала Рагне все, что люди говорили по этому поводу; проходя по замку, она стала замечать, что простолюдины улыбаются, перешептываются и даже громко хохочут, будто вспомнив какую-то шутку. Дважды она слышала, как люди повторяли: «Не можешь придумать ничего другого, просто помочишься на огонь!»

На следующее утро Гийом уехал в Реймс. Его оскорбили, а потом еще и высмеяли. Его самолюбие пострадало, но уехал он спокойно, без пышных проводов. Рагна, конечно, не хотела его унижать, но искренне порадовалась отъезду виконта.

Соппротивление родителей Рагны заметно ослабело. Уинстену сообщили, что предложение его брата сочтено приемлемым, в том числе и двадцать фунтов серебром; свадьбу назначили на День всех святых, первого ноября. Уинстен отплыл в Англию с добрыми вестями. На подготовку к свадьбе у Рагны оставалось несколько недель, а потом она тоже поплывет за море.

– Ты добила своего, как обычно и бывает, – сказала Женестьева. – Гийом от тебя отрекся, я устала подбирать тебе пару из норманнских семей, а англы, по крайней мере, избавят меня от этой головной боли.

Граф Хьюберт выразился более утонченно.

– В конце концов любовь победила. Прямо как в тех старых сказках, которые ты так любишь.

– Совершенно верно, муж мой, – откликнулась Женевьева. – Вот только сказки обычно заканчиваются трагедией.

8

Начало сентября 997 г.

Эдгар был полон решимости построить лодку, которая понравится Дренгу.

Этого человека мало кто уважал и мало кто ценил. Да и кому придется по нраву злобный скупец? Поселившись в таверне, Эдгар быстро перезнакомился с его семьей. Старшая жена Лив большую часть времени выказывала Дренгу холодное безразличие, а младшая, Этель, явно боялась мужа. Она покупала еду и готовила, ударяясь в слезы всякий раз, когда Дренг начинал сетовать на неумеренные расходы. Эдгар спрашивал себя, выходили эти женщины за Дренга по любви или нет, и пришел к выводу, что все обстояло иначе: обе они были из бедных крестьянских семей и пошли замуж, скорее всего, привлеченные денежными посулами.

Рабыня Блод открыто ненавидела Дренга. Когда ее не подкладывали под захожих путников, жаждавших женской ласки, Дренг заставлял Блод прибираться по дому и по хозяйству, кормить свиней и кур и менять тростник на полу. Говорил он с нею неизменно грубо, а она, в свою очередь, всегда была угрюмой и смотрела зверем. Пожалуй, она приносила бы ему больше денег, не выгляди такой смурной, однако он этого как будто не осознавал.

Женщины приняли Бриндла, пса, который пришел вместе с Эдгаром. Тот завоевал их расположение тем, что прогнал лис из курятника. Дренг же ни разу не погладил Бриндла, а пес его словно не замечал.

При этом Дренг любил свою дочь Квенбург, а та отвечала ему взаимностью. Он улыбался, глядя на нее, тогда как остальных приветствовал кривой усмешкой, если вообще до них снисходил. Ради Квенбург он был готов бросить любое дело, которым занимался, и они вдвоем сидели и тихо разговаривали, порой часами.

Это вроде бы доказывало, что с Дренгом можно наладить разумные человеческие отношения, и Эдгар твердо решил попробовать. Ему не требовалось доброты и покровительства, он был согласен на повседневное общение без лишней злобы.

На берегу реки он устроил мастерскую под открытым небом, тем более что по счастливой случайности жаркий солнечный август сменился теплым сентябрем. Эдгар радовался, снова взявшись за привычный труд, точил лезвие топора, вдыхал запах распиленной древесины, воображал очертания и обводы и прикидывал, как воплотить их в дереве.

Наконец он изготовил все деревянные части, разложил их на песке и понял, что лодка постепенно приобретает узнаваемый вид.

Дренг недовольно проворчал:

– Доски же должны ложиться внахлест, нет?

Эдгар ожидал подобного вопроса, и ответ у него имелся, но следовало проявлять осторожность. Ему надо убедить Дренга, но не выглядеть при этом всезнайкой, что было не так-то просто.

– Такой корпус называется клинкерным. Но эта лодка будет плоскодонной, мы обошьем ее досками снаружи, стык в стык. Между прочим, корабельщики говорят «вгладь», а не «встык».

– Да плевал я на то, как они говорят! Почему плоскодонная-то?

– В основном для того, чтобы люди и скот могли стоять, а корзины и мешки можно будет надежно складывать в кучи. Еще такая лодка не станет сильно раскачиваться, люди будут меньше бояться.

– А чего тогда все лодки так не строят?

– Потому что большинство лодок предназначено для преодоления волн и течения на большой скорости. А на твоей переправе какие волны, сам посуди? Течение тут ровное и несильное, а расстояние в пятьдесят ярдов можно переплыть без спешки.

Дренг хмыкнул, затем указал на доски по бортам.

- Я думал, что поручни будут выше.
- Зачем? На реке нет волн, нам не нужны высокие борта.
- У лодок обычно острый нос. А ты сделал свою тупой с обоих концов.
- Все по той же причине – нам не придется быстро рассекать воду. Зато по таким концам удобнее заходить и выходить. Я и сходни предусмотрел, чтобы крупный скот перевозить.
- А зачем такая ширина?
- Чтобы телега поместилась. – Желая поскорее добиться одобрения, Эдгар добавил: – Переправа в устье реки в Куме берет по фартингу за колесо с телеги, фартинг за тачку, полпенни за ручную тележку и целый пенни за телегу с волами.
- Глаза Дренга жадно сверкнули, но он еще не закончил придирааться:
- У нас здесь телег раз-два и обчелся.
- Все едут в Мьюдфорд, потому что твоя старая лодка их не переправит. погоди, скоро сам убедишься.
- Что-то я сомневаюсь, – проворчал Дренг. – Да и грести будет чертовски тяжело.
- Мы обойдемся без весел. – Эдгар указал на два длинных шеста: – Глубина реки не превышает шести футов, поэтому можно пользоваться шестами. Справится даже один сильный мужчина.
- На меня не рассчитывай, с моей-то спиной.
- Или две женщины вместе. Вот почему я сделал два шеста.
- Некоторые местные спустились к реке и теперь с любопытством разглядывали будущий паром. Среди них был и священник-ювелир Катберт, опытный и мастеровитый, но робкий и необщительный, совершенно запуганный настоятелем Дегбертом. Эдгар частенько заговаривал с Катбертом, но получал, как правило, односложные ответы, если только речь не заходила о ремесле.
- Ты все вытесал своим топором викинга? – спросил Катберт.
- Это все, что у меня есть, – ответил Эдгар. – Торец лезвия служит мне молотком. А само лезвие постоянно остро, чтобы оно не затупилось.
- Катберт недоверчиво хмыкнул.
- Как ты будешь крепить планки между собой?
- Приколочу к деревянному каркасу.
- Железными гвоздями?
- Эдгар покачал головой.
- Я воспользуюсь деревянными.
- Он имел в виду деревянные колышки с расщепленными концами. Колышек вставляли в отверстие, затем забивали в него клинья, чтобы он встал враспор. Затем торчавшие над поверхностью концы остругивали заподлицо, чтобы поверхность была гладкой.
- Глядишь, чего и сладится, – одобрил Катберт. – Только не забудь стыки от воды защитить.
- Да, придется сходить в Кум и купить бочку дегтя и мешок грубой шерсти.
- Дренг скривился при этих словах Эдгара.
- Опять деньги тратить? Шерсть-то зачем? Из шерсти лодок не спрядешь.
- Стыки между досками прокладывают шерстью, пропитанной дегтем, чтобы вода не проникала.
- На все-то у тебя есть ответы, ловкач, – хмуро процедил Дренг. – Шустрый ты парень. Это звучало почти как похвала.

* * *

Когда лодка была готова, Эдгар спустил ее на воду.

Такое событие всегда воспринималось как что-то особенное. Пока отец был жив, собиралась вся семья, и зачастую присоединялись многие горожане. Но теперь Эдгар сделал все один. Он не боялся того, что лодка затонет, – просто не хотел красоваться. Будучи новичком в поселении, он старался вписаться в местную жизнь, а не выделиться из нее.

Привязав лодку веревкой к дереву, чтобы не уплыла, он отвел паром подальше от берега и стал изучать, как судно держится на воде. Удовлетворенно отметил, что все как будто в порядке, вода через стыки не просачивается. Отвязал веревку и ступил на сходни. Лодка под его весом слегка просела, как и следовало ожидать.

Бриндл нетерпеливо мялся на берегу, но Эдгар решил не брать пса в первое плавание. Надо было проверить, как лодка справляется без людей и груза на борту.

– Оставайся тут, – велел он псу, и Бриндл послушно улегся, положив морду на передние лапы.

Два длинных шеста размещались в деревянных пазах, по три с каждого борта. Эдгар взял один шест, опустил его в воду, нащупал речное дно и оттолкнулся. Оказалось даже проще, чем он ожидал, и паром плавно двинулся в путь.

Юноша прошел на нос, затем стал работать шестом с борта, направляя судно немного вверх по течению, чтобы выяснить, насколько паром управляем. Что ж, тут не требуется чрезмерная сила – скажем, Блод или Квенбург вполне в состоянии трудиться на пароме самостоятельно, а Лив и Этель легко справятся вместе, если их, конечно, заранее обучить.

Пересекая реку, Эдгар бросил взгляд на пышную листву деревьев на дальнем берегу – и рассмотрел овцу. Потом другие овцы показались из леса в сопровождении двух собак, а там и пастух появился – молодой длинноволосый мужчина с растрепанной бородой.

Вот, кажется, и первые путники.

Внезапно Эдгар встревожился. Да, он строил судно для перевозки домашнего скота, но вот беда – он многое знал о лодках и почти ничего не знал о животных. Как поведут себя эти овцы? Может, они перепугаются, откажутся заходить на борт или затеют давку? Поди пойми...

Ладно, это возможность узнать.

Доплыв, он сошел на берег и привязал паром к дереву.

От пастуха воняло так, будто он не мылся годами. Мужчина долго и пристально смотрел на Эдгара, а затем сказал:

– Ты здесь новенький. – Он выглядел довольным своей проницательностью.

– Да. Я Эдгар.

– Ага. И у тебя новая лодка.

– Красивая, правда?

– Ну да, со старой не сравнить. – После каждой своей фразы пастух замолкал, словно восторгаясь собственным успехом. Наверное, ему обычно не с кем поговорить, вот он и отвык общаться.

– Это точно, – сказал Эдгар.

– Я Саэмар, все кличут Сэмом.

– Рад встрече, Сэм.

– Гоню эти весенние шкуры на рынок.

– Я уже догадался. – Эдгар успел узнать, что «весенними» называют однолетних баранов и овец. – За переправу возьму по фартингу с головы, будь то человек или животное.

– Ясно.

– Двадцать овец, две собаки и ты сам. Получается пять пенсов²⁵ и три фартинга.

---

²⁵ Помимо монет достоинством в 1 пенни, в англосаксонской Англии имели хождение монеты в 2 пенни, которые назывались пенсами (мн. ч. от «пенни»).

– Ясно. – Саэмар сунул руку в кожаный кошель на поясе. – Я дам тебе шесть серебряных пенни, с тебя фартинг сдачи.

Эдгар совершенно не готовился к денежным расчетам. Некуда складывать деньги, сдачи нет, как и ножниц, чтобы разрезать монеты пополам и на четыре части.

– Заплатишь Дренгу, – ответил он. – Вроде как сможем переправить все стадо за одну поездку.

– На старой лодке приходилось перевозить по две овцы за раз. Все утро, помню, провозились. И ведь непременно найдутся одна-две тупых – или в воду свалятся, или начнут туда-сюда снова со страху. Ты сам-то плавать умеешь?

– Да, умею.

– Ага. А я не научился.

– Как по мне, ни одна твоя овца не выпадет из этой лодки.

– Овцы – они такие: коли есть способ себе навредить, они его точно отыщут.

Сэм взял первую овцу и перетащил ее на паром. Собаки забежали следом и принялись взволнованно все обнюхивать. Пастух пронзительно свистнул. Собаки мгновенно прыгнули на берег, кинулись к овцам и стали теснить животных к берегу.

Эдгар затаил дыхание.

Божак стада помедлил, будто устранившись тонкой полоски воды между сушей и палубой. Он крутил кудлатой башкой из стороны в сторону, выискивая возможность побега, но пастушьи собаки наседали. Посадка затягивалась, и тут одна собака громко, но убедительно рыкнула.

Овца подпрыгнула. Очутилась на палубе и радостно зацокала копытами по дереву.

Остальные овцы последовали за ней. Эдгар удовлетворенно улыбнулся.

Собаки тоже перебрались на паром и встали по бокам отары, как часовые. Сэм взошел на борт последним. Эдгар отвязал веревку, шагнул на палубу и взял в руки шест.

На середине реки Сэм глубокомысленно произнес:

– Твоя лодка лучше старой. – В его устах всякая банальность звучала как жемчужина мудрости.

– Рад, что тебе понравилось. – Эдгар улыбнулся. – Ты у меня первый пассажир.

– Раньше перевозила девка, Квенбург вроде.

– Она вышла замуж.

– Ага, бывает.

Паром достиг северного берега, и Эдгар выпрыгнул на сушу. Пока он привязывал веревку, овцы начали покидать судно, причем двигались куда проворнее, чем при посадке.

– Траву увидели, – объяснил Сэм. Как бы в подтверждение его слов овцы встали на травянистом склоне.

Эдгар и Сэм пошли в таверну, оставив собак присматривать за овцами. Этель готовила полуденную еду под наблюдением Лив и Дренга. Мгновение спустя появилась Блод с охапкой дров.

Эдгар сказал Дренгу:

– Сэм хочет заплатить за переправу. С него пять пенсов и три фартинга, но у меня не было монет на сдачу.

– Давай сойдемся на шести пенсах, – предложил Дренг пастуху, – и можешь взять рабыню.

Сэм жадно уставился на Блод.

– Я бы не стала, – осадила мужчин Лив. Блод была почти на сносях, и мужчины отказывались ее брать вот уже три или четыре недели подряд.

Сэм отмахнулся.

– Ерунда это все, – сказал он.

– Не о тебе беспокоюсь, – язвительно заметила Лив, но Сэм явно не понял, о чем она толкует. – На таком сроке ребенок может пострадать.

– Да и пропади он пропадом, – проворчал Дренг. – Кому нужен ублюдок от рабыни? Резким движением руки он велел Блод лечь на пол.

Эдгар было задумался, как Сэм возляжет на округлившееся чрево рабыни, но Блод все ему объяснила: она встала на четвереньки и задрала подол грязного платья. Сэм споро пристроился на коленях позади нее и потянул вверх рубаху.

Эдгар вышел наружу.

Он спустился к воде и взялся старательно изучать веревку, которой был привязан паром, хотя сам прекрасно знал, что узел затянул надежно. Его терзали отвращение и стыд. Он никогда не понимал мужчин, плативших за посещение дома Мэгс в Куме. Как-то неправильно это было. Братец Эрман говорил: «Когда тебе хочется, сходил и получил», но Эдгар не испытывал таких позывов. Когда они уединялись с Сунни, то удовольствие получали оба, и это было чудесно, а все прочее не имело смысла.

А поступок Сэма и вовсе был чем-то из ряда вон выходящим.

Эдгар сидел на берегу реки и смотрел на спокойную серую воду, надеясь, что появятся новые путники, нуждающиеся в переправе, и отвлекут его от происходящего в таверне. Бриндл сидел рядом, терпеливо ожидая, что хозяин будет делать дальше, а затем задремал.

Вскоре пастух вышел из таверны и погнал свое стадо вверх по склону, между домами, в сторону дороги на запад. Эдгар не стал ему махать на прощание.

К реке спустилась Блод.

– Сожалею, – проговорил Эдгар. – Не думал, что до этого дойдет.

Блод молча зашла на мелководье и стала тереть себя между ног.

Эдгар отвернулся.

– Жестоко они с тобой...

Он подозревал, что Блод понимает англосаксонский. Конечно, она притворялась, что не понимает, а когда ругалась, то переходила на певучий валлийский; Дренг отдавал ей распоряжения взмахами рук и суровым рыком. Но порой Эдгару казалось, что она следит за разговорами в таверне, пусть украдкой.

Теперь она подтвердила его подозрения.

– Ерунда, – выговорила она. Говорила она четко и звонко, но с каким-то особым произношением.

– Какая уж тут ерунда. – Эдгар вздохнул.

Она закончила мыться и вышла на берег. Он встретился с ней взглядом. Как обычно, Блод смотрела искоса и враждебно.

– Чего жалеть? – требовательно спросила она. – Думать, бесплатно трахнуть?

Он снова отвернулся, устремил взгляд на далекие деревья за рекой и ничего не ответил. Надеялся, что Блод уйдет, но она стояла на месте и дожидалась ответа.

В конце концов он сказал:

– Эта собака раньше принадлежала женщине, которую я любил.

Бриндл приоткрыл один глаз. Занятно, подумалось Эдгару, что собаки понимают, когда ты о них говоришь.

– Женщина была немного старше меня и замужем, – продолжал он. Блод слушала вроде бы внимательно – во всяком случае, никуда не уходила. – Когда ее муж напивался, она прибежала ко мне в лес, и мы занимались любовью на траве.

– Занимайся любовью, – повторила Блод, словно пробуя эти слова на вкус.

– Мы решили сбежать от всех. – К собственному удивлению, он чуть не расплакался, когда сообразил, что впервые заговорил о Сунни после разговора с матушкой по дороге из Кума. – Мне обещали работу и дом в другом городе. – Он рассказывал Блод о том, чем не

делился даже с родичами. – Она была красивой, умной и доброй. – Эдгар ощутил ком в горле, но все равно решил закончить свою историю, раз уж начал. – Думаю, мы были бы очень счастливы.

– Что случится?

– В тот день, когда мы хотели сбежать, на город напали викинги.

– Они ее забрать?

Эдгар покачал головой:

– Нет, она сражалась и погибла.

– Ей повезти, – сказала Блод. – Поверить мне.

Вспомнив о том, что совсем недавно учинили над самой Блод, Эдгар был склонен согласиться.

– Ее звали... – Он запнулся. – Ее звали Сунни.

– Когда быть?

– За неделю до мидсоммера.

– Моя жаль, Эдгар.

– Спасибо.

– Ты все еще ее любить.

– О да! – воскликнул Эдгар. – И всегда буду любить.

* * *

Наступило ненастье. Как-то ночью во вторую неделю сентября задул настолько сильный ветер, что поднялась настоящая буря; Эдгар даже испугался, что колокольная церковь рухнет. Однако, как ни удивительно, все постройки в деревне уцелели – кроме одной: ветер разрушил самую хлипкую из них – пивоварню Лив.

Досталось не только самому строению. Лив вечером поставила вариться котел с элем, так этот огромный котел перевернулся, и эль весь вытек, хорошо хоть, он залил пламя в очаге, не то быть бы пожару. Хуже того, бочки с новым элем раскололись под упавшими бревнами, а мешки ячменя с солодом безнадежно промокли от проливного дождя.

На следующее утро, когда после бури установилось затишье, Дренг и его домочадцы принялись осматривать повреждения. Некоторые жители деревни – зевак всегда хватало – тоже собрались возле развалин.

Дренг был в ярости и осыпал Лив проклятиями:

– Этот сарай и без того едва стоял! Давно бы перетаскала эль и ячмень в местечко понадежнее!

Впрочем, Лив ничуть не испугалась гнева Дренга.

– Сам бы и перетаскивал. Или вон Эдгара попросил бы. Нечего на меня все валить.

Он не желал уговориться:

– Теперь придется покупать эль в Ширинге, да еще платить, чтобы его сюда доставили.

– Оно и к лучшему, местные оценят мой эль по достоинству, если пару недель им придется довольствоваться пойлом из Ширинга, – самодовольно усмехнулась Лив.

Ее беззаботность привела Дренга в исступление.

– Ведь не в первый раз ты меня разоряешь! Уже дважды пивоварню поджигала! В прошлый раз наакалась в хлам и заснула мертвецким сном, сама чуть не сгорела!

Эдгара словно озарило:

– Надо строить каменную пивоварню.

– Чушь! – фыркнул Дренг, не соизволив повернуться к юноше. – Ты что, вздумал варить эль во дворце?

Катберт, мастер-ювелир, был среди зевак, сбежавшихся на пожарище, и Эдгар заметил, как он качает головой, не соглашаясь с Дренгом.

– Что скажешь, Катберт? – спросил юноша.

– Эдгар прав, – ответил Катберт. – В какой уже раз ты вынужден ставить пивоварню заново, Дренг? В третий за пять лет? Каменному зданию никакая буря не страшна, и камень не горит. Так что ты сэкономишь свои деньги.

Дренг криво усмехнулся:

– Строить-то кто будет? Ты, Катберт?

– Нет, я ювелир.

– Ну, в брошке эль не сварешь.

Эдгар не утерпел:

– Я могу построить.

Дренг фыркнул:

– Да ну? Ты знаешь, как строить из камня?

Эдгар и в самом деле ничего об этом не знал, однако чувствовал, что справится едва ли не с любым строительством, если ему позволят. Он жаждал возможности показать, на что способен.

– Камень ничем не отличается от дерева, просто немного тверже, – заявил он с уверенностью в голосе, хотя поджилки, конечно, тряслись.

Дренг было вознамерился высмеять наглеца, но вдруг задумался. Его взгляд скользнул по берегу реки, остановился на ладном пароме, уже начавшем приносить прибыль.

Он повернулся к Катберту:

– Во сколько это мне обойдется?

Эдгар мысленно потер руки. Отец любил повторять: «Когда человек спрашивает цену, он считай что купил лодку».

Катберт задумался на мгновение, затем ответил:

– В прошлый раз, когда чинили церковь, камень везли с известняковых копей в Оутенхэме.

– Это где? – уточнил Эдгар.

– День пути вверх по реке.

– А песок где брать?

– Приблизительно в миле отсюда, в лесу, есть яма с песком. Набираешь сколько надо и увозишь.

– А известь для раствора?

– С нею непросто, мы покупали в Ширинге.

– Во сколько это мне обойдется? – повторил Дренг.

Катберт почесал в затылке:

– Если правильно помню, каменоломня берет по пенни за каждый необработанный камень. И еще пенни сверху за доставку.

– Я все посчитаю, – пообещал Эдгар, – и скажу в точности, но навскидку потребуется около двух сотен камней.

Дренг скорчил гримасу:

– Да ведь это почти два фунта серебром!

– Все равно выйдет дешевле, чем каждый год строить из дерева и соломы.

Эдгар затаил дыхание.

– Ладно, вали считать, – одобрил Дренг.

* * *

Эдгар отправился в Оутенхэм ранним прохладным утром. С реки задувал студеный сентябрьский ветерок. Дренг согласился заплатить за постройку каменной пивоварни. Теперь требовалось доказать, что Эдгар не бахвалился впустую, и выполнить свое обещание.

Юноша вооружился в дорогу топором викинга. Он предпочел бы пойти в компании одного из своих братьев, но те оба трудились на земле, так что пришлось рискнуть и уйти в одиночку. Правда, тот разбойник, Железная Башка, вряд ли отважится снова на него напасть – разок-то отпор получил и урок, можно надеяться, усвоил. Однако Эдгар держал топор под рукой, просто на всякий случай, да и Бриндл, наверное, заранее предупредит об опасности, если что.

Деревья и кусты вдоль берега изрядно разрослись после летней жары, поэтому идти быстро было затруднительно. К полудню Эдгар добрался до того места, где следовало повернуть от реки, чтобы обойти болото. К счастью, облаков на небе почти не было, поэтому он мог ориентироваться по солнцу, так что заплутать юноша не боялся.

Каждые несколько миль ему попадались деревни, большие и малые: одинаковые дома из дерева и соломы лепились к берегу реки или поодаль от воды кучковались возле перекрестка дорог, озерца или церкви. Подходя к очередной деревне, Эдгар вешал топор за пояс, чтобы никого не пугать, но снова брал оружие в руки, едва селение оказывалось за спиной. Очень хотелось остановиться и передохнуть, выпить кружку эля и что-нибудь съесть, но у него не было при себе денег, поэтому Эдгар перекидывался парой слов с деревенскими, уточнял дорогу и шел дальше.

Он наивно считал, что двигаться вдоль реки будет просто. Но в реку впадали многочисленные ручьи, далеко не всегда удавалось с ходу определить, где главное русло, а где приток. Так, свернув не туда, он только в следующем по пути поселении – деревушке под названием Батфорд – понял, что сделал неправильный выбор и придется возвращаться назад.

Переставляя ноги, он обдумывал дом, который построит для Лив. Возможно, в нем будут два помещения – как в церкви, где есть неф и алтарь: одно для варки, второе для хранения припасов вдали от огня. Очаг надо складывать из обтесанных камней и скреплять их раствором, чтобы они выдерживали вес котла и разрушались не так быстро.

Эдгар рассчитывал добраться до Оутенхэма ранним вечером, но подзадержался в пути, и солнце уже изрядно клонилось к закату, когда стало понятно, что он приближается к цели своего путешествия.

Дорога привела в плодородную долину, под ногами чавкала глина, и Эдгар предположил, что наконец-то очутился в долине Оутен. На полях вокруг крестьяне жали ячмень – они трудились допоздна, спеша воспользоваться теплой и сухой погодой. Там, где в реку впадал приток, располагалась крупная деревня – на вид больше сотни домов.

Чтобы добраться до деревни, надо было как-то переправиться через водную преграду – без моста и без лодки. Эдгар пустился вплавь, одной рукой держа над головой рубаху и топор, а другой загребая. Вода была холодной, и к тому мгновению, когда он снова выбрался на сушу, его била дрожь.

На окраине деревни виднелся огороδικ, где седой старик собирал какие-то плоды. Эдгар подошел к нему с легкой опаской – а вдруг выяснится, что он все-таки сбился с пути и до места назначения еще идти и идти.

– Добрый день, дружище. Это Оутенхэм?

– Верно, – подтвердил старик дружелюбно. Эдгар прикинул, что ему, должно быть, около пятидесяти, но глаза ясные и проницательные.

– Хвала небесам! – выдохнул он.

- Откуда ты, юноша?
- Из Дренгс-Ферри.
- Говорят, у вас там одни безбожники.

Эдгар подивился тому, как широко разошлась молва о слабостях Дегберта. Ответить ему было нечего, поэтому он просто сказал:

- Меня зовут Эдгар.
- Я Серик.
- Я пришел купить камень.

– Ступай на восток, к окраине деревни, там увидишь утоптанную тропу. До каменоломни с полмили будет. Найдешь Габерта, все его Габом кличут. Он там старший.

- Спасибо большое.
- Ты голоден?
- С утра ничего не ел.

Серик дал ему пригоршню небольших груш. Эдгар поблагодарил старика и двинулся дальше. Груши он сгрыз целиком, вместе с семечками.

Деревня выглядела вполне зажиточной – крепкие дома, многочисленные хозяйственные постройки. Посреди поселения стояла каменная церковь, через луг от нее виднелась таверна, на лугу паслись коровы.

Здоровяк лет тридцати вывалился из таверны, заметил Эдгара и встал на пути у юноши, широко расставив ноги.

– Ты кто такой, дьявол тебя побери? – процедил он, когда Эдгар подошел ближе. Он пошатывался, говорил невнятно, а его глаза словно налились кровью.

Эдгар остановился.

- Добрый день, приятель. Я Эдгар из Дренгс-Ферри.
  - И какого дьявола тебе тут надо?
  - В каменоломню иду, – ровным голосом ответил Эдгар, не желая затевать ссору.
- Здоровяка, похоже, так и подмывало поскандалить.
- А с чего ты взял, что тебя туда пропустят?

Терпение Эдгара начало истощаться.

- Разве на это требуется разрешение?

– Еще как требуется! Без моего ведома в Оутенхэме ничего не происходит, я Дудда, староста деревни. Зачем тебе в каменоломню?

- Рыбы купить.

Дудда слегка опешил, но быстро сообразил, что над ним потешаются, и его лицо побагровело. Эдгар в очередной раз проклял себя за несдержанность и пожалел о собственном остроумии.

– Нахальный щенок! – рявкнул Дудда и замахнулся громадным кулаком, целясь Эдгару в голову.

Эдгар проворно отступил.

Удар Дудды пришелся в пустоту, здоровяка повело вперед, он не устоял на ногах и повалился наземь.

Что прикажете делать, мысленно спросил себя Эдгар. Он не сомневался, что возьмет верх над Дуддой в драке, но какая ему с того будет польза? Если местные на него обозлятся, то могут отказаться продать ему камень, и тогда строительство пивоварни завершится провалом, не успев и начаться.

Он с облегчением услышал спокойный голос Серика у себя за спиной.

- Эй, Дудда, давай-ка я помогу тебе дойти до дома. Полежишь, отдохнешь...

Серик ловко подхватил Дудду под руку и поставил на ноги.

- Этот малец меня ударил! – пожаловался Дудда.

– Не было такого, ты сам упал, потому что снова перебрал эля за ужином. – Серик кивнул Эдгару, давая понять, что юноше пора уходить, и повел Дудду прочь. Эдгар не стал медлить.

Каменоломня нашлась легко. Там трудились четверо – пожилой мужчина, который явно был главным – следовательно, это тот самый Габ, – еще двое, по возрасту годившиеся ему в сыновья, и молоденький мальчишка, либо поздний отпрыск семейства, либо раб. Воздух звенел от грохота молотков, время от времени в грохот вклинивался сухой кашель Габа. Поодаль находился деревянный дом, наверное хозяйский, и женщина в дверном проеме смотрела на закат. Каменная пыль висела густой дымкой, осколки сверкали позолотой в последних лучах солнца.

Эдгар оказался не единственным покупателем. Неподалеку стояла крепкая четырехколесная телега, и двое мужчин осторожно складывали в нее обтесанные камни. Рядом, отмахиваясь хвостами от мух, паслись два вола – по-видимому, им предстояло тянуть телегу.

Мальчишка сметал каменную крошку – ее тоже продавали, как галечник. Заметив Эдгара, он заговорил, коверкая слова, и Эдгар уверился в том, что видит перед собой раба.

– Твоя прийти купить камень?

– Да. Мне нужно много. Я подожду.

Эдгар присел на плоский камень, понаблюдая за Габом и остальными и быстро понял, как тут все делается. Мастер вставлял дубовый клин в трещину в каменной плите, забивал его, расширяя трещину, и колотил до тех пор, покуда часть плиты не отваливалась. Если естественных трещин в нужном месте не было, мастер брался за железное долото. Эдгар прикинул, что каменотесы наверняка научились опытным путем определять слабые места в породе, и этот навык значительно облегчает их труд.

Габ раскалывал крупные камни на два, а то и три поменьше, чтобы их проще было перевозить.

Эдгар покосился на других покупателей. Те сложили в телегу десяток камней и на том остановились. Пожалуй, именно столько способны вытянуть вола.

Мужчины принялись запрягать животных. Значит, дело сделано.

Габ одолел очередную каменную плиту, откашлялся, посмотрел на небо и, похоже, решил, что с работой пора заканчивать. Он подошел к телеге, запряженной волами, и довольно долго о чем-то беседовал с двумя покупателями. Наконец один из мужчин вручил ему плату, хлестнул волов плетью, и телега покатила прочь.

Эдгар направился к Габу. Тот взял ровную палку, лежавшую поверх кучи камней, и нанес на нее рядок зазубрин. Так вели свои записи ремесленники и торговцы: пергамент им был не по карману, да и писать на пергаменте они попросту не умели. Наверное, Габу приходится платить местному лорду – может, цену одного камня из пяти, – потому-то он и подсчитывает, сколько продал.

– Я Эдгар из Дренгс-Ферри, – сказал юноша. – Десять лет назад мы покупали тут камни на починку церкви.

– Было такое, припоминаю. – Габ сунул палку с насечками в карман. Эдгар заметил, что мастер сделал всего пять зарубок, хотя продал десять камней; возможно, другие зарубки появятся позже. – Но тебя я не помню, хотя, конечно, десять лет назад ты был совсем еще несмышленишкой.

Эдгар окинул Габа испытующим взглядом. Руки мастера пестрели застарелыми шрамами – от инструментов и каменных осколков. Судя по всему, Габ прикидывал, как ему половчее одурочить несведущего юнца.

– Тогда платили два пенса за каждый доставленный камень, – твердо сказал Эдгар.

– Правда, что ли? – Габ притворялся, что забыл.

– Если цена осталась та же, нам нужно еще две сотни камней.

– Боюсь, мы не сможем сохранить цену. Давно это было.

– Тогда мне придется спросить у заказчика. – Разумеется, Эдгар не собирался этого делать. Он был полон решимости вернуться с камнями. Но нельзя было позволить Габу задира́ть цену. Эдгар не доверял мастеру. Не исключено, что тот просто торговался, но юноша чувствовал, что его норовят обмануть.

Габ снова кашлянул.

– В прошлый раз покупателем был настоящий Дегберт Лысый. Он не любит расставаться с деньгами.

– Мой заказчик Дренг такой же. Они с Дегбертом братья.

– Для чего тебе камень?

– Буду строить пивоварню для Дренга. Его жена варит эль, а деревянные постройки то горят, то рушатся.

– Строить, говоришь? Ты?

Эдгар выставил подбородок:

– Ну да.

– Больно ты молод. Сдается мне, Дренг искал строителя подешевле.

– Камень он тоже хочет дешево.

– Деньги при тебе?

«Может, я и молод, – хмыкнул про себя Эдгар, – но дураком никогда не был».

– Дренг заплатит, когда камни доставят.

– Ладно, твоя взяла.

Скорее всего, мастер и его подручные перенесут камни вручную или отвезут на телеге до реки, а затем погрузят на плот и поплывут вниз по течению к переправе Дренга. Им потребуется несколько поездок, каким бы большим ни был плот.

– Где заночуешь? – спросил Габ. – В таверне?

– Я же сказал, у меня нет денег.

– Тогда придется спать здесь, у нас.

Эдгар искренне поблагодарил мастера.

* * *

Жену Габа звали Бидухильд, но мастер называл ее Би. Она вела себя радушнее мужа и пригласила Эдгара разделить с ними ужин. Едва миска опустела, юноша осознал, что смертельно устал после долгой дороги. Он улегся на пол и тут же заснул.

Утром он сказал Габу:

– Мне понадобятся молоток и долото вроде твоих, чтобы обтесывать камни на месте, если придется.

– Ну да, – подтвердил Габ.

– Могу я взглянуть на твои инструменты?

Габ пожал плечами.

Эдгар взвесил на ладони деревянную колотушку. Большая, тяжелая, но в остальном простая и грубая, изготовить такую же не составит труда. Молоток поменьше, с железной насадкой, делали более тщательно, рукоять была плотно расклинена в головке. Наилучшим по качеству оказалось железное долото с широким тупым лезвием и расщепленным торцом, напоминавшим цветок ромашки. Эдгар решил, что выкует себе долото в мастерской Катберта. Конечно, тому вряд ли понравится пускать постороннего, но Дренг потолкует с Дегбертом, и Катберту останется только ворчать.

Рядом с инструментами на деревянных крючках висело несколько палок с насечками.

– Похоже, ты ведешь учет отдельно по каждому покупателю.

– А тебе какое дело? – недовольно пробурчал Габ.

– Прости за любопытство. – Эдгару все не давала покоя вчерашняя палка с пятью зарубками вместо десяти. Может, Габ записывал только половину проданных камней? Если так, значит, с него брали меньше податей.

Впрочем, Эдгара не заботило, обманывает ли Габ своего господина. Долина Оутен входила в состав владений элдормена Ширинга, Уилвульф достаточно богат, так что от такой малости не обеднеет.

Эдгар плотно позавтракал, поблагодарил Би и отправился в обратный путь.

Он предполагал, что легко доберется домой из Оутенхэма, раз уж благополучно пришел сюда, но, к собственному изумлению, опять ухитрился заблудиться. Так что уже почти стемнело, когда он прибыл к переправе, с пересохшим горлом, голодный и усталый.

В таверне собирались ложиться спать. Этель улыбнулась юноше, Лив пробормотала что-то неразборчивое, а Дренг и вовсе не обратил на него внимания. Блод возилась с хворостом. Она остановилась передохнуть, выпрямилась, положила левую руку на заднюю часть бедра и потянулась, как бы стараясь унять боль. Когда она обернулась, Эдгар увидел синяк у нее под глазом.

– Что с тобой стряслось? – спросил он.

Она не ответила, притворяясь, будто не понимает. Но Эдгар догадывался, откуда взялся синяк: Дренг все больше и больше злился на рабыню в последние несколько недель, злился тем сильнее, чем ближе становился срок родов. Разумеется, в том, что мужчина колотил домоладцев, не было ничего необычного. Эдгар своими глазами видел, как Дренг пнул Лив в зад и ударил Этель по лицу, но все же по отношению к Блод он распускал руки особенно часто.

– Поужинать ничего не осталось? – справился Эдгар.

– Нет, – проворчал Дренг.

– Я весь день на ногах.

– Нечего было опаздывать.

– Я же выполнял твое поручение!

– Тебе за это платят. Еды нет, так что заткнись.

Эдгар лег спать голодным.

Утром первой встала Блод. Она ходила к реке за пресной водой, как было заведено в доме. Деревянное ведро с железными заклепками весило немало даже пустым. Когда рабыня вернулась, Эдгар уже надевал башмаки. Он заметил, что рабыню шатает, и попытался забрать у нее ведро, но не успел: Блод споткнулась о Дренга, который не спешил подниматься, и вода выплеснулась ему на лицо.

– Тупая сука! – взревел Дренг, вскакивая.

Блод съежилась. Дренг занес было кулак, но Эдгар встал между ним и рабыней.

– Отдай мне ведро, Блод.

Глаза Дренга яростно сверкнули. На мгновение Эдгару показалось, что Дренг передумал и накинется на него, а не на Блод. Жалуясь всем и каждому на свою покалеченную спину, высокий и широкоплечий Дренг все же был силен. Эдгар твердо решил, что ударит в отместку, если на него набросятся. Без сомнения, его побьют, зато можно будет утешать себя мыслью, что наконец-то врезал Дренгу.

Подобно большинству громил, Дренг на самом деле был трусом и отступал, когда ему оказывали сопротивление. Гнев в его взгляде сменился страхом, и он опустил руку.

Блод поспешила скрыться.

Эдгар передал ведро Этель. Та вылила остаток воды в горшок, повесила горшок над огнем, насыпала туда овса и принялась мешать варево тонкой палочкой.

Дренг злобно уставился на Эдгара. Юноша догадывался, что ему никогда не простят этого вмешательства, однако, сколько ни искал, он не находил в своем сердце сожаления по поводу

того, что отважился встать между Дренгом и его рабыней, пусть даже это обернется лишними неприятностями.

Когда каша была готова, Этель разложила ее по пяти мискам. Порезала ветчину, добавила ее в одну из мисок и передала Дренгу, затем раздала миски остальным.

Ели молча.

Эдгар проглотил еду за считанные мгновения. Покосился на горшок, перевел взгляд на Этель. Та ничего не сказала, лишь покачала головой – мол, добавки не жди.

Поскольку настало воскресенье, после завтрака все пошли в церковь.

Матушка тоже пришла на службу вместе с Эрманом, Эдбальдом и их общей женой Квенбург. К этому времени уже все два десятка жителей деревни знали об их многоженном браке, но никто никого не осуждал. Из случайно подслушанных разговоров Эдгар вынес, что подобное считается необычным, но отнюдь не возмутительным. При нем Толстуха Беббе сказала, словно вторя Лив: «Если мужчине разрешено содержать двух жен, значит, и у женщины может быть два мужа».

Увидев Квенбург, стоявшую между Эрманом и Эдбальдом, Эдгар поразился тому, насколько по-разному одеты супруги. Домотканые рубахи до колен на братьях, из грубой некрашеной шерсти, выглядели изношенными и пестрели заплатами, как и его собственная; но на Квенбург было платье из плотной ткани, отбеленной, а затем окрашенной в розовато-красный цвет. Отец Квенбург был скуп со всеми, но неизменно щедрым с дочерью.

Эдгар встал рядом с матушкой. Прежде она не отличалась чрезмерной набожностью, но теперь, похоже, начала относиться к службе более ревностно, покорно склоняла голову и закрывала глаза, когда Дегберт и другие священнослужители совершали положенный обряд; почтение, которое она выказывала вере, нисколько не страдало от спешки и небрежности священников.

– Ты стала крепче верить, – сказал он, когда служба подошла к концу.

Матушка задумчиво посмотрела на него, словно спрашивая себя, стоит ли доверять сыну. Потом ответила, явно решив, что он сможет ее понять:

– Я думаю о твоём отце. Верю, что он сейчас с ангелами на небесах.

Эдгар недоуменно пожал плечами:

– Чтобы вспоминать о нем, не обязательно ходить в церковь.

– Здесь правильное место для воспоминаний. Здесь я чувствую себя ближе к нему. На неделе, когда меня одолевает тоска, я с нетерпением жду воскресенья.

Эдгар кивнул. Теперь стало понятно.

– А ты как? – спросила матушка. – Вспоминаешь отца?

– Когда я работаю и что-то не ладится – ну, стык не выходит или лезвие не желает наточиваться, – я всякий раз думаю: «Надо спросить у папы». Потом вспоминаю, что спросить уже не получится. Почти каждый день так случается.

– И что ты делаешь?

Эдгар помешкал с ответом. Ему не хотелось признаваться в том, что у него был потусторонний опыт. Да, людей, которых посещали видения, иногда почитали, но куда чаще их били камнями, как посланцев дьявола. Ну да ладно, это же мама.

– Я все равно его спрашиваю. Мысленно говорю: «Папа, как мне быть?» – Юноша замялся: – Не думай, привидений или чего-то в этом роде я не вижу.

Матушка кивнула, явно ничуть не удивившись.

– И что бывает потом?

– Э... Обычно мне приходит ответ.

Она промолчала.

Эдгар поежился:

– Звучит глупо, да?

– Вовсе нет, – сказала она. – Именно так действуют духи.

После чего отвернулась и заговорила с Беббе о яйцах.

Эдгар захлопал глазами. Духи, значит, привидения и все такое. Об этом стоило поразмыслить.

Но ему помешали – подошел старший брат Эрман:

– Мы хотим сделать плуг.

– Сегодня?

– Ага.

Эти слова вырвали Эдгара из плена мистики и вернули в повседневную жизнь. Наверное, подумалось ему, родичи нарочно выбрали воскресенье, чтобы младший сын семейства мог к ним присоединиться. Никто из них, конечно, никогда не делал плуг, но они знали, что Эдгар способен изготовить что угодно.

– Хотите, чтобы я помог?

– Как пожелаешь. – Эрман не спешил признавать, что нуждается в помощи.

– Дерево уже приготовили?

– А то!

Тут, в деревне, поневоле складывалось ощущение, что любой человек может рубить лес – столько, сколько ему заблагорассудится. В Куме тан Уигельм заставлял отца платить за древесину. Правда, в городе за дровосеками уследить куда проще, ведь им приходилось тащить бревна у всех на виду. А тут никто не знал, перед кем отчитываться за лес – то ли перед настоятелем Дегбертом, то ли перед Оффой, старостой Мьюдфорда; оба они не требовали никакой платы, прекрасно понимая, по-видимому, сколько понадобится усилий и расходов, чтобы вести строгий учет, – овчинка не стоила выделки. Словом, в лес ходили все подряд и валили приглянувшиеся стволы без всяких помех.

Люди потянулись к выходу из церкви.

– Идем, раз решил, – поторопил Эрман.

К семейному дому пошли все вместе – матушка, трое братьев и Квенбург. Эдгар подивился тому, что отношения между Эрманом и Эдбальдом как будто вовсе не изменились: братья вполне ладили, хотя и не прекращали препираться по мелочам. Похоже, необычный брак их не рассорил.

Квенбург торжествующе посмотрела на Эдгара. «Ты отказал мне, – читалось в ее глазах, – но погляди: мне достались сразу двое вместо тебя одного!» Эдгар нисколько не возражал. Она счастлива, братья довольны – вот и хорошо.

Самому Эдгару, если на то пошло, тоже не на что было жаловаться. Он построил паром, собирался возводить каменную пивоварню. Платили ему, конечно, сущие крохи, зато он избавился от крестьянского труда.

Ну, почти избавился.

Эдгар оглядел древесину, сложенную братьями возле сарая, и попробовал вообразить плуг. Даже горожане знали, как должен выглядеть этот инструмент. Одна поперечина прямо вверх, для рыхления почвы, другая наклонно, для подрезания борозды и переворачивания комьев. Обе должны крепиться к раме, которую можно тянуть спереди и подталкивать сзади.

– Мы с Эдбальдом будем волочить плуг, – пояснил Эрман, – а матушка станет направлять.

Эдгар кивнул. Суглинок в здешних местах достаточно мягкий, хватит и человеческой силы. Это для глинистой почвы, как в Оутенхэме, нужны волю.

Юноша достал из-за пояса нож, опустился на колени и начал чертить линии на бревнах, чтобы Эрману и Эдбальду было проще строгать. Он, разумеется, был младшим в семье, но старшие братья ничуть не возражали. Они знали, что Эдгар намного превосходит их в ремесле, хотя никогда не говорили этого вслух.

Пока братья возились с бревнами, Эдгар взялся за лемех – лезвие на наклонной перекладине, предназначенное для подрезания почвы. Ему принесли из сарая ржавую железную лопату. Эдгар нагрел ее в очаге, а затем обточил камнем. Получилось, конечно, довольно грубо. Пожалуй, он бы справился лучше, будь у него железный молот и наковальня.

Он заточил лемех тем же камнем.

Захотелось пить, все спустились к реке и принялись черпать воду сложенными ладонями – в доме не было ни эля, ни кружек.

К тому времени, когда матушка позвала их обедать, оставалось лишь соединить части плуга деревянными колышками.

На обед был копченый угорь с диким луком и лепешками. Рот Эдгара наполнился слюной так сильно, что юноша вдруг ощутил резкую боль в челюсти.

Квенбург что-то прошептала на ухо Эрману. Матушка нахмурилась – шептаться в присутствии других считалось дурным тоном, – но промолчала.

Когда Эдгар потянулся за третьим куском хлеба, Эрман не выдержал:

– Ты бы поменьше налегал, братец.

– Я голоден!

– У нас не так уж много еды.

Эдгар возмутился:

– Я потратил день отдыха, чтобы помочь тебе сделать плуг, а ты жалеешь для меня куска хлеба?!

Ссора вспыхнула мгновенно, как всегда случалось.

– Ты нас объешь, а мы без крова останемся по твоей милости! – бросил Эрман.

– Вчера я не ужинал, а с утра мне дали крохотную миску каши. Естественно, я не наелся.

– Мне-то что с того?

– Тогда не проси меня больше о помощи, неблагодарная тварь!

– Плуг почти готов. Вали обратно в таверну, не то к обеду опоздаешь.

– Там одни крохи опять будут.

Эдбальд всегда был спокойнее Эрмана.

– Понимаешь, Эдгар, – проговорил он, – Квенбург в тягости, ей нужно больше еды.

Эдгар заметил промелькнувшую на лице Квенбург ухмылку, и это рассердило его пуще прежнего.

– Так ешь меньше сам, Эдбальд, и не попрекай меня. Это ведь не от меня она понесла. – Он помолчал и тихо прибавил: – Слава Всевышнему.

Эрман, Эдбальд и Квенбург завопили одновременно. Матушка хлопнула в ладоши, и все притихли.

– Поясни-ка, Эдгар, что значит, что в таверне мало еды? Уж Дренг может себе позволить питаться обильно.

– Дренг человек богатый, но подлый.

– Тебя накормили завтраком.

– Ага, малюсенькая миска каши. Ему с ветчиной, а всем остальным – шиш.

– А вчера вечером ты ужинал?

– Нет. Я вернулся из Оутенхэма поздно вечером. Дренг сказал, что еды не осталось.

Матушка нахмурилась.

– Ешь сколько захочешь, сынок. А вы трое впредь запомните крепко-накрепко, что своих я всегда накормлю в своем доме.

Эдгар доел третий кусок хлеба.

Эрман угрюмо молчал, но Эдбальд осмелился спросить:

– Как часто нам придется кормить Эдгара, если Дренг его голодом морит?

– Нечасто, – заверила матушка. – С Дренгом я разберусь.

* * *

Остаток дня Эдгар гадал, как матушка выполнит свою угрозу разобраться с Дренгом. Да, она женщина находчивая и отважная, но Дренг – человек могущественный. Эдгар не боялся драки с ним – Дренг колотил женщин, а не мужчин, – но этот стервец помыкал всеми в своем доме, был мужем Лив и Этель, хозяином Блод и нанимателем Эдгара. По влиянию в маленькой деревушке он уступал только своему брату-настоятелю, то есть, по сути, мог творить почти все, что взбредет ему на ум. Ссориться с таким человеком было бы неразумно.

Понедельник начался как любой другой будний день. Блод пошла за водой, а Этель приготовила кашу. Эдгар было приступил к завтраку – смех один, а не завтрак, – и тут в таверну ворвалась Квенбург, вся красная от ярости. Обвиняюще ткнула пальцем в Эдгара и крикнула:

– Твоя мать – старая ведьма!

Эдгар догадался, что случилось что-то для него приятное.

– Я и сам порой так думаю, – добродушно ответил он. – А перед тобой она чем провинилась?

– Она хочет уморить меня голодом! Сказала, что теперь поутру мне положена всего одна миска каши!

Эдгар поспешил спрятать ухмылку, чтобы не выдать себя.

Дренг произнес тоном человека, принадлежащего к сильным мира сего:

– Она не посмеет так обращаться с моей дочерью.

– Уже посмела! Только что!

– Как она это объяснила?

– Сказала, что не собирается кормить меня лучше, чем ты кормишь Эдгара.

Дренг растерялся, было очевидно, что он не ожидал ничего подобного. Его смятение было столь велико, что он молчал довольно продолжительное время.

Наконец он повернулся к юноше:

– Значит, поплакался мамочке на свои горести, а?

Эдгар не счел нужным притвориться, будто обиделся:

– К кому же еще мне было пойти, как не к ней?

– Все, с меня хватит. – Дренг насупился. – Проваливай к мамаше, пусть она тебя кормит.

Квенбург этого не стерпела:

– Отец, ты совсем спятил?! Это же лишний рот, а у нас и так еды в обрез.

– Он уходит, ты возвращаешься. – Дренг пытался делать вид, что полностью владеет обстановкой, но в его поведении сквозило отчаяние.

– Еще чего! – вскинулась Квенбург. – Я замужняя женщина, и мне это нравится. А моему ребенку нужен отец.

Дренг понял, что его загнали в угол, и побледнел.

– Просто корми Эдгара посытнее, вот и все, – сказала ему дочь. – Ты же можешь это себе позволить.

Дренг смерил Эдгара недоброжелательным взглядом:

– Ах ты, хитрая маленькая крыса!

– Это не я придумал, – возразил Эдгар. – Знаешь, порой я жалею, что не вырос таким же умным, как моя мама.

– Лучше пожалей, что твоя мать слишком умная. Я тебе все припомню!

– Я люблю вкусную кашу. – С этими словами Квенбург открыла сундук, в котором Этель хранила еду, и достала оттуда кувшин с маслом. Поясным ножом отрезала большой кусок и плюхнула в миску Эдгара.

Дренг беспомощно смотрел на это безобразие.

– Скажи своей матери, что я это сделала, – попросила Квенбург.

– Скажу, – пообещал Эдгар.

Он быстро съел кашу с маслом, и никто не стал его останавливать. Другое дело! Правда, посулы Дренга поквитаться с ним самим и с его матушкой продолжали звучать в голове юноши. «Твоя мать слишком умная. Я тебе все припомню».

Как бы эти угрозы не сбылись.

9

Середина сентября 997 г.

Рагна покидала Шербур, полная радостного предвкушения. Она сумела взять верх над родителями и отправлялась в Англию, чтобы выйти замуж за человека, которого любила.

Казалось, весь город высыпал на берег проводить дочь графа. Судно, носившее название «Ангел», подняло большой разноцветный парус на единственной мачте; кроме паруса, у него имелось шестнадцать пар весел. Резная носовая фигура изображала ангела, трубящего в трубу, а корма плавно превращалась в длинную изогнутую шею, увенчанную львиной головой. Кормчим на судне был жилистый и седобородый Ги, уже много раз пересекавший пролив и ходивший в Англию и обратно.

До сих пор Рагна плавала по морю всего единожды: три года назад они с отцом побывали в Фекане, находившемся за девяносто миль от Шербура, на дальнем берегу Сенской бухты. Погода стояла хорошая, море было спокойным, моряки любезничали напропалую с юной красавицей, и то путешествие оказалось приятным во всех отношениях.

Девушка с нетерпением ожидала нового выхода в море, предполагая, что он станет лишь первым из множества новых приключений. Конечно, ей доводилось слышать о том, что морское путешествие таит в себе опасности, однако она все равно пребывала в радостном возбуждении, уж таков был ее характер. Куда лучше что-либо предвкушать в светлой надежде, чем изводить себя глупыми домыслами.

Рагну сопровождали горничная Кэт, белошвейка Агнес, еще три служанки и Берн Великан, которому придали шесть воинов для защиты графской дочери. Взяли также лошадей – Рагна не пожелала оставить дома верную Астрид, а Берн не захотел расставаться со своим конем – и четырех вьючных пони. В поклаже, среди прочего, были четыре новых платья и шесть новых пар обуви. Еще Рагна приготовила особый свадебный подарок для Уилвульфа: пояс мягкой кожи с серебряной пряжкой и висами, уложенный в отдельную шкатулку.

Лошадей стреножили, палубу застелили соломой на случай качки в море, чтобы не больно было падать. Когда все поднялись на борт, то на судне стало тесновато – ведь, помимо важных гостей, его команда насчитывала два десятка человек.

Когда подняли якорь, Женевьевапустила слезу.

В путь тронулись при ярком солнечном свете; дул стойкий юго-западный ветер, суливший доставить их в Кум всего через пару дней. Рагна впервые за последние дни ощутила спокойствие. Уилвульф любит ее, но все может измениться. Она очень хотела подружиться с его родичами и подданными, вот только захотят ли того же они сами? Сможет ли она завоевать их расположение? Или они станут потешаться над бестолковой чужестранкой, хуже того, негодовать на ее богатство и красоту? Понравится ли ей в Англии?

Чтобы отделаться от этих вздорных мыслей, Рагна со служанками занялась англосаксонским. До отплытия она каждый день брала уроки у уроженки Англии, вышедшей замуж за мужчину из Шербура. А теперь горничные хихикали, слушая, как она произносит слова, обозначающие мужские и женские части тела.

Неожиданно, почти без всякого предупреждения, летний бриз превратился в осеннюю бурю; холодный дождь мгновенно промочил судно и всех, кто на нем плыл.

Укрыться было негде. Однажды Рагне довелось увидеть ярко раскрашенную речную ладью с навесом, защищавшим благородных дам от палящего солнца, но других кораблей наподобие этого или таких, где можно спрятаться под палубой, она не встречала. Словом, в непогоду все, кто был на борту, промокали вместе с грузом. Когда полил дождь, Рагна и ее служанки сбились в кучку, натянули на головы капюшоны и замерли на месте, чтобы не наступить невзначай в лужи, мгновенно расплзшиеся по днищу «Ангела».

Впрочем, дождь очень скоро сделался меньшей из неприятностей. Ветер крепчал и грозил перерасти в бурю. Кормчий Ги держался спокойно, однако велел спустить парус, чтобы судно не опрокинулось. Теперь «Ангел» двигался в ту сторону, куда его влекли ветер и волны. Небо застилали плотные тучи, и моряки не могли сказать, где находится Англия. Рагна начала бояться.

С кормы сбросили морской якорь – большой мешок, заполненный водой: он замедлял движение судна и помогал удерживать корму под ветром. Но против волн, которые становились все выше, этот якорь не помогал. Судно резко накренилось; ангел на носу словно вострубил в трубу, устремляясь к небесам, а в следующий миг нырнул в бурлящую пучину. Лошади не устояли на ногах, попадали на палубу, оглашая ее перепуганным ржанием. Воины Берна тщетно старались успокоить животных. Вода захлестывала борта, и кто-то из моряков стал молиться вслух.

Быть может, Рагне не суждено попасть в Англию. Быть может, судьба против того, чтобы она вышла замуж за Уилвульфа и родила от него детей. Быть может, она обречена погибнуть и угодить в преисподнюю – так ее карает Всевышний за грех прелюбодеяния, ведь она отдалась мужчине, которому не была женой.

Рагна допустила ошибку, попытавшись вообразить, каково будет утонуть. Ей вспомнились детские игры: она задерживала дыхание, выясняя, как долго сможет не дышать. Посреди бурного моря память об этой забаве преобразилась в жуткий страх, который обрушился на девушку и подмял ее под себя. Она вообразила весь ужас от осознания того, что дышать больше нет возможности, ибо легкие заполнены водой. Сколько времени нужно на то, чтобы умереть? От этой мысли ей стало плохо, и она избавилась от еды, которой наслаждалась на солнышке всего пару часов назад. Нутро не унималось, продолжало содрогаться, но было в этом и кое-что полезное – тошнота прогнала страх, поскольку Рагне очень быстро стало почти все равно, выживет она или умрет.

Чудилось, что буря никогда не закончится. Когда капли дождя вдруг исчезли из вида, Рагна не сразу поняла, что наступила ночь. Сделалось гораздо холоднее, от мокрой одежды начала бить дрожь.

Рагна понятия не имела, сколько длилась буря, но наконец она стала стихать. Ливень перешел в легкую морось, ветер унялся. Судно бессильно покачивалось на волнах. В особом, плотно закрытом сундуке нашлись фонари и початый сосуд с маслом, но разжечь огонь оказалось нечем. Кормчий Ги сказал, что можно было бы поднять парус, знай он наверняка, что они далеко от суши; однако, не зная местоположение судна и не видя береговых костров, которые наметили бы линию берега, полагаться на парус слишком опасно. Придется дожидаться утра, чтобы определить, куда их занесло.

Когда пришел рассвет, Рагна порадовалась предусмотрительности кормчего: в пределах видимости судна торчали из воды какие-то скалы. Небо по-прежнему затягивали тучи, но в одной стороне, должно быть на востоке, они были светлее. Значит, к северу лежала Англия.

Дождь возобновился, но моряки не унывали: они подняли парус, раздали на завтрак сидр и хлеб, затем принялись вычерпывать воду со дна судна.

Рагну поразила деловитость, с которой эти люди вернулись к исполнению своих обязанностей. Все они едва не погибли, так откуда в них это спокойствие, эта уверенность в себе? Сама она до сих пор думала лишь о том, что спаслась исключительно по милости Провидения.

«Ангел» шел вдоль побережья и в конце концов достиг небольшой гавани с несколькими лодками. Кормчий не знал этого места, но предположил, что судно отнесло на четыре или пять десятков миль к востоку от Кума. Судно повернуло и направилось в гавань.

Внезапно Рагне остро захотелось ощутить под ногами твердую землю.

Судно встало на мелководье, и Рагну перенесли на руках на усыпанный галькой берег. В сопровождении служанок и воинов-телохранителей она поднялась по склону к прибрежной

деревушке и вошла в таверну. Девушка рассчитывала на огонь в очаге и горячий завтрак, но было еще слишком рано: огонь едва теплился, хозяйка, взлохмаченная и сварливая, терла глаза и подкидывала хворост в медленно разгоравшееся пламя.

Рагна дрожала, ожидая, пока принесут поклажу и она сможет переодеться в сухое. Хозяйка принесла черствый хлеб и некрепкий эль.

– Добро пожаловать в Англию, – сказала она.

* * *

Пережитая буря лишила Рагну той смелости, с какой девушка отправлялась в путь. За всю свою жизнь она никогда не боялась так долго. Когда кормчий Ги заявил, что нужно дожждаться перемены погоды, а затем плыть на запад к Куму, она отказалась наотрез. Ей попросту претила мысль о том, чтобы когда-либо снова взойти на борт корабля. Впереди, не исключено, ее ожидали еще более суровые испытания, и Рагна твердо решила встретить их на суше.

Три дня спустя она усомнилась в правильности своего выбора. Дождь не прекращался, все дороги и тропы превратились в болота. Лошади быстро уставали, постоянные холод и сырость заставляли людей злиться на всех вокруг себя. На постоялых дворах, где останавливались перекусить, было темно и уныло, зато хоть не капало, как снаружи; местные, опознав в Рагне по выговору чужестранку, принимались говорить громче и даже кричать, как будто это могло облегчить ей понимание здешнего языка. Одним вечером путникам повезло заночевать в уютном доме мелкого землевладельца, Терстана из Лордсборо, а так приходилось проситься на ночлег в монастыри, где было чисто, но холодно и скучно.

По дороге Рагна куталась в плащ и покачивалась в седле, предоставив Астрид устало брести по грязи, утешало только то обстоятельство, что в конце пути девушку ждал самый замечательный на свете мужчина.

После полудня на третий день пути один выючный пони поскользнулся на склоне холма. Животное повалилось наземь, поклажа съехала набок. Пони было попытался подняться, но перевес с одного бока вновь заставил его пошатнуться. Он съехал вниз по оползню, отчаянно заржал – и рухнул в ручей.

– Бедняжка! – воскликнула Рагна. – Спасайте его, ну что вы стоите?!

Несколько воинов прыгнули в неглубокую, им по пояс, воду, но не сумели поставить животное на ноги.

– Мешки с него снимите! – посоветовала Рагна.

Это помогло. Один телохранитель держал пони за голову, чтобы животное не вырывалось, а двое других стали снимать пояса, перетягивавшие поклажу. Мешки и сундуки передавали тем, кто остался на суше. Без поклажи пони поднялся самостоятельно.

Рагна оглядела скарб, сложенный у ручья, и спросила:

– А где шкатулка с подарком Уилвульфа?

Люди заозирались, кто-то пожал плечами.

Рагна встревожилась:

– Мы не можем ее потерять, это же свадебный подарок!

Английские украшения славились и в Нормандии, а Уилвульф наверняка привык получать лучшее, поэтому Рагна заказала пряжку и висы у лучших ювелиров Руана.

Люди, которые промокли, спасая пони, вернулись в воду и принялись шарить по дну ручья в поисках шкатулки. Но первой пропажу заметила зоркая Кэт.

– Вон там! – крикнула она и ткнула пальцем.

Рагна увидела шкатулку в сотне ярдов от себя, плывущую по течению.

Вдруг из кустов вынырнул какой-то человек – насколько успела разглядеть Рагна, на голове у него был шлем. Незнакомец сделал шаг в воду и схватил шкатулку.

– Хвала небесам! – обрадованно произнесла Рагна. – Неси сюда!

Незнакомец обернулся, посмотрел на девушку сквозь забрало ржавого и ветхого шлема с прорезями для глаз и рта, а затем выбрался на сушу и скрылся в зарослях.

Рагна не могла поверить, что ее ограбили.

– Скорее за ним! – потребовала она.

Телохранители бросились в погоню. Рагна слышала, как они перекликаются друг с другом в лесу, потом их крики стихли, заглушенные дождем и шелестом листвы. Спустя некоторое время воины вернулись. По их словам, лес оказался слишком густым для преследования. Рагну начали одолевать нехорошие предчувствия. Возвратился последний воин, и Берн подытожил очевидное:

– Он ускользнул от нас.

Рагна попыталась притвориться, что случившееся ее не поколебало.

– Идем дальше, – сказала она хрипло. – Что пропало, то пропало.

Под копытами и ногами снова зачавкала грязь.

Утрата подарка оказалась последней каплей для Рагны – сначала буря на море, три дня пути под дождем, ночлег непонятно где, а теперь еще это... Родители были правы, когда ее предупреждали и пугали: это поистине ужасная страна, и она сама обрекла себя на такую участь. Девушка не сдержала слез. Те горячими струйками потекли по ее лицу, смешиваясь со студенной дождевой влагой. Рагна поглубже натянула капюшон и опустила голову в надежде, что другие не заметят ее слабости.

Приблизительно через час после кражи подарка вышли на берег реки и увидели деревушку на противоположном ее берегу. Приглядевшись, Рагна различила несколько деревянных домов и каменную церковь. У дальнего берега стояла большая лодка. По словам обитателей той деревни, которую путники миновали по дороге сюда, от паромной переправы до Ширинга оставалось два дня пути. Еще два дня страданий, с горечью подумала Рагна.

Воины закричали, вызывая паромщика, и довольно скоро появился какой-то молодой человек. Он отвязал веревку, белый с подпалинами пес было прыгнул за ним в лодку, но юноша что-то сказал, и собака вернулась обратно на берег.

Было похоже, что паромщика дождь несколько не заботит. Уверенным движением он оттолкнулся шестом. Рагна услышала, как швея Агнес пробормотала:

– Крепкий малый.

Лодка подошла к мелководу.

– Погодите, я скину сходни, так будет проще и безопаснее, – сказал молодой паромщик. Он держался вежливо, но не лебезил, явно несколько не напуганный появлением знатной дамы в сопровождении воинов. Он посмотрел прямо на Рагну и улыбнулся, как будто узнав ее, но она не помнила, чтобы ей приходилось видеть этого юношу раньше.

– Я беру по фардингу с каждого человека и каждого животного. У вас получается тринадцать человек и шесть лошадей, общим счетом выходит четыре пенса и три фардинга. Будьте любезны.

Рагна кивнула Кэт, которая хранила в пояском кошельке деньги на непредвиденные дорожные расходы. Кроме того, один выучный пони вез окованный железом сундук с большей частью средств и приданого Рагны, но этот сундук следовало открывать лишь в уединении. Кэт выдала паромщику пять английских пенни, маленьких и легких, а юноша вернул ей крошечную четверть серебряного кружка.

– Можете заезжать верхом, если не боитесь. Или ведите лошадей в поводу, сами смотрите, как вам сподручнее. Между прочим, я Эдгар.

– А это дама Рагна из Шербура, – представила свою госпожу Кэт.

– Я знаю, – ответил юноша и поклонился Рагне: – Большая честь, миледи.

Рагна взошла на лодку, остальные последовали за ней.

Судно оказалось замечательно устойчивым и выглядело отменно сделанным, доски его бортов плотно прилегали друг к другу. И никакой воды на дне!

– Хорошая лодка, – одобрила Рагна. Она не добавила «для такого захолюстья», но это подразумевал ее тон, и на мгновение она задумалась, не обидела ли местного своим замечанием.

Впрочем, Эдгар не подал вида, что обиделся:

– Спасибо, миледи. Я сам ее построил.

– Сам? – переспросила она с недоверием.

Да что же такое-то?! Она опять дала ему повод обидеться. Рагна словно забыла о собственном решении непременно подружиться с англичанами. Она себя не узнавала: обычно ей не составляло труда наладить отношения с незнакомцами. Должно быть, всему виной тяготы путешествия и необычная новая страна, вот она и злится. Хватит, пора вести себя прилично.

По счастью, этот Эдгар, судя по всему, не отличался чрезмерной щепетильностью, и ее слованисколько его не уязвили.

– В такой глуши два корабеля ни к чему, – поведал он с улыбкой.

– Я просто удивилась, что здесь нашелся хотя бы один.

– Я тоже, если честно.

Рагна засмеялась. Этот юноша явно был сообразителен и не ценил себя чрезмерно высоко. Ей это понравилось.

Эдгар проверил, как расположились люди и животные, после чего взялся за шест и оттолкнулся от берега. Рагна несказанно удивилась, когда швея Агнес заговорила с паромщиком на англосаксонском, пусть и с запинками.

– Моя госпожа выходит замуж за элдормена Ширинга.

– За Уилвульфа? – Эдгар вскинул брови. – Я думал, что он давно женат.

– Его жена умерла.

– Значит, твоя госпожа станет госпожой над всеми нами.

– Если только мы не утонем под дождем по дороге в Ширинг.

– Разве в Шербуре дождя не бывает?

– Такого, как здесь, точно нет.

Рагна улыбнулась. Агнес была одинока и очень хотела найти себе пару. Пожалуй, она могла бы выбрать в мужа кого-то похуже этого находчивого молодого англичанина. Вообще никого не удивит, если все служанки Рагны подберут себе ухажеров среди англов: стоит в немногочисленной женской компании выйти замуж одной, как ее пример оказывается заразительным.

Девушка бросила взгляд на дальний берег. Церковь на возвышенности была построена из камня, но выглядела маленькой и невзрачной. Крошечные окна самых разных очертаний беспорядочно испещряли толстые стены. В Нормандии окна тоже делали небольшими, но обыкновенно старались придавать им одинаковые очертания и располагать правильными рядами. Такая строгость куда лучше отвечала тому порядку, который заповедал Всевышний, сотворяя упорядоченный мир растений, рыб, животных и людей.

Лодка достигла дальнего берега. Эдгар соскочил в воду, привязал судно и сбросил сходни, махнув путникам рукой. Вновь Рагна двинулась первой, ее лошадь благополучно ступила на сушу и воодушевила прочих животных.

Рагна спешила у двери таверны. Из заведения выглянул мужчина, на мгновение напомнивший ей Уилвульфа, – такого же роста и телосложения, но это, конечно, был не элдормен.

– Мой постоялый двор столько людей не вместит, – заявил он ворчливым тоном. – Чем кормить-то прикажете?

– Как далеко до следующей деревни? – спросила Рагна.

– А, чужестранка. – Мужчина хмуро кивнул. – Та деревня называется Уигли, сегодня вы туда не доберетесь.

Похоже, он искал повод заломить несусветную цену за свои услуги.

Рагна развела руками:

– Что же нам делать?

Тут вмешался подоспевший Эдгар.

– Дренг, это дама Рагна из Шербура. Она выходит замуж за элдормена Уилвульфа.

Дренг мгновенно подобрел:

– Прости меня, миледи, я и знать не знал, кто ты такая. Прошу, входи внутрь, погрейся у огня. Рад тебя приветствовать. Кстати, мы с тобой породнимся, через брак-то.

Рагна смутилась. Ей что, предстоит породниться с хозяином таверны и постоянного двора?

Она не сразу приняла его приглашение пройти внутрь.

– Вот как?

– Ага. Элдормен Уилвульф – мой двоюродный брат. Так что после вашей свадьбы ты войдешь в нашу семью.

Рагна не то чтобы обрадовалась, а Дренг продолжал:

– Мы с братом управляем этой крохотной деревушкой, конечно, по воле и властью Уилвульфа. Мой брат Дегберт – настоятель монастыря на холме.

– Та маленькая церковка – монастырь?

– Там с полдюжины священников, совсем немного. Но прошу, идем внутрь.

Дренг приобнял Рагну за плечи.

Что он себе позволяет? Даже если бы Дренг ей понравился, она не намерена потворствовать попыткам ее облапать. Нарочито резко Рагна стряхнула его руки со своих плеч.

– Мой муж вряд ли одобрит подобные ласки от своего брата, – холодно сказала она и первой вошла в таверну.

Дренг бросил ей в спину:

– Да наш Уилф точно был бы не против.

Но снова обнять не отважился.

Рагна оглядела таверну. Как тут все знакомо! Внутри, как и в большинстве английских таверн, было темно и дымно, а пахло скверно. Всю обстановку составляли два стола и несколько скамей и табуретов.

Кэт выскользнула из-за спины госпожи, придвинула к огню табурет и помогла Рагне снять промокший плащ. Рагна уселась у очага и вытянула руки, пытаясь согреть пальцы.

В таверне находились три женщины. Старшая, скорее всего, жена Дренга. Младшая, беременная девушка с искривленным гримасой лицом, ходила простоволосой – обычно так расхаживали шлюхи; Рагна предположила, что это рабыня. Третья женщина, приблизительно возраста Рагны, вполне могла быть наложницей Дренга.

Горничные и телохранители Рагны тоже зашли под крышу, и Рагна попросила Дренга:

– Будь добр, напои моих слуг элем.

– Моя жена немедленно все устроит, миледи. – Дренг повернулся к двум женщинам: – Лив, налей им эля. Этель, займись готовкой.

Лив, старшая женщина, откинула крышку сундука, где хранились, как выяснилось, многочисленные деревянные миски и кружки, и принялась наливать эль из бочки, стоявшей на подставке в углу. Этель, средняя по возрасту, повесила над огнем железный котел и налила в него воды, затем притащила откуда-то баранью ногу и пихнула ее в воду.

Беременная девушка принесла охапку дров. Рагна подивилась тому, что она выполняет тяжелую работу, хотя, судя по животу, срок родов совсем близко. Понятно, почему она кажется такой усталой и угрюмой.

Эдгар опустился на колени у очага и развел огонь, подкладывая ветку за веткой. Вскоре пламя весело запылало, согрев Рагну и высушив ее одежду.

– На пароме, когда моя горничная Кэт сказала тебе, кто я, ты ответил, что знаешь. Разве мы знакомы? – спросила она.

Эдгар усмехнулся:

– Ты не помнишь, миледи, но мы встречались раньше.

Рагна не стала извиняться. В конце концов, знатная дама встречается с сотнями людей, нелепо ожидать, что она способна запомнить всех.

– Когда это было? – уточнила она.

– Пять лет назад. Мне было всего тринадцать. – Эдгар вытащил из-за пояса нож и положил его на камни очага так, чтобы лезвие оказалось в огне.

– Значит, мне было пятнадцать. Поскольку в Англии я прежде не бывала, это ты должен был приплыть в Нормандию.

– Мой покойный отец был корабелом в Куме. Мы перегоняли в Шербур лодку, которую сделали по заказу. Именно тогда мы с тобой и встретились.

– Мы говорили?

– Да. – Юноша вдруг потупился.

– Погоди-ка! – Теперь уже Рагна улыбнулась: – Я смутно припоминаю нахального маленького англа, который явился в наш замок без приглашения.

– Звучит похоже на меня.

– Он называл меня красивой, правда, изъяснялся кое-как.

Эдгару хватило скромности покраснеть:

– Прошу прощения за свою наглость. И за скверный язык. – Тут он ухмыльнулся: – Но вкус-то меня не подвел!

– Что я ответила? Уже не вспомнить.

– Ты заговорила со мной на хорошем англосаксонском.

– И что сказала?

– Что я обаятельный.

– Ах да, вспомнила! А ты заявил, что собираешься жениться на такой красавице, как я.

– Неужели я был настолько непочтительным, миледи?

– Мне было приятно услышать твои слова, но потом, сдастся мне, я решила, что шутка зашла достаточно далеко.

– Так и было. Ты велела мне возвращаться в Англию, пока я не угодил в настоящие неприятности. – Эдгар встал, прикинув, должно быть, что сейчас, как и пять лет назад, рискует показаться дерзким. – Хочешь теплого эля?

– С удовольствием.

Он взял кружку у женщины по имени Лив. Прикрыл пальцы рукавом, как перчаткой, достал нож из огня и опустил лезвие в кружку. Эль зашипел и вспенился. Эдгар слегка взболтал жидкость и протянул кружку Рагне.

– Надеюсь, не слишком горячо.

Девушка поднесла кружку к губам и сделала глоток.

– Чудесно! – После большого глотка она ощутила тепло внутри.

Стало намного легче.

– Увы, мне пора, – сказал Эдгар. – Думаю, хозяин таверны хочет с тобой поговорить.

– О нет, пожалуйста, не уходи, – взмолилась Рагна. – Не бросай меня на растерзание этому странному мужчине. Вот, садись. И давай еще поговорим.

Он придвинул табурет, задумался на мгновение и произнес отстраненно:

– Наверное, тяжело начинать новую жизнь в чужой стране.

«Уж поверь, непросто», – мысленно ответила Рагна, однако ей вовсе не хотелось, чтобы ее считали букой.

– Это приключение, – бодро заявила она.

– Правда? Все ведь по-другому. В тот день в Шербуре я чувствовал себя сбитым с толку – иной язык, диковинная одежда, даже дома выглядели странно. А я провел там всего один день.

– Ты прав, это приключение и вызов, – признала она.

– Я заметил, что люди не всегда добры к чужестранцам. Когда мы жили в Куме, то навидались чужаков. Некоторым нашим соседям нравилось потешаться над ошибками франков и фламандцев.

Рагна кивнула. Невежды считают чужестранцев глупыми, не понимая, что сами окажутся ровно в том же положении, случись им попасть на чужбину.

– Должно быть, к такому нелегко привыкнуть. Восхищаюсь твоей храбростью.

Он превый среди всех англичан, которые до сих пор встретились Рагне, посочувствовал ее доле, словно неким образом узнал о выпавших ей испытаниях. Причем, сам того не ведая, расхваливал ее притворство, скрывавшее глубокое отчаяние. К собственному ужасу, Рагна расплакалась.

– Ой, прости! – Эдгар вскочил. – Что я натворил?

– Ты был добр ко мне, – сумела выговорить она. – В отличие от всех, с кем я сталкивалась после высадки на сушу в вашей стране.

Он снова смутился:

– Я не хотел тебя расстраивать.

– Ты ни в чем не виноват. – Проклинать вслух мерзкую и коварную Англию Рагна не стала: уж проще свалить все на злодея. – Днем я лишилась кое-чего ценного.

– Жаль это слышать. Что ты потеряла?

– Подарок будущему мужу, пояс с серебряной пряжкой. Я везла его в дар на свадьбу.

– Очень жаль, – повторил Эдгар.

– Его украл человек в шлеме.

– Наверное, Железная Башка. Это местный разбойник. Он пытался украсть поросенка у моей семьи, но пес вовремя залаял.

В таверну вошел лысый мужчина и направился напрямик к Рагне. Как и Дренг, он отдаленно смахивал на Уилвульфа.

– Добро пожаловать в Дренгс-Ферри, миледи, – сказал он. – Я Дегберт, настоятель монастыря и владелец этой деревни. – Повернулся к Эдгару и тихо прибавил: – Проваливай, парень.

Эдгар молча удалился.

Дегберт без приглашения уселся на табурет, который прежде занимал юноша.

– Твой жених – мой двоюродный брат, – поведал он.

– Рада познакомиться, – вежливо ответила Рагна.

– Для нас большая честь принимать тебя здесь.

– Мне очень приятно, – солгала она. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем ей позволят лечь спать.

Она немного поболтала с Дегбертом ни о чем – беседа вышла унылой, – а затем вдруг вернулся Эдгар в сопровождении толстого мужчины в наряде священнослужителя и с сундуком в руках.

Дегберт покосился на них и раздраженно спросил:

– Что вам нужно?

– Я попросил Катберта принести некоторые драгоценности и показать их даме Рагне, – объяснил Эдгар. – Сегодня днем она потеряла кое-что ценное. Железная Башка ее ограбил. Возможно, у нас найдется чем заменить пропажу.

Дегберт помешкал. Ему явно не хотелось ни с кем делиться правом общения с высоко-родной гостьей. Но все же он счел возможным изящно уступить.

– Монастырь гордится мастерством Катберта, – изрек он величаво. – Надеюсь, ты найдешь что-нибудь по своему вкусу, миледи.

Рагна в этом сомневалась. Да, лучшие английские украшения были великолепны и ценились по всей Европе, но отсюда вовсе не следовало, что любые поделки англо-в отменны; а в этой крохотной деревушке едва ли может проживать истинный мастер своего дела. Но до чего же приятно избавиться от Дегберта!

Катберт, заметно робея, справился:

– Могу я открыть сундук, миледи? Я бы сам к тебе не подошел, конечно, однако Эдгар думает, что нам есть чем тебя заинтересовать.

– Разумеется, открывай, – откликнулась Рагна. – Давай поглядим, чем ты богат.

– Покупать не обязательно, честное слово. – Катберт расстелил на полу синюю ткань и раскрыл сундук. Там лежали некие предметы, обернутые в шерсть. Мастер принялся вытаскивать эти предметы один за другим, осторожно разворачивать их и выкладывать перед Рагной, а сам все настороженно посматривал на гостью.

Ее очень удивило высокое качество работы. Мастер показывал броши-фибулы, пряжки, застежки, наручные браслеты и перстни, преимущественно серебряные, с затейливыми резными узорами, нередко отделанные черным – Рагна решила, что это чернь, сочетание металлов.

Взгляд девушки упал на увесистый браслет вполне мужского вида. Она взяла украшение в руки. И вправду довольно тяжелый. Браслет был сделан из серебра, а на узоре переплетались змеи, и не составляло труда вообразить это украшение на мускулистой руке Уилвульфа.

– Мое лучшее творение, миледи, – лукаво сказал Катберт.

Она еще раз осмотрела браслет. Нет сомнений, Уилвульфу он понравится, ее муж будет носить его с гордостью.

– Сколько ты за него просишь?

– В нем много серебра.

– А чистое ли серебро?

– Одна частичка меди, для прочности, на двадцать частей серебра, – ответил мастер. – Как в наших серебряных монетах.

– Очень хорошо. Итак, сколько?

– Это подарок для элдормена Уилвульфа?

Рагна усмехнулась. Ювелир не спешил называть цену до тех пор, пока не выяснит все подробности. Похоже, пытается понять, сколько она готова заплатить. Может, этот Катберт и робок, подумалось ей, но в хитроумии ему не откажешь.

– Да, – подтвердила девушка, – это подарок на свадьбу.

– В таком случае я отдам его тебе не дороже, чем он обошелся мне самому. Не хочу портить твое брачное торжество.

– Крайне любезно с твоей стороны. Так сколько?

Катберт вздохнул.

– Фунт, – сказал он.

Это были большие деньги, в одном фунте было двести сорок серебряных пенни. Но в браслете с полфунта серебра, значит, цена вполне разумная. Вдобавок чем дольше Рагна разглядывала браслет, тем сильнее ей хотелось его купить. Она вообразила, как надевает браслет на руку Уилвульфа, как смотрит в лицо мужу и видит его улыбку.

Она решила не спорить – торговаться недостойно знатной дамы. Она же не крестьянка, покупающая кухонную утварь. Но Рагна все равно сделала вид, будто раздумывает.

– Прошу, миледи, не вынуждай меня продавать этот браслет дешевле, чем он стоил мне.

– Хорошо, – согласилась она. – Покупаю за фунт.

– Элдормен будет в восторге, уверяю тебя. Браслет отлично сочетается с его могучей рукой.

Кэт внимательно наблюдала за разговором и, по кивку Рагны, подошла туда, где сложили поклажу путников, и украдкой открыла окованный железом сундук.

Рагна надела браслет себе на руку. Конечно, для нее он был слишком большим, но какая красивая резьба!

Катберт между тем завернул прочие украшения в шерсть и любовно убрал в свой сундучок.

Кэт вернулась с маленькой кожаной сумкой. Скрупулезно отсчитала количество пенни, кратное двенадцати, а Катберт исправно все пересчитал. Наконец он сложил полученные деньги в сундучок, закрыл крышку и ушел, пожелав Рагне на прощание великолепного свадебного торжества и долгих лет счастливого брака.

К ужину накрыли оба стола. Гости уселись первыми. Мисок не ставили, вместо них на столешнице разложили толстые ломти хлеба с приготовленной Этель бараниной с луком. Все ждали Рагну. Девушка отрезала ножом кусок мяса и положила в рот, после чего все приступили к еде. Тушеное мясо оказалось вкусным и сытным.

Рагна приободрилась – она поела, выпила эля и получила удовольствие от покупки подарка для любимого человека.

Тем временем окончательно стемнело, и беременная рабыня зажгла фонари.

Покончив с едой, Рагна проговорила:

– Как же я устала! Где мне спать?

– Да где угодно, миледи, – весело отозвался Дренг.

– Но где моя кровать?

– Боюсь, у нас нет кроватей, миледи.

– Как это – нет кроватей?

– Увы, миледи, вот так.

Неужели они всерьез считают, что она закутается в плащ и ляжет на солому вместе со всеми остальными? Этот жуткий Дренг наверняка попробует прилечь рядом с нею. В английских монастырях ей выделяли простое деревянное ложе, а Терстан из Лордсборо предоставил что-то вроде сундука с красивой резьбой.

– Что, даже настила нет?

– В Дренгс-Ферри кроватей не водится, миледи.

Тут подал голос Эдгар:

– Разве что у монахинь.

Рагна удивилась:

– Никто мне не рассказывал о здешних монахинях.

– Они живут на острове, – пояснил Эдгар. – Там стоит небольшой монастырь.

– Миледи, туда нельзя! – с притворной заботой в голосе вмешался Дренг. – Монахини присматривают за прокаженными и другими больными. Недаром этот остров зовется Островом прокаженных.

Рагна недоверчиво покачала головой. Многие монахини в Европе ухаживали за больными – и редко заражались от тех, о ком пеклись. Этот Дренг просто не хотел ни с кем делиться честью принимать Рагну у себя.

– Прокаженных в сам монастырь не пускают, – заметил Эдгар.

– Откуда тебе знать, мальчишка?! – напустился на него Дренг. – Ты прожил тут от силы четверть года, сиди и молчи. – Он ележно улыбнулся Рагне: – Миледи, я не могу тебя туда отпустить.

– Я не спрашивала твоего разрешения, – холодно произнесла Рагна. – Уж как-нибудь сама разберусь. – Она повернулась к Эдгару: – Как устроены спальные места в женском монастыре?

– Я был там всего раз, чинил крышу. Думаю, у них две спальни, одна для настоятельницы и ее ближайшей помощницы, а вторая, большая, для пяти или шести остальных монахинь. В обеих я видел деревянные кровати с тюфяками и одеялами.

– Звучит великолепно. Ты отвезешь меня туда?

– Конечно, миледи.

– Кэт и Агнес отправятся со мной. Мои прочие слуги останутся здесь. Если женский монастырь мне не подойдет по какой-либо причине, я немедленно вернусь.

Кэт взяла кожаную сумку, в которой лежали вещи, необходимые Рагне перед сном, в частности гребень и кусок иберийского мыла. Девушка с огорчением выяснила, что в Англии в ходу лишь жидкое мыло.

Эдгар снял со стены фонарь, Кэт прихватила еще один. Дренг скрипнул зубами, но возразить не посмел.

Рагна поймала взгляд Берна и пристально посмотрела на главного телохранителя. Тот понятливо кивнул – ему выпало стеречь сундук с деньгами.

Следом за Эдгаром все трое вышли наружу. Спустились к берегу и сели в лодку, пока Эдгар отвязывал веревку. Его пес запрыгнул на борт. Эдгар взял в руки шест, и лодка поплыла.

Рагна рассчитывала на то, что женский монастырь ее не разочарует. Ей настоятельно требовались чистая комната, мягкая постель и теплое одеяло. Она чувствовала себя так, как чувствует, должно быть, страдающий от жажды человек, у которого запершило в горле перед кувшином холодного сидра.

– Это богатый женский монастырь, Эдгар? – спросила Рагна.

– Не особенно. – Юноша без видимых усилий направлял лодку, его дыхание было ровным, и казалось, что он совсем не устает. – Они владеют землей в Нортвуде и в Сент-Джон-ин-зе-Форест.

– Скажи, Эдгар... – Агнес замялась, и Рагна невольно улыбнулась. – Ты женат на одной из женщин в таверне?

Судя по всему, Агнес положила глаз на молодого паромщика.

Юноша рассмеялся:

– Нет, что ты! Две из них – жены Дренга, а беременная девушка – его рабыня.

– В Англии мужчинам разрешено иметь двух жен?

– Ну, не то чтобы разрешено, однако священники не в силах изменить этот обычай.

– А кто отец ребенка рабыни? Ты?

Еще один острый вопрос, подумалось Рагне.

Эдгар даже вскинулся:

– Конечно нет!

– А кто?

– Никто не знает.

– У нас в Нормандии нет рабов, – вставила Кэт.

Дождь продолжал капать, ни луны, ни звезд не было видно. Рагна едва различала очертания окрестностей, но Эдгар знал, куда плыть, и очень скоро паром уткнулся в песчаный берег. Свет фонарей выхватил из мрака привязанную к столбу небольшую лодку. Эдгар сбросил сходни.

– Тут дно крутое, – сказал он, повернувшись к женщинам. – Может, вас перенести? Недалеко, всего два шага, зато платья не намокнут.

Кэт фыркнула.

– Перенеси госпожу, – весело воскликнула она, – а мы с Агнес сами справимся.

Агнес разочарованно хмыкнула, но не осмелилась спорить с Кэт.

Эдгар спрыгнул с парома. Вода доходила ему до бедер. Рагна присела у борта, спиной к юноше, затем развернулась, обняла его за шею и наконец перекинула ноги через борт. Юноша принял ее вес на обе руки без малейших усилий.

Она внезапно поняла, что ей нравится быть в его объятиях. Это осознание принесло легкий стыд – ведь она влюблена в другого мужчину, за которого вскоре выйдет замуж, так что не пристало прижиматься к кому-то другому! Но, во-первых, у нее имелось оправдание, а во-вторых, все закончилось почти сразу. Эдгар сделал два шага по воде и поставил Рагну на сушу.

Вверх по склону от берега бежала тропинка. Она вывела путников к большому каменному зданию. Его очертания скрадывались окружающей темнотой, но Рагне показалось, что она разглядела два выступа крыши: один, наверное, церковный, а второй – монастырский. Сбоку от монастыря угадывалась невысокая колокольня.

Эдгар постучал в деревянную дверь.

Спустя некоторое время женский голос спросил:

– Кто это стучится среди ночи?

Рагне вспомнилось, что у монахинь вообще принято рано ложиться спать.

– Это Эдгар-строитель. Я привез леди Рагну из Шербура, которая желает вашего гостеприимства.

Дверь открыла худая женщина лет сорока, с бледно-голубыми глазами. Из-под чепца торчали пряди седых волос. Она подняла фонарь, который держала в руке, и молча оглядела гостей. При виде Рагны ее глаза расширились от изумления, а рот приоткрылся. Такое бывало неоднократно, и Рагна к этому привыкла.

Монахиня посторонилась, пропуская женщин.

Рагна попросила Эдгара:

– Подожди, пожалуйста, на всякий случай.

Дверь закрылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.